

А.Ю. АГАФОНОВ

ЧЕЛОВЕК КАК СМЫСЛОВАЯ МОДЕЛЬ МИРА

ПРОЛЕГОМЕНИ К ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ
СМЫСЛА

Издательский Дом

"БАХРАХ - М"

2000

ББК 88

А 23

Научные рецензенты:

доктор психологических наук, Президент Санкт - Петербургского отделения Российского психологического общества, профессор В.М. Аллахвердов (г. Санкт - Петербург);
доктор психологических наук, член - корреспондент РАО, профессор В.А. Петровский (г. Москва).

А 23 Агафонов А. Ю.

Человек как смы(ш)овая модель мира. Прологомены к психологической теории смысла. - Самара: Издательский Дом "БАХРАХ - М". 2000. - 336 с.

ISBN 5 - 89570 - 012 - 8

В данной монографии рассматриваются фундаментальные проблемы психологии: онтология психического, работа сознания, феномен понимания, природа человеческой памяти, психическая интерференция. Из какого материала строится психическая реальность? Как и при каких условиях происходит познание мира? - Эти и другие вопросы обсуждаются на страницах данной книги. Автор убежден, что ведущая роль в психическом отражении действительного мира принадлежит сознанию. Поэтому сознание, в котором заключена специфика человеческой психики, является одной из центральных тем данной работы. Книга написана для методологов, философов, психолингвистов, преподавателей психологии и студентов психологических факультетов, а также для всех тех, кто увлечен стремлением разгадать тайну человеческой психики.

ISBN 5 - 89570 - 012 - 8

© Агафонов А. Ю., 2000

© Предисловие. Аллахвердов В.М., 2000

© Оформление. Издательский Дом

"БАХРАХ - М", 2000.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
от АВТОРА	7
БЛАГОДАРНОСТИ	12
ВВЕДЕНИЕ	14
ЧАСТЬ 1. ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЕДИНИЦЫ АНАЛИЗА В ПСИХОЛОГИИ	18
Глава 1. История выбора единиц анализа психического	18
Глава 2. Принципы определения единицы анализа психического	43
Глава 3. Смысл как единица анализа	53
ЧАСТЬ 2. СМЫСЛ. СОЗНАНИЕ. ПОНИМАНИЕ.	60
Глава 1. Содержательный анализ понятия "смысл"	60
Глава 2. Смысловая природа психического: основоположения и обоснования	70
Глава 3. Память как интегратор смыслового содержания психики	130
3.1. Память в отношении к психическому времени	143
3.2. Парадокс забывания. Доказательство тотальной сохранности мнемических следов.	173
Глава 4. Загадка происхождения сознания в антропогенезе	187
Глава 5. Модели сознания	199
5.1. Сознание как мультипликативный самоинтерпретирующийся текст	219
Глава 6. О механизме психической интерференции	239
Глава 7. Феномен понимания	250
7.1. Специфика понимания в мыслительном контуре	275
7.2. Мышление: парадокс "реминисценции" понимания. Рефлексивный контур.	284
ЧАСТЬ 3. МЕТОДЫ ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	295
Глава 1. Психологические методы	296
Глава 2. Психофизиологические методы	302
ЧАСТЬ 4. БЕССМЫСЛЕННОСТЬ СМЕРТИ В ЗАЗЕРКАЛЬЕ ПОНИМАНИЯ (поэтические медитации)	310
ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	328
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	331

ПРЕДИСЛОВИЕ

В одном из романов К. Воннегута робот - путешественник, везущий приветствие из одной Галактики в другую, попадает в аварию и оказывается на одной из планет Солнечной системы. Ему срочно нужна некая деталь для починки космического корабля. И робот находит способ сообщения своим коллегам, какую деталь необходимо срочно прислать. На планете Земля он создает цивилизацию, которая порождает необходимый сигнал, построив Вестминстерское аббатство, Великую китайскую стену и Московский Кремль... Забавная история? О, нет! - восклицаем мы, не может быть, чтобы жизнь человечества была столь бессмысленной.

И все же Воннегут даже более оптимистичен в описании смысла бытия, чем современная наука. У него хоть есть какие-то Галактики, которые способны принять и понять сигнал. А наука ничего не знает о существовании других цивилизаций и рассматривает человека с его страстями и убеждениями, верой и надеждой как случайное образование. Никакое стремление к истине, добру и красоте, утверждает наука, не предохранит ни одного человека от смерти. И все человеческие свершения, воплощенные в камне, в книгах, в технических конструкциях, в конце концов тоже исчезнут вместе с Солнечной системой и Вселенной. Так зачем же люди столь упорно ищут смысл жизни?

В предлагаемой вашему вниманию книге А.Ю. Агафонова дается, на мой взгляд, ясный ответ. Человек обречен на поиск смысла, потому что его сознание соткано из смыслов. И эти смыслы **МЫ** самостоятельно и произвольно создаем. В этом приписывании смысла всему - себе, миру, даже самому смыслу - заключена великая свобода человеческого сознания. Мы сами вольны выбирать, каков смысл мира, добрый мир или злой; сами призваны отвечать на вопросы: кто есть Я, зачем живу на этом свете? А поэтому и отвечаем перед собой и другими за выбор созданных нами ответов. Как показывает автор, эти вопросы совсем не так давно стали предметом обсуждения в современной психологии. На поиск смысла направлены многие психотерапевтические техники.

А.Ю. Агафонов, однако, ориентирован не столько на практику, сколько на теоретический анализ возникающих при данной интерпретации проблем. Как человек способен узнать, что он вспомнил именно то, что забыл - ведь не может же он помнить забытое? Как вообще работает память, если она опирается только на смысл того, что запоминает? А как человек узнает, что его посетила новая и удачная идея - он заранее знает, какая идея должна его посетить? Автор внимательно рассматривает различные эксперименты, обсуждает возможные методы исследования. И зачастую находит оригинальные решения **сложнейших** головоломок.

Психология вступает сегодня в новый век. Однако положение дел в психологии мало кого устраивает. Все более в прошлое уходят концепции В. Вундта и З. Фрейда, Д.Н. Узнадзе и Д.Н. Леонтьева. Кто и с чем придет к ним на смену? Психология **ждет** новых открытий и новых теорий. И я не удивлен, что эти теории прежде всего возникают в России, которая явно переживает нечто подобное эпохе Возрождения. Вспомните Ренессанс в Италии: политическая ситуация отвратительна, лидеры один хуже другого, нравственные ценности осмеиваются, атмосфера насыщена гнусностью, продажностью и убийствами. И на фоне этого творят такие универсальные гении, как Леонардо и Кардано. Может быть, это предчувствие *возрожденческого универсализма* побуждает Андрея Юрьевича Агафонова смешать в одной книге как жесткие логические конструкции (в тексте они прямо фиксируются: аксиома - следствие), так и описание естественнонаучных экспериментов. Но при этом он откровенно ориентирован на гуманитарный способ рассуждений, а в завершение еще и поднимает свой поэтический бокал.

Автор хорошо понимает неустранимость субъекта из любой человеческой деятельности, в том числе и научной. И справедливо отмечает субъективные компоненты в любой теории. Но все же не настолько же!.. Да, подлинно научные **теории** никогда не бывают абсолютно правильными. Да, ученый не является носителем абсолютной истины. Но все же он направлен на поиск истины, неизбежно претендует на приближение к ней. **Поэтому** Агафонов лукавит, когда заявляет, что, мол, абсолютно неважно, являются ли его теоретические построения верными. Согласен, каждый автор должен сомневаться в своей теории -

иначе он не сможет ее совершенствовать. Но каждый автор одновременно обязан неизбежно верить в свою концепцию, иначе он не сможет ее созидать.

Надеюсь, что читатель не только получит удовольствие от встречи с концептуальными построениями талантливого молодого ученого А.Ю. Агафонова, но и сможет в них поверить.

Доктор психологических наук, заведующий кафедрой "Общая и экспериментальная психология" факультета психологии СПбГУ, Президент Санкт - Петербургского отделения Российского психологического общества, профессор В.М. Аллахвердов

САМОМУ ТЕРПЕЛИВОМУ,
САМОМУ ДОБРОМУ, САМОМУ
МУДРОМУ ЧЕЛОВЕКУ НА СВЕТЕ,
МОЕЙ ДРАГОЦЕННОЙ МАМЕ -
АГАФОНОВОЙ ЛЮДМИЛЕ
АЛЕКСАНДРОВНЕ, НАУЧИВШЕЙ
МЕНЯ БЫТЬ ПАТРИОТОМ СЕБЯ,
ПОСВЯЩАЮ ...

ОТ АВТОРА

Замысел настоящей работы созрел в течение последних десяти лет. Еще будучи студентом факультета психологии Санкт - Петербургского Госуниверситета, я озадачил себя следующими вопросами: "Почему люди, рождаясь в уже готовом лингвистическом мире, сплошь и рядом друг друга не понимают, ведь слова языка имеют свои словарно закрепленные значения? Если за каждым словом, за каждым языковым выражением у каждого человека лежит свой неповторимый смысл ("яблоко" для ребенка, для агронома и художника имеет различную побудительную силу, качественно различный аксиологический и эстетический вес, принципиально различную семантику), то почему, все - таки, понимание между людьми достижимо?" Интерес к подобного рода вопросам побудил меня обратиться к семиотике и психолингвистике. Определенным итогом осмысления проблемы приема и переработки знаковой информации человеком явилась моя дипломная работа¹. Я легкомысленно полагал, что ответ на вопрос: "Как люди понимают друг друга и самих себя, в то время, когда выражение мысли или чувства всегда есть нечто совсем другое, чем эти мысли и чувства?", с течением времени, пусть даже не в праздничном одеянии, а, как выразился бы Р. Музиль, "в нижнем белье моего сознания", наконец, обнаружит себя, что, без сомнения, даст уверенность обладания ключом ко всем загадкам человеческого мира. Позже я понял истинный смысл гераклитовского изречения: "Многознание уму не научает". По-

¹Агафонов А.Ю. Особенности организации психосемантического пространства в процессе переработки знаковой информации (психофизиологический аспект). Дипломная работа. СПб., 1994.

нять, что такое понимание, когда и как оно выполняется, и если не выполняется, то почему, совершенно невозможно, если ты занимаешь по отношению к Знанию потребительскую позицию, ожидая, что количество знания перерастет в качество понимания. Любое приращение знания не дает возможности понять то, что может совершиться единственный раз в единственном месте, а именно - в твоём сознании. Любое открытие, в том числе и научное открытие, представляет собой озарение, которое переживается человеком как внутреннее потрясение, как откровение, как момент предельной жизнеспособности сознания. Тайна умопостижения сути вещей не может быть разгадана исходя из количества того знания, которым человек обладает. Иначе говоря, я не усматриваю тесной корреляции между объемом накопленного знания и способностью к нетривиальному пониманию, то есть способностью к такому пониманию, которое единственно и допускает рождение новых идей. Движение в лабиринтах знания исключает в том числе и возможность понимания того, что есть понимание. Всякий, кто надеется найти Истину, Смысл, Понимание в Текстах и Людях, рано или поздно будет разочарован, так как это те вещи, которыми можно обладать только монопольно и которыми при всем желании нельзя поделиться. Однако, страстно желая найти в себе нечто подлинное, настоящее, безусловно ценное, человек вынужден, независимо от выбранного пути, идти к этому через Мир.

Все, что человека по-настоящему мучает (естественно, в интеллигибельном плане), превышает наличные возможности его разума, (хотя, кроме разума нет иного инструмента понимания). Но еще более накаляет трагическую спираль познания то обстоятельство, что только на этой волне ничем не устранимого напряжения человек поднимается над своей собственной тварностью. Во всяком случае, по моему глубокому убеждению, чем больше человек способен задаваться вопросами, не имеющими окончательных ответов, ясно осознавая иллюзорность всякой попытки, и, вопреки всей очевидной абсурдности, не прекращать поиски возможных решений, тем больше в человеке Человека.

Как известно, с удивления начинается любовь к мудрости. На мой взгляд, теоретическая психология существенно отстает в своем развитии от той сферы психологического знания, которая

традиционно проходит по ведомству "прикладная психология". Не могу ничего сказать относительно того "губительного" познания дел в физике, которая испытывает дефицит сумасшедших идей, но то, что психология перестала удивлять (пожалуй, после явления Фрейда), - есть неоспоримый факт. Изучая психологию по существующим учебным пособиям и руководствам, любой студент, имеющий поползновения в сторону мысли, готов согласиться с тем, что нарисованная в них картинка отобразит устройство чьей угодно психики, но только не его. "Я не могу быть так примитивно устроен". "Моя бессмертная душа не может быть препарирована никаким самым точным измерительным инструментом". Вот естественная реакция тех, которые и согласны понимать свою психическую конституцию в соответствии с постулатами и предписаниями "классической" психологии! Каждый, кто осознает пробелы в существующем знании, кто имеет необходимые интеллектуальные ресурсы, а самое иное, эмоциональные силы, претендует на создание своей жизни человека. В этой связи психоанализ - это описание жизненного случая Фрейда, "индивидуальная психология" (в аспекте Боррии) - рассказ Адлера о собственном опыте, юнгианский психоанализ - путевые заметки, описывающие странствия авторской теории "коллективного бессознательного" в архетипические сферы. Любая психологическая теория отражает, в первую очередь, собственный опыт автора. В той или иной степени это подтверждение о собственной психической организации. Парадоксально то, что субъект исследования и есть в данном случае, в каком-то обобщенном виде, предмет исследования². По этому поводу очень красноречиво высказался Юнг: "Никогда не забывайте о том, что в психологии средство, с помощью которого вы

■ пример, хотя и в гипертрофированном виде, иллюстрирующий следующие до сих пор взгляды на природу человека: "Человек - это томат, воспринимающий, перерабатывающий и отдающий во вне формуляцию." (Н.М. Амосов. Моделирование мышления и психики. М.: ИВВ. 195. С. 164.)

■ свое время Кант признавался, что он не испытывает необходимости покидать пределы Кенигсберга с тем, чтобы выполнить свою жизненную задачу. Чтобы сделать разум объектом критики, Канту было достаточно точно в полной мере обнаруживать разум (да еще какой разум!) в себе.

судите о Psyche и наблюдаете за ней, это сама *Psyche*. Слыхали ли вы когда-либо об ударяющем по самому себе молотке? (К этому интересному образу мы вернемся при обсуждении проблемы сознания. - А.А.) В психологии объектом наблюдения является сам наблюдатель. Psyche - не только *объект*, но и *субъект* нашей науки. ...Наибольшее, чего мы можем ожидать, - это, чтобы каждый открыл свои карты и признал: "Я обращаюсь с вещами таким-то и таким-то образом, а вот такими я их вижу." После этого мы можем обменяться впечатлениями."¹ В отечественной психологии данную позицию разделяет Ю.Б. Гиппенрейтер².

Настоящая работа - есть робкая попытка описать в самых главных чертах тот психический организм, который в наибольшей степени соответствует моему собственному, и, следовательно, смею самоуверенно надеяться, скорее в большей, чем меньшей степени психической организации других людей. Я слишком высоко ценю свои умственные способности, чтобы иметь претензию занять место в одном ряду с корифеями психологической мысли. Поэтому заранее предупреждаю все сомнения относительно моего психического здоровья. Хотя, несомненно, в чем-то я осознаю себя диссидентом, а, значит, свое собственное слово мне слышится звучащим более громко, нежели все сказанное доселе.

Увлечение философией Гераклита Эфесского, незабываемые лекции Льва Марковича Веккера, Владимира Александровича Ганзена, Владимира Валентиновича Лоскутова стали тем идейным руслом, которое определило движение моей, во многом недоразвитой, неполноценной, со множеством легко обнаруживаемых дефектов мысли; мысли, в силу того, что это все - таки моя мысль, горячо мною любимой и на которую, как на собственное взростающее и крепнущее чадо, я возлагал и возлагаю какие - никакие надежды. Эти надежды прежде всего связаны с желанием, по крайней мере, попытаться понять, из чего построен психический мир человека. Возможно, что ответ на этот вопрос не может быть получен. Само по себе это не страшно. И виной, и бедой моей оказалось бы то, что сам вопрос незаконно

поставлен, то есть непропорционален в пределах рационального знания. Но влияние досократиков, которые с неповторимым в последующей истории философским азартом искали атомарные составляющие мироздания, уже мною едва ли преодолимо. Любая рефлексия по этому поводу не может устранить бессознательный контекст любого сознательного действия в моей научной деятельности.

Данная книга писалась в течение девяти месяцев. И вот, наконец, новорожденный увидел свет. Пожелаю ему счастливой судьбы в читательском мире.

«Клетка пошла искать птицу.» Так говорил Кафка.

¹Юнг К.Г. Тэвистокские лекции. Аналитическая психология: ее теория и практика. Киев, 1995. С. 130.

² Гиппенрейтер Ю.Б. Введение в общую психологию. М., 1996.

БЛАГОДАРНОСТИ

Вне всяких сомнений, за то, что данная работа состоялась, я, прежде всего, благодарен многочисленным студентам факультета психологии Самарского Госуниверситета, чье лишенное интеллектуальной порочности, пытливые и, что так свойственно молодости, безрассудно - смелое любопытство, во многом сыграло решающую роль в исходе моей многолетней войны с собственной ленью. Надо думать, что вопреки (или благодаря?) политическим и экономическим сложностям, отечественная психология будет обречена на развитие до тех пор, пока горят глаза любопытствующих студентов.

Я премного признателен всем, кто оказал на меня идейное влияние и, прежде всего, студентам и преподавателям Санкт - Петербургского Госуниверситета, атмосфера которого сделала меня навсегда однолюбом. Нетрудно догадаться, что имя этой удивительной женщины - ПСИХОЛОГИЯ.

Я с удовольствием называю имена тех, чья идеологическая поддержка была для меня неоценимой. Это: Иммануил Кант, Фридрих Ницше, Франц Кафка, Мераб Константинович Мамардашвили, Владимир Александрович Ганзен, Лев Маркович Веккер, Виктор Михайлович Аллахвердов, Вадим Артурович Петровский.

Я выражаю благодарность ректору Самарского Государственного университета, профессору Геннадию Петровичу Яровому за проявленную доброжелательность и оказанную им финансовую помощь.

Большое спасибо Оксане Владимировне Лавровой за дружескую поддержку, оказанную во время работы над книгой.

Благодарю декана факультета психологии СамГУ Константина Сергеевича Лисецкого за проявленный интерес к моей работе.

Я испытываю приятную обязанность особо отметить грандиозную техническую работу, проделанную Еленой Бусаровой. То, что данный проект осуществился, во многом ее заслуга.

Я адресую слова огромной благодарности Вячеславу Анатольевичу Ковалеву, Наталье Андреевне Ахтиманкиной, Сергею

Петровичу Зиновьеву, Татьяне Алексеевне Чичкановой, Юлии Львовне Журавлевой, Роману Валерьевичу Жуковскому за финансовую помощь в издании данной работы.

Вера моего сына в гений отца, вера, которая время от времени явным образом себя обнаруживает, всегда окрыляет меня. Поэтому я несказанно рад выразить свое уважение и признательность моему сыну, Илье Агафонову, который, надеюсь, в будущем ступит на ту территорию, что не успею освоить я.

Я более чем благодарен судьбе за то, что имею замечательного брата, жизненная история которого есть хрестоматийная демонстрация позиции Л.Н. Толстого: "Делай, что должно - и будь, что будет." Воспитательную роль, которую играет брат в и жизни, трудно переоценить.

Ну и, наконец, я не могу отказать себе в желании поблагодарить свою жену Светлану Васильевну Агафонову за эмпатическое слушание и эмпатическое молчание, за редкостную подлинность ее многолетнего Чувства, за ее терпение и личностную определенность, за те чудеса понимания, которым бы позавидовал любой профессиональный психотерапевт.

Я был бы рад получить отзывы и критические замечания от всех, кому содержание настоящей работы показалось интересным в каком-либо отношении. Меня без труда можно написать по адресу: 443011 г. Самара, ул. Ак. Павлова, 1. Самарский Государственный Университет, факультет психологии. Телефон контакта: (8462) 345400, 597518. E-mail: agafonov @ ssu.samara.ru.

«Отношение к ближнему - это отношение молитвы, отношение к себе - это отношение стремления, из молитвы черпается сила для стремления.» Так говорил Кафка.

"В силу того, что мы находимся в мире, мы приговорены к смыслам."

Морис Мерло - Понти.

"Я рассматриваю свой вклад в психологию как собственную субъективную исповедь. То, как я вижу психологические факты, представляет собой мою личную психологию, мой пред-
рассудок. ...Даже если со мной не согласен весь мир, мне это совершенно безразлично."

Карл Густав Юнг.

ВВЕДЕНИЕ

Для человека открыты только две возможности вопрошания.

Первый род вопросов, которыми задается человеческий ум, имеет свои ответы. Сами ответы могут быть ошибочными, считаться неубедительными, недостаточно полными; это могут быть ответы на совсем другие, а не на поставленные вопросы, наконец, эти ответы могут принимать форму вопросов. Но так или иначе, вопросы первого рода по определению имеют свои ответы. То, о чем спрашивает человек в своей повседневной жизни в преимущественной степени является содержанием именно такого вопрошания.

Второй род вопросов никогда не получает окончательных, удовлетворительных, успокаивающих сознание ответов, поскольку эти вопросы принципиально не имеют единственно возможных ответов, но, несмотря на это, они не теряют для человека своего глубочайшего смысла. Это предельный, граничный для нашего сознания способ самообнаружения. Ф.М. Достоевский такие вопросы называл "проклятыми", а Д. Кришнамурти определял их как един-

ственно "правильные"¹. Определяющим свойством такого рода вопросов является невозможность отказа человеческого сознания от попыток найти на них ответы. В этом заключается трагический парадокс сознания: человек способен задаваться вопросами, ответы на которые требуют от него превосходящих его познавательных ресурсов. Это отчасти понимал И. Кант, который в предисловии к "Критике чистого разума" отмечал, что "на долю человеческого разума в одном из видов его познаний выпала странная участь: его осаждают вопросы, от которых он не может понинуться, так как они навязаны ему его собственной природой, но, в то же время, он не может ответить на них, так как они превосходят возможности человеческого разума". Такие вопросы хорошо известны. Например: "В чем смысл истории?", "В чем смысл жизни?", "Что такое мир?", "то такое любовь?", "Что такое Я?" и т.д. Многовековая горячая мысль есть перманентное стремление обнаружить ответы на эти конечные вопросы бытия. И очевидно, что истинность человеческого сознания проверяется масштабом результатов познавательного поиска. Проблемные вопросы могут существовать только в человеческом сознании. Только для человека они обладают притягательной силой. Поэтому знание о том, что есть человек; для чего он пришел в этот мир и куда он уходит; что из себя представляет человеческая психика; что такое сознание и какова роль сознания в познании, даст нам "ключ ко всем загадкам мира". Недаром еще Протагор определил человека в качестве "меры всех вещей".

В различных школах психологии предлагались свои варианты понимания загадочного феномена человека. Однако, по сей день проблема определения состава, организации и функций психики является злободневной. Нет сомнения, что и спустя столетия (в случае, если человечество су-

¹ Кришнамурти Д. Восемь бесед в Бомбее в 1959 - 60 гг. М, 1992. С. 6.
И. И. Критика чистого разума. Минск, 1998. С. 60.

мее себя сохранить) эта проблема по-прежнему не потеряет своей актуальности. Человек - есть таинственный парадокс, и его существование всегда будет представляться загадочным¹. Любая теоретическая конструкция, любая модель структурно - функциональной организации психики, какой бы емкой и адекватной она ни представлялась автору, не может отражать все богатство человеческих проявлений, поразительную сложность "микрокосма в макрокосмосе". Теория может быть жизнеподобной, но никак не наоборот. Жизнь, в том числе, естественно, и психическая, не может уместиться в прокрустовом ложе любой, самой совершенной теории. Тем не менее, как было сказано, всякий, пытающийся понять логику работы психики, однажды поместив себя в пространство "правильных" вопросов, уже не свободен отказаться от поиска ответов, которые a priori, до своего появления, уже могут быть признаны временными, и потому неудовлетворительными. Но только это создает условия, стимулирующие дальнейший ход познания, только в этом случае возможен прирост знания, в том числе и научно - психологического. Кроме того, познание является самоценным и включает цели, на которые оно направлено в самом себе. Иначе говоря, целью познания, в частности, психологического познания, является само познание. "Поиск истины, - по мнению Лессинга, - значительно ценнее, чем обладание ею"².

На вопрос: "Как устроена человеческая психика?" не может быть получен инвариантный для всех спрашивающих ответ. Как любой вид творческой деятельности, научное творчество глубоко лично, глубоко интимно. В конечном счете, научная психология - один из возможных путей самопознания. И если кому-то опыт предлагаемого данной работе пути покажется небезынтересным - это будет

Пору лучшей наградой и лучшим стимулом к дальнейшему.

В настоящей работе я не буду говорить о том, что адиционно считают предметом психологической науки, а **я** **гараюсь** (насколько это выйдет успешным, судить не **могу**) максимально точно интерпретировать собственную **мысль** о психическом мире человека.

«Путь бесконечен, тут ничего не убавишь и ничего не прибавишь, и все же, каждый прикладывает к нему свой мерный аршин. «Конечно, ты должен пройти еще этот аршин пути, это тебе зачтется.» Так говорил Кафка.

¹Подробнее о парадоксальности психического см. Агафонов А. Ю. Homo Paradoxes: Штрихи к портрету. // В печати.
Щит. по: Эйнштейн А. Физика и реальность. М., 1975. С. 76.

ЧАСТЬ 1. ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЕДИНИЦЫ АНАЛИЗА В ПСИХОЛОГИИ

Глава 1. ИСТОРИЯ ВЫБОРА ЕДИНИЦ АНАЛИЗА ПСИХИЧЕСКОГО

Историю развития психологии, по всей видимости, вполне оправданно представлять себе как непрерывный процесс поиска генетически первичных единиц анализа психического. Любая психологическая концепция, претендуя на роль научной теории, в явном или латентном виде включает в себя в качестве базового постулата положение о нередуцируемой, элементарной психической реальности, которая выступает не просто как предмет психологического анализа, а именно как единица такого анализа. Следует отметить, что независимо от того, каким содержанием наполняют предметную область психологии, в "поток сознания" исследователей всегда можно уловить стремление к обнаружению первичных, неразложимых путем дальнейшего анализа, своего рода атомарных психических составляющих. Как справедливо указывают Н.Д. Гордеева и В.П. Зинченко, "осознанное выделение единицы анализа - признак методологической зрелости того или иного направления в науке, начало систематического построения теории"¹. Несмотря на то, что далеко не всегда происходит осознание методологической значимости выбора единицы анализа, проблема определения исходных, неразложимых психических форм так или иначе возникала в каждом направлении психологической науки. И, соответственно, от того, как решалась эта проблема, зависели не только контуры той или иной теории, но, во многом, этим определялся и сам предмет психологии. Развитие научной психологи-

¹Гордеева Н. Д., Зинченко В.П. Функциональная структура действия. М., 1982. С. 5.

мысли порой в течение нескольких десятилетий заю от того, что принималось в качестве основополагающего системообразующего психического образования. Ю даже утверждать, что разрешающая способность той теории задается пониманием природы "первопсихического. Представления о внутреннем мире чееса, степени его когнитивной сложности и познавательресурсах обусловлены тем, что мы помещаем в основу феномена человеческой психики. В связи с этим, юлогическим следствием обоснованного выбора того иного психического образования в качестве целостной щы анализа является объяснение всего многообразия психической активности человека, исходя из базового математического положения, фиксирующего выбор той иной психической реальности в статусе элементарной южимой единичной целостности. Еще Рубинштейн указывал: "для того, чтобы понять мноазные психические явления в их существенных внутвзаимосвязях, нужно прежде всего найти ту "клетку" или "ячейку", в которой можно вскрыть зачатки всех тентов психологии в их единстве". Поэтому методолокое значение проблемы определения единицы анализа ю переоценить. И, думается, что от того, как будет гавлена и решена эта важнейшая для психологии прома, зависит дальнейшее развитие научной психологической мысли, а, следовательно, и состояние психологии в I веке.

В разное время на роль доминанты психического прецедовали: "ощущения", "образы", "акты сознания", "реак", "рефлекс", "фигуро - фоновые отношения", "ассоциа", "стимул - реакция", "установка", "действие" или "жидвижение", "схема", "переживание", "значащее переживание" и т.д. Каждая психологическая школа стремилась

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1946. С. 173.

История выбора единиц анализа психического

найти свою уникальную "клеточку" психического. И не случайно замечено, что противоречия между различными теоретическими системами наиболее ярко обнаруживаются именно при обсуждении характера единицы анализа¹. Несмотря на многочисленные варианты решения, проблема выделения единицы анализа психики по сей день является исключительно важной. Невозможность решить эту важнейшую методологическую задачу в течение нынешнего столетия ни коим образом не делает бессмысленным процесс дальнейшего поиска. Сами по себе попытки найти приемлемые решения проблемы единицы анализа при любом исходе способствуют приращению научного знания, стимулируют ход идеогенеза. Развитие представлений относительно единицы анализа обогащает науку новыми экспериментальными и теоретическими данными, помогая лучше понять многообразие проявлений психики. Здесь достаточно вспомнить, что вопреки нарочито ограниченному пониманию единицы анализа, в рамках гештальт-подхода было открыто множество закономерностей в области психологии зрительного восприятия. Пониманию деятельной природы психического способствовали разработки представителей американского функционализма. Бихевиоризм показал характер обусловленности поведения человека физическим и социальным окружением. А психоанализ расширил наши знания о психике, предложив описание природы и механизмов бессознательных процессов. Все известные в психологии теории претендовали на понимание существа человеческой психики в ее характерных, определяющих именно как человеческую, чертах; несмотря на то, что выбранные единицы анализа далеко не всегда давали возможность экстраполировать полученные экспериментальные результаты, выявленные закономерности,

¹Гордеева Н.Д., Зинченко В.П. Функциональная структура действия. М., 1982. С. 5.

История выбора единиц анализа психического

обнаруженные факты наблюдения и т.д., на всю феноменологию психического. Но, несмотря на то, что выбирались единицы анализа, не отражающие характер всего психического целого, в силу чего нарушался важный методологический принцип, который можно назвать как принцип «решающей способности единицы анализа», достижения значных направлений психологии, имевших порой радикально отличные парадигмы, нельзя поставить под сомнение. Произвольность выбора исследовательских установок неизбежна для научного познания, так как научная деятельность не является обезличенной, это всегда деятельность, реализуемая субъектом познания, то есть живым человеком научного творчества. Поэтому любая теория осуществление собственных индивидуальных предвзятий, убеждений, верований ученого; и сама теория определяется первоначальным, исходным выбором оснований анализа изучаемого феномена. В силу этого ни одна психологическая концепция, сколь универсальна бы она ни была, не может не быть безгрешной. Помимо этого, вторым важным обстоятельством, дающим право быть уверенным в том, что научная психология застрахована от ошибок, является, наверное, ясное для всех понимание того, что теоретическая модель всегда огрубляет репрезентацию реальность. За рамками теории всегда остается то-то, что не может быть формализовано в рамках одной теории, имеющей свой понятийный аппарат. По меткому выражению Аллаhverдова В.М., психология как самостоятельная наука находится в состоянии перманентного кризиса. Говорить о том, что психология переживает перманентный кризис, стало своего рода чуть ли не проявлением интеллектуального вкуса. Вот что, например, пишет М. Розин: "...Психологическая наука и отчасти практика

Аллаhverдов В.М. Опыт теоретической психологии. СПб., 1993. С.

История выбора единиц анализа психического

переживают перманентный кризис... Необходимы усилия для переориентации психологической мысли, а это .. предполагает критическое отношение к истории и сегодняшним тенденциям развития предмета психологии."¹ Надо признать, что научная психология в нынешнем ее состоянии представляет собой "многоквартирный дом с очень шатким фундаментом"². До сих пор не утихают споры относительно того, чем, собственно, является психология: искусством, самостийной сферой знания или же наукой. А если наукой, то какой: естественной или гуманитарной? В.М. Аллахвердов убежден, что психология должна строиться по образцу великих естественных наук, а уже вышеупомянутый В.М. Розин настаивает на обратном, полагая, что "замысел построить психологию по образцу естественной науки не удался"³ и психологию следует считать гуманитарной дисциплиной. По сей день актуально звучат слова Л.С. Выготского, сказанные более чем 70 лет назад: "Построение единой психологии на почве старых психологических допущений невозможно. Самый фундамент психологии должен быть перестроен."⁴ Но вопреки тому, что по указанным выше причинам психология никогда не сможет выйти из кризисного состояния, научные поиски не обесцениваются, а, скорее, напротив, стимулируются требованием согласования огромного массива эмпирических данных и интеграции различных теоретических подходов. Колоссальный объем экспериментального материала, множество локальных теоретических подходов делает нецелесообразным дальнейшую дифференциацию психологического зна-

¹Розин В.М. Психология и культурное развитие человека. М., 1994. С. 3.

² Агафонов А.Ю. К вопросу о составе психического. Тезисы международной конференции "Проблемы интеграции академической и практической психологии". Самара, 1999. С. 108.

³ Розин В.М. Указанное сочинение. С. 53.

⁴ Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. М., 1960. С. 481.

История выбора единиц анализа психического

"Дефицит теоретического единства становится все более очевидным..." - отмечает Л.М. Веккер. В настоящее время, никогда, обнаруживается необходимость разработки психологической теории, способной объединить разрозненные фрагменты знания в единую картину психической жизни человека. Парадоксальность нынешнего положения в современной психологии состоит в том, что, с одной стороны, все больше и больше придается важность понятию синтетической теории, способной нести в себе объяснительный потенциал, который позволил бы концептуально соединить положения различных теорий, с другой стороны, создание такой теории не может быть освобождено от субъективизма, от авторских пристрастий ее создателя. Интересно то, что даже в отдельных областях психологии царит идеологическая разобщенность. Так, например, А.В. Либин, высказывая сожаление относительно согласованности позиций, которые в настоящее время занимают состояние дифференциальной психологии, замечает: "...все большее значение приобретает на современном этапе концентрация усилий исследовательской мысли на пути концептуальной интеграции сложившихся к настоящему времени подходов"². Хотя это для большинства является очевидным, "несокрушимая сила субъективных авторских предпочтений" не позволяет сколь-либо существенно продвинуться на пути возможной интеграции.

Как уже было сказано, важнейшие положения теории выводимы из базовых представлений (в некотором смысле исходных) о единице анализа психического. Любая психическая теория, моделируя психическую реальность, может быть абстрагирована от анализа того базового элемента теоретической конструкции, который является в

Веккер Л.М. Психика и реальность: Единая теория психических процессов. М., 1998. С. 16.

Либин А.В. Дифференциальная психология: на пересечении европейской и американской традиций. М., 1999. С. 19.

История выбора единиц анализа психического

составе самой теории формализацией знания о фундаментальном, базальном, определяющем специфику психического, начале. Логика теоретического построения, реконструирующая логику психической деятельности, отправляясь от определения единицы анализа психического, с необходимостью должна разворачиваться в направлении понимания *материала, структуры и функций* психического, независимо от того, что признается за единицу анализа. Из истории психологии хорошо известно, что за единицу анализа принимались или *элементы* психического опыта, то есть то, из чего, собственно, состоит психический мир человека. Тогда анализ психической деятельности (а чаще всего речь шла о сознательном опыте) рассматривался в своем содержательном аспекте. Или же в качестве определяющей феноменологию психического выступала *структура*, способ организации между психическими элементами. В этом случае описание и анализ проводился с позиций организации психического содержания, то есть, акцентировался формальный аспект. Или же природа психического выводилась из имманентно присущей психике активности, и тогда продукты психической деятельности расценивались как эффекты реализованных *функций*. В последнем случае критериальным атрибутом человеческой психики считалась акция, акт, или, в широком смысле слова, действие, вне реализации которого психическая жизнь невозможна. При этом психическая организация описывалась со своей функциональной стороны. За всю историю психологии единица анализа не выступала в *содержательно* - структурно - функциональном триединстве. То есть, единица анализа никогда не рассматривалась одновременно и как материал, из которого строится психический процесс, и как элементарная психическая форма, и как элементарная функция. И, надо отметить, что это не свидетельство односторонности подходов, а, в первую очередь, проявление тех методологических ограничений, которые делают принципиально невоз-

История выбора единиц анализа психического

можным видеть за единицей анализа материал, структуру и ФУНКЦИЮ одновременно.

Исторические корни проблемы определения единицы анализа психики несомненно следует искать в недрах структурной школы психологии. И не только потому, что идеи В. Вундта способствовали оформлению психологии в самостоятельную научную дисциплину, но, в первую очередь, по причине понимания представителями интроспективизма специфики предмета психологии и, в связи с этим, методов экспериментального исследования. Согласно Вундту, предметом психологической науки, которую он вполне адекватно собственным идеологическим воззрениям назвал "физиологической психологией", должен стать *косвенный опыт*". То есть, начальным пунктом научного психологического анализа является элементарный состав сознания. Поскольку представителями структуризма психика отождествлялась с сознанием, элементы сознания провозглашались исходной единицей анализа психического. Единственным пригодным для этих целей методом изучения был признан интроспективный анализ. Несмотря на то, что в экспериментах, проводимых в Институте экспериментальной психологии в г. Лейпциге, использовались процедуры, заимствованные из экспериментальной практики физиологии, Вундт, а в дальнейшем и его ученики, считали, что кроме самонаблюдения никакой другой метод не может быть использован в психологии, так как "непосредственный опыт" открыт только носителю сознания и только в том случае, если он не зависит от мнения самого испытуемого во время интроспективного эксперимента. В противном случае, если испытуемый сообщает о переживании или восприятии, или же выносит суждение о содержании сознания, то речь может идти только о посредственном опыте, то есть о том знании, которое является следствием накопления полученной в ходе жизни информации. Но не такое знание, по мнению пионера экс-

История выбора единиц анализа психического

периментальной психологии, должно стать предметом изучения. Из чего на самом деле состоит сознание? - вот основной вопрос, на который должна ответить психология. На основании такого подхода к определению базовой задачи психологической науки, Вундт определил три важнейших исследовательских цели:

- 1) описание основных элементарных составляющих сознания;
- 2) определение характера связей между элементами сознания. (То есть, установление способа организации элементов в структуре непосредственного опыта.);
- 3) установление принципов, согласно которым определяется этот способ организации. Или, иначе говоря, раскрытие механизмов, обеспечивающих соединение элементов.

То, что "внутренняя перцепция" не позволяет обнаружить атомарный состав сознания, стало понятным уже во времена существования вундтовской лаборатории экспериментальной психологии. Протоколы интроспективных анализов были противоречивы, с трудом могли быть согласованы между собой, что, в свою очередь, делало невозможным стандартизацию результатов. Маловероятно, что Вундт именно на основе экспериментальных исследований пришел к заключению о том, что ощущения и чувства являются исходным материалом сознания. Скорее всего, такой вывод явился результатом его отвлеченных рассуждений, а в интроспективных отчетах он искал подтверждение своей позиции. Видя за ощущениями и чувствами простейшие компоненты сознания, первичные образующие опыта, Вундт полагал, что ощущения и чувства не просто присутствуют в поле сознания в каждый момент времени, но и являются взаимоотношенными. Так, каждому ощущению соответствует определенное чувство. В подходе Вундта к анализу состава сознания явно обнаружилось противоречие, которое не могло быть разрешено в силу базовых посылок интроспекционизма. Суть этого противоречия

История выбора единиц анализа психического

голяла в том, что, с одной стороны, психология была призвана выявить элементы сознания в рафинированном, с другой стороны, сами эти элементы в "непосредственном опыте" не существуют изолированно, обособленно от друга. Благодаря "творческому синтезу", элементы анализа организованы в сложное целое, имеющее свое качество. "Характеристики любого сложного психического не сводятся к сумме характеристик, его составляющих." (В. Вундт, 1896). Тем самым, непосредственный опыт сознания не может быть описан на языке свойств ощущений (интенсивность, длительность, модальность) и чувств (удовольствие - неудовольствие, напряжение - расслабление, возбуждение - успокоение), так как наличное содержание сознания представляет собой синтез, интеграцию и этих элементов, а не их механическое сочетание. В перцепции Вундта механизм организации опыта служит Оля - ничем не детерминированная способность человека, отвечающая за установление взаимосвязей между элементами. Посредством "творческого синтеза" воля соединяет элементы в сложно структурированную целостность, которая атрибутируется иначе, чем элементы этого целого. Хотя испытуемому в эксперименте именно эта целостность содержания сознания и открывается, он должен был сообщать исключительно о свойствах самих элементов, которые иначе как в составе целого не даны.

Ставя основную задачу для психологии - изучение атомарного состава сознания с помощью расчленения в поле интроспективного анализа непосредственного опыта, Вундт не считал возможным изучение таких форм психической деятельности, как память, мышление, воля, будучи уверенным, что с помощью самонаблюдения эти процессы изучать не представляется возможным.

Разочарование в потенциальных возможностях структуралистского направления, и, прежде всего, недоверие к интроспективному методу повлияли на значительное паде-

История выбора единиц анализа психического

ние интереса к теории Вундта. Среди немногих сторонников взглядов Вундта можно выделить Э. Титченера, который остался убежденным приверженцем идей структурализма и, можно сказать, довел интроспективную психологию до своего логического завершения, которое впоследствии оценивалось как логический тупик структурализма.

Титченер, вполне в духе вундтовской традиции, методом психологии считает "непосредственный опыт". В отличие от своего предшественника, Титченер дифференцировал понятия "сознание" и "разум", считая, что сознание - есть **сумма** тех переживаний, которые актуализированы в текущий момент времени, а разум - это сумма **переживаний**, накопленных с течением времени. Титченер, пожалуй, был еще более категоричен, чем Вундт относительно значения и целей психологии. Он был убежден в том, что психология есть "чистая наука", и психолога не должны волновать вопросы прикладного характера, как то: воспитание, обучение, психологическая помощь, оптимизация общественных отношений. Психология должна единственно изучать сознательные процессы в их содержательном аспекте и **устанавливать законы**, согласно которым происходит объединение составляющих сознания в единое целое. Тремя основными элементами структуры сознания Титченер считал: ощущения, образы и эмоциональные состояния; никаких других элементов в сознании нет. В ответ на предложение Вюрцбургской школы считать мысль самостоятельным, психическим образованием, не редуцируемым к трем перечисленным элементам, Титченер пытается **обосновать** свою, так называемую "контекстную теорию значения". Согласно этой теории, само значение возникает как **множество** ощущений. Последние, в свою очередь, явлены в сознании в момент взаимодействия с реальными объектами. Иллюзию того, что в сознании имеется значение, как **нечто** внесенсорное, Титченер объяснял тем, что испытуемые в процессе эксперимента совершали "ошибку стимула", ко-

История выбора единиц анализа психического

торая заключалась в том, что в самоотчете **смешивались** различные содержания опыта, а именно: **содержание процесса** восприятия объекта и влияние самого объекта. **Ошибка стимула** имеет место тогда, когда сознание **испытываемого** поглощено воздействующим объектом, поэтому **испытываемым** требовалось описывать свои переживания на языке осознанного восприятия, а не на языке предметных значений. Если при восприятии цветка испытываемый **говорит** о форме, цвете, запахе, а не о том, какой предмет **он** видит, значит он свидетельствует об истинном содержании **актуального** сознания. Тем самым, значение, как продукт мышления, иначе как в сенсорном контексте не возникает. Следовательно, само значение выводимо из первичных элементов сенсорного опыта. Случаи (которые, надо сказать, были весьма многочисленны), когда при решении **интеллектуальных** задач испытуемые не способны были **нарушить** сенсорный контекст, Титченер склонен был **объяснить** недостаточным уровнем развития у испытуемых **способностей** интроспекции. Поэтому совершенствованию Проспективного эксперимента Титченер придавал большое значение, считая, что только тренированные испытуемые могут быть источником достоверного знания о событиях, происходящих в сознании. Он писал: "наблюдение **предполагает** наличие двух моментов: внимание к явлению и регистрацию явления. Внимание необходимо **поддерживать** на максимально возможном уровне концентрации. Регистрация должна быть фотографически точной. (кое наблюдение представляет собой тяжелую и утомительную работу, а интроспекция, в целом, оказывается **труднее** и утомительней наблюдения внешних событий."¹ **испытываемые**, по мнению **Титченера**, должны обладать хорошим физическим здоровьем, быть лишенными житейских

[ит. по: Шульц Д.П., Шульц С.Э. История современной психологии. 5., 1998. С. 134.

История выбора единиц анализа психического

забот, с тем, чтобы ничто не могло отвлекать их от утомительного занятия интроспективным анализом¹. Надо заметить, что еще критики Вундта полагали, что длительный эксперимент с самонаблюдением вызывает у его участников психические нарушения² (Титченер, 1921).

Идеи структурной школы психологии после Титченера не получили своего развития. Даже сами классики интроспекционизма во многом отмежевались от своих прежних взглядов. Известно, что Вундт в последние годы жизни занялся культурно - исторической психологией, написав десяти томный труд "Психология народов", больше не возвращаясь к экспериментальному исследованию сознания. А Титченер даже начал подвергать сомнению сам термин "структурная психология", называя в 20-е годы свою систему "экзистенциальной психологией". Святая святых структурного подхода - интроспективный метод, Титченер предпочел феноменологическому анализу. Тем самым, попытка разбиения сознания на элементы оказалась безуспешной даже с позиций самих представителей структурализма. Да и сама проблематика структурализма, исходя из логики развития науки, расценивалась как вчерашний день психологии.

Очевидные недостатки теоретической системы структурализма никоим образом не умаляют достоинств этой школы психологии. Думается, что одним из важнейших методологических вопросов, поставленных апологетами структурализма, был вопрос о характере материала психического. Важно не то, как решался этот вопрос, а сама фаза его постановки и стремление экспериментальным методом изучить состав психики. Хотя обычно считается, что представители структурализма не внесли сколь-либо весомый вклад в развитие научных знаний ("...ни одно из положений

¹Цит. по: Шульц Д.П., Шульц С.Э. Указанное сочинение. С. 134.
²Цит. по: Шульц Д.П., Шульц С.Э. Указанное сочинение. С. 95.

История выбора единиц анализа психического

Вундтовской программы не выдержало испытаний временем". О В. Вундте: "...экспериментальная психология покинула его", "...компилятор, не сделавший никакого существенного вклада, кроме, может быть, доктрины о перцепции" (С. Холл), однако, по сей день проблема определения психического материала, психического является значимой. Безимания природы состава психического, создание единичной теории познавательных процессов и определение структуры - функциональной организации психики едва ли возможно. В этой связи Вундт и его последователи не только выявили истоки экспериментального направления психологии, но и очертили круг важнейших проблем, которые должны были быть решены в будущем.

Общие теоретические основания структурализма не оспаривали раскрыть процессуальный, действенный характер психического. Как происходит психическое отражение? Каким образом индивидуум, посредством своего сознания, функционирует в условиях средовых изменений? Как он регулирует свою жизнедеятельность? Наконец, каковы детерминанты психической активности? Понятно, что на эти вопросы в рамках структурного подхода не могли быть получены удовлетворительные ответы. Более того, подобные вопросы в русле структурализма вообще не могли быть поставлены.

Если для представителей структурной школы психологии главным предметом исследования являлся материал, Которого состоит сознание, то для американского функционализма, представленного именами В. Джемса, Дьюи, Д.Р. Энджелла, Г.А. Кэрра, и европейского функционализма, в лице прежде всего К. Штумпфа, основной темой, через призму которой описывался феномен сознания, стало понятие "функция". Исходя из этого, глав-

¹Шевский М.Г. История психологии. М., 1985. С. 225.

²Шевский М.Г. История психологии. От античности до середины XX века. М., 1996. С. 194.

История выбора единиц анализа психического

ной исследовательской задачей функционализма являлось изучение психических актов, понимаемых как функции приспособления сознания к динамической среде. Согласно В. Джемсу, обнаружить субстрат сознания невозможно какой бы метод для этого ни использовался. Интроспекцию, которую В. Вундт и Э. Титченер считали единственным приемлемым методом изучения атомарного состава сознания, менее всего может быть использована для цели анализа элементарных составляющих "непосредственного опыта". Даже если бы самонаблюдение, каким бы "систематическим" (Э. Титченер) оно ни было, давало возможность вычленивать неразложимые элементы сознания, никогда нельзя было бы доказать независимое существование "кирпичиков" сознания от самой процедуры интроспективного анализа, то есть, в конечном итоге, от акта сознания, нацеленного на обнаружение этого пресловутого исходного материала. Одной из заслуг функциональной психологии можно признать убедительное доказательство того, что содержание сознания необособимо от актов сознания вследствие реализации которых это содержание явлено сознанию. Не самый очевидный факт наличия у сознания содержания отрицался функционалистами, а подвергалась справедливой критике возможность нахождения материала сознания в своем онтологическом качестве, без учета зависимости характера психического содержания от реализующих функций, делающих возможным такое нахождение. Тем обстоятельством, что в некоторых случаях испытуемому удается достичь позитивного результата самонаблюдения В. Джемс объяснял действием механизма внимания: "Ни ; кого не может быть элементарных ощущений самих по себе. С самого рождения наше сознание битком набито множеством разнообразных объектов и связей, а то, что мы называем простыми ощущениями, есть результат разбор

История выбора единиц анализа психического

ности внимания, которая часто достигает высочайшего уровня." (James, 1890. Vol. I. P, 224). Помимо этого, в русле функционального подхода было убедительно показано, что интроспекция, проводимая в лабораторных условиях, есть не что иное, как ретроспекция, так как человек, испытав некоторое ощущение, должен был проанализировать свои ощущения и сообщить о них экспериментатору спустя какое-то определенное время². В. Джемс полагал, что таким образом невозможно зафиксировать неизменные психические элементы уже хотя бы потому, что сознание не имеет ничего конкретного, а представляет собой непрерывное течение, "поток", в котором ни одно ощущение, ни одна мысль не повторяются дважды. Препарировать этот "поток сознания" интроспективным способом равносильно тому, что резать реку воды ножницами. Выбор функции как единицы анализа сознания был продиктован стремлением понять адаптивные способности сознания, что структурной школой психологии вообще не включалось в проблемное поле исследований. Тем самым, феномен сознания оценивался как неспособительный инструмент, а функциональная психология, по определению Д.Р. Энджелла - "это учение о функциональной полезности сознания"³. Коль скоро сознание сохранилось в процессе эволюции, значит оно необходимо для выживания, следовательно, главной задачей функциональной психологии должно было стать установление функций, актов, операций, как отправлений сознания,

² см. по: Шульц Д.П., Шульц С.Э. История современной психологии. СПб., 1998. С.179.

³ Боринг, анализируя опыт использования интроспективного метода психологии, пришел к выводу о том, что интроспекция, в качестве «оба непосредственного наблюдения, попросту не существует. Нет интроспекции "которая не лжет". "Наблюдение - это процесс, требующий некоторого времени и подверженный ошибкам в своем течении. Боринг Э.Г. История интроспекции. / История психологии: Тексты. Сост. ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. Екатеринбург, 1999. С. 56.)

⁴ см. по: Шульц Д.П., Шульц С.Э. Указанное сочинение. С. 186.

История выбора единиц анализа психического
 призванных обеспечить приспособление к среде. Таким образом, не вопрос: "Из чего состоит сознание?", а: "Для чего сознание?" послужил отправным пунктом теоретических исследований функционализма. Если сознание играет роль механизма адаптации (а именно в этом функционалисты видели эволюционное оправдание его возникновения), значит реагирование на усложнение средовых влияний должно носить не характер пассивного отражения, а быть активным, гибким, способным обеспечить сбалансированные отношения в системе "организм - среда". Функции не просто противопоставлялись структуре самих актов сознания и психическому составу последнего, но, взятые изолированно, расценивались как само сознание, а не как его проявления. Сведение сознания к совокупности актов или функций привело к логическим основаниям утверждать, что "акты конструируют объекты - стимулы" (Дьюи). Абсолютизация функционального аспекта сознания естественным образом отразилась на трактовке сущности всех психических явлений. И неудивительно, что В. Джемс к явлениям памяти относит только два мнемических процесса - запоминание и воспроизведение², игнорируя тот очевидный факт, что память в первую очередь служит механизмом организации психического опыта человека, и то, что весь состав психического имеет прямое отношение к свойству памяти сохранять накопленный в онтогенезе опыт во времени. Говоря о методологических изъянах функционализма, Л.М. Веккер заметил, что, "поскольку ни структура, ни тем более функция в ее реальной рабочей активности не могут быть обособлены от исходного материала, в такой изначальный материал превращается сама функция"³. Таким образом, принятие акта сознания за единицу анализа сделало фактиче-

¹Цит. по: Веккер Л.М. Психические процессы. Т. 1. Л., 1974. С. 34.

²Джемс В. Память. / Психология памяти. Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер В.Я. Романова. М., 1998. С. 202.

³Веккер Л.М. Психические процессы. Т. 1. Л., 1974. С. 34.

История выбора единиц анализа психического

невозможным создание научной теории, реконструирующей логику реальной работы структурно - функциональной организации сознания, так как понимание того, каким образом реализуется функция, предполагает знание о строении психической структуры, собственно функцией и является акт сознания. В свою очередь, психическая структура немислима как пустая форма, лишенная содержания. Любая психическая структура - это оформленное содержание; и таким содержанием должен считаться психический материал, из которого строится психический процесс, как бы последний не назывался: актом, операцией или функцией сознания.

В бихевиоризме, где предметом изучения являлось поведенческое, закономерным образом был сделан выбор и единицы анализа. Такой единицей стала реакция, возникающая в ответ на действие внешнего стимула. Стимульно - реактивная парадигма стала общетеоретической платформой не только для построения различных (правда, несуществующих) отличающихся друг от друга) концептуальных систем и для экспериментальных исследований. В. Уотсон считал, что апелляция к содержанию внутреннего мира человека при объяснении наблюдаемого поведения, не только мало полезна с точки зрения возможности понимания действительных механизмов реагирования, но абсолютно бессмысленна. Единственная задача бихевиориста - точно регистрировать реакции в ответ на соответствующие стимулы. Вся феноменология психического сведена к совокупности обнаруживаемых в наблюдении реакций. Даже трактовка мышления несла на себе печать стимульно - реактивного подхода. Как указывал Уотсон с точки зрения психолога поведения, проблема "знания" (смысла) представляет собой чистейшую абстракцию, В Своих исследованиях психологи поведения с ней никогда не сталкиваются. Мы наблюдаем действия, совер-

История выбора единиц анализа психического

шаемые животным или человеческим индивидом. Последний "имеет в виду" то, что делает. Мы не видим никакой теоретической или практической надобности в том, чтобы прервать его действие и спросить, что он имеет в виду во время действия."¹ И далее: "Мышление ... есть процесс протекающий по методу проб и ошибок, - вполне аналогично ручной деятельности. ...Весьма грубое сравнение применимое и для мышления, можно найти в погоне голубого охотника за добычей. Он настигает ее, ловит, готовит из нее пищу и съедает, затем закуривает трубку и укладывается на отдых. Зайцы и перепела могут выглядывать из-под каждого куста, однако стимулирующее действие их на время исчезло."² Пожалуй, здесь трудно сделать даже какие-либо комментарии.

Введение "промежуточных переменных", выполняющих роль опосредующего звена в стимульно - реактивной схеме, не могло устранить главный порок теоретической системы бихевиоризма, а именно абстрагирование поведенческого акта как от психических состояний, а значит психического содержания, так и от психологической структуры самих реакций. Поведение, увиденное глазами бихевиориста, как бы повисало в воздухе, являясь отстраненной от психики реальностью. Неудивительно, что при таком взгляде с трудом поддавались объяснению как адаптационные возможности человека, так и принципы психического отражения. То обстоятельство, что воздействие стимулов вызывает реакцию только после соответствующего отражения в познавательном контуре субъекта, попросту игнорировалось. Модель человека, представленная в бихевиоризме - есть живая машина (хотя и исключительно сложная так как она способна к обучению и восприятию культурных

¹Уотсон Дж. Б. Психология как наука о поведении. /Основные направления психологии в классических трудах. Бихевиоризм. М., 1998. С. 591.

²Уотсон Дж. Б. Указанное сочинение. С. 592.

История выбора единиц анализа психического

(номенов), действующая во внешнем мире методом проб и ошибок аналогично тому, как взаимодействуют со средой Потные. Конечно, такие представления, если и имеют определенное прикладное значение (например, в поведенческой терапии), то, во всяком случае, лишены ценности. И решении задачи описания психической системы, ориентированной на познание. Тем не менее, отмечают и теоретические заслуги бихевиоризма. Так, например, И. Веккер заключает: "возведенные бихевиоризмом без каких-либо точных оснований в ранг *основного* закона, "пробы и ошибки", представляют здесь не только общий принцип организации поведения, но и его конкретную статистическую меру, ибо и пробы, и ошибки являются характеристическими подпадающими числовому выражению"¹. Иначе говоря, случайность сочетаний реакций индивидуума со стимулами среды фактически есть проявление вероятностного закона, так как частота появления реакции есть эмпирическое выражение вероятности. Желание поставить под контроль поведенческие реакции человека, а следовательно, и предсказать вероятность проявления желательных, социально-полезных реакций послужило причиной создания Скиннером концепции "оперантного обуславливания". На протяжении десятков лет Скиннер и его сторонники в основном были заняты разработками теории и эффективной методики подкрепления, что, конечно же, не меняло общепсихологических установок бихевиоризма и не давало никакой возможности понять природу человека в ее отрыве от животной специфичности. Как указывает Г. Ярошевский, в бихевиоризме, независимо от его разновидностей, "... детерминанты поведения крысы идентичны детерминантам поведения человека в лабиринте жизни. И поэтому "стимул - реакция" как единица анализа по-

¹Веккер Л.М. Психические процессы. Т. 1. Л., 1974. С. 36.
Ярошевский М.Г. История психологии. М., 1985. С. 410.

История выбора единиц анализа психического

ведения, хотя и соответствовала пониманию предмета психологии и теоретической базе бихевиоризма, для целей построения научной психологической теории и выяснения детерминант психического развития оказалась непригодной, а притязания психологов поведения на теоретическую систему, обладающую большим объяснительным потенциалом, обнаружили свою несостоятельность, равно как не оправдались надежды бихевиористов относительно процесса образования общества по идеальному образцу. Само желание поставить под контроль человеческое поведение, равносильно тому, как это происходит в экспериментальных лабораториях при изучении реакции животных, являлось столь же утопическим, сколь и антигуманным. Недаром даже те, кто склонен социальные процессы рассматривать с точки зрения биологии, отмечали, что "бихевиористская догма" мешает правильному пониманию человека и общества, а идея тотального манипулирования является "опасным безумием"¹ (К. Лоренс).

В школе Узнадзе все психические процессы, феномены сознания, личность и ее проявления рассматривались через призму теории установки. Установка, как предрасположенность к чему-либо, как "направленность на", состояние готовности к выполнению когнитивных или моторных действий, служит, по мнению представителей грузинской школы психологии, "исходной единицей познания психики"². По мысли Узнадзе, установка не осознается в виде какого-либо переживания, но, при этом, она является опосредующим механизмом при взаимодействии с окружающей человеческой действительностью. Именно установка делает человека активным деятелем, а не просто существом, реагирующим

¹Руткевич А.М. От Фрейда к Хайдеггеру. Критический очерк экзистенциального психоанализа. М., 1985. С. 30.

²Шерозия А.Е. Психика. Сознание. Бессознательное. К обобщенной теории психологии. Тбилиси, 1979. С. 112.

История выбора единиц анализа психического

■ **ЗАВИСИМОСТИ** от характера стимуляции тем или иным способом. Развивая идеи Узнадзе, сторонники теории и в значительной степени расширили представление о природе установки. Так, например, А.Е. Шерозия утверждает, что установка является не только неким "первоначальным состоянием целостности", но и, наряду с сознательным и бессознательным, есть важнейшая часть всего психического устройства, служащая основой реализации сознательных и бессознательных процессов¹. Установка как механизм личностных проявлений, в том числе и бессознательных, также является актуализацией соответствующей установки². Следует отметить, что установку понимаем не только как состояние готовности, но и как "первичный эффект отражения", "смысловую характеристику личности", "первичную форму непосредственной интенции", "информацию, семантическая сущность которой, как правило, подлежит проявлению в сознании"³. Из многообразия определений понятия "установка" ясно, что установка не ясно, чем же она на самом деле является. Если установка - это состояние, то состояние чего, ведь установка, вместилищем сознания и бессознательным имеет свой собственный смысл в психической организации. Если это характеристика личности, то непонятно, как характеристика личности может быть психическим состоянием, и уж совсем загадочным представляется сведение установки к "первичному эффекту отражения". Конечно, наиболее распространенное (и наиболее понятное) определение гласит: "установка - это

■ > ■ и А.Е. Указанное сочинение. С. 62

■ > ■ чему предшествует: установка деятельности или деятельность?" - предмет многолетнего спора между грузинской и московскими школами психологии. См., например, интересную работу инченко "Установка и деятельность: нужна ли парадигма?" в сборе работ данного автора "Образ и деятельность". Москва - Воронеж, 1997. С. 447 - 467.

■ > ■ Шерозия А.Е. Психика. Сознание. Бессознательное. К обобщенной теории психологии. Тбилиси, 1979. С. 127.

История выбора единиц анализа психического

готовность, предрасположенность субъекта". Однако, говоря о состоянии готовности как об исходной единице анализа, нельзя игнорировать то обстоятельство, что это состояние его носителя. Без носителя состояния бессмысленно говорить и о самом состоянии. Таким образом, установка в любом случае производна от генетически более раннего психического образования. Установка должна быть образована, и, если все-таки установку трактовать как интенциональную активность, необходимо представлять себе, что является источником этой активности: бессознательное?, сознание? или Я?; и что из себя содержательно представляет носитель этой активности, или, иначе, держатель этого состояния готовности.

В рассмотренных исторических примерах единицей анализа выступали в той или иной степени определенные, самостоятельные, базовые составляющие психики (сознания, поведения). В теоретических конструкциях они представлены в "чистом", рафинированном виде и без труда различимы как исходные предметы анализа. Тем не менее, так бывает далеко не всегда. Например: что считать единицей анализа психического в психоанализе? Если структуру (сознание - предсознание - бессознательное) - то сама эта структура, по мысли З. Фрейда, принимает кристаллизованную форму, дифференцируясь из бессознательной сферы, имеющей своим источником энергию Id. Если принять Id за начальный предмет рассмотрения, что является тогда единицей психической энергии, которая могла бы стать единицей анализа? В юнгианском психоанализе, по всей видимости, единицей анализа коллективного бессознательного, и, как следствие, всей сферы бессознательного, включая индивидуальное, и всей психики в целом, можно счи-

¹Краткий психологический словарь. Под общей ред. А.В. Петровского. | М.Г. Ярошевского. Ростов - на Дону, 1998. С. 405.

ЧАСТЬ 1. ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЕДИНИЦЫ АНАЛИЗА В ПСИХОЛОГИИ

История выбора единиц анализа психического

■ архетип. Но архетип - это, по утверждению самого
■ а. только априорная матрица коллективного опыта,
■ рма, которая наполняется психическим содержанием
■ ко в процессе онтогенеза. Сама же форма, независимо
того, какова ее природа, должна иметь свой субстрат,
лжна быть выстроена из какого-то материала. Без пони-
■ ния того, чем является такой материал и какие способы
■ ганизации в структуре психического целого он допуска-
нельзя определить сущность не только механизмов и
■ кций психики, включая и бессознательную ее часть, но
бъяснить характер связи между различными фрагмента-
■ нания в единой структурно - функциональной органи-
■ ни психики. В ассоциативной психологии ассоциация
■ мет роль доминирующего психического механизма, но
■ циация, взятая за единицу анализа, если и помогает в
■ яснении способа связи между элементами опыта, то ни в
t мере не способствует пониманию причин возникнове-
)тих элементов и анализу их сущности. Подобный ме-
■ ологический промах был допущен также в гештальт -
■ хологии, где целостный, несводимый к сумме состав-
■ щих его частей образ, или, иначе, гештальт - структура,
■ тупал в качестве единицы анализа зрительной перцеп-
. И, аналогично тому, как Юнг не указывал характер
|роительного материала", из которого возводится здание
■ лективного опыта, так и гештальт - психологи полага-
что психический образ формируется по законам целого,
■ в соответствии с законами образования этого целого
■ каких-то определенных психических элементов.

Краткий исторический анализ показывает, что любая
■ хологическая концепция только в том случае может пре-
■ ювать на статус общепсихологической теории, если она
■ ни! вопрос о специфике того "языка", на котором напи-
■ ни психическая реальность. Это означает, что без обсуж-
■ ния характера психического материала, из которого
■ оются психические структуры, имеющие свои функции,

История выбора единиц анализа психического

нельзя понять логику работы психики. Недаро Л.М. Веккер указывает: "...абстрагированной от материала; может быть лишь воображаемая, но не реальная структура".¹ Добавлю лишь, что, в свою очередь, структура не может быть построена из действий, актов, функций и, тем более, из социальных форм взаимодействия человека с миром: поведения, общения, деятельности, так как наличие последних уже предполагает сформированное сознание. На этом основании "действие" или "живое движение" не может полагаться единицей анализа психики, хотя на этом стои отечественная психология на протяжении десятилетий, чему во многом способствовали оказавшиеся заразительными идеи А.Н. Леонтьева. Напомню, что Леонтьев выделяет четыре уровня анализа деятельности и на каждом уровне свою единицу анализа: особенную деятельность, действие, операцию и психофизиологическую функцию. Но приоритетной единицей анализа психики считал целостную деятельность. Хотя, у Леонтьева встречаются довольно интересные определения единицы анализа психического, правда, сделанные в русле все той же теории деятельности В.П. Зинченко и Н.Д. Гордеева также считают, что действие - есть исходная единица анализа человеческой психики и в качестве аргумента авторы ссылаются на мнение В.В. Давыдова (1972 г.), который полагает, что единицы анализа психики должны быть наблюдаемы, то есть, иметь как пишет Зинченко, "реальную, чувственно созерцаемую форму"³. Хотя, конечно же, нельзя не понимать, что психика, единицей анализа которой предлагают считать дейст

¹Веккер Л.М. Психика и реальность: Единая теория психических процессов. М., 1998. С. 50.

²"Единица" человеческой психики - разумный смысл того, на что направлена его активность". (Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М., 1972. С. 274.)

³ Гордеева Н.Д., Зинченко В.П. Функциональная структура действия. М., 1982. С. 11.

История выбора единиц анализа психического

не может быть непосредственно наблюдаема. Она "трагически невидима".

Таким образом, определение единицы анализа не может быть сделано без учета характера психического материала. Это лишь одно из требований, которые должны предъявляться к выбору единицы анализа. Перейдем к подобному обсуждению тех принципов, которым должна удовлетворять процедура выделения единицы анализа человеческой психики.

Глава 2. ПРИНЦИПЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЕДИНИЦЫ АНАЛИЗА ПСИХИЧЕСКОГО

Как было уже отмечено, выбор единицы анализа несет произвольный характер. Это в некотором смысле логический акт, поэтому далеко не всегда для самого автора психологической концепции представляется возможным отрефлексировать "бессознательный контекст" своего рода решения. Зачастую это интуитивный выбор, и потому его основания остаются скрытыми и неопределяемыми. Нельзя принять за основу анализа то, во что ты не видишь, так как, в противном случае, сама теоретическая цель теряет для автора всякую аксиологическую привлекательность. В силу этого представляется невозможным абсолютно нивелировать субъективный фактор в научном знании. Но это далеко не означает, что сам произвольный выбор не должен удовлетворять определенным критерияльным требованиям, поскольку методологические последствия определения единицы анализа непременно скажутся в ходе построения концепции. За редким исключением критерии выделения единицы анализа в психологии практически не обсуждаются. Само понятие единицы анали-

Гордеева Н.Д., Зинченко В.П. Функциональная структура действия. М., 1982. С. 8 - 12.; Зинченко В.П., Смирнов А.А. Методологические вопросы психологии. М., 1983.

Принципы определения единицы анализа психического

за является крайне неразработанным¹. Такое положение объясняют "недостаточной методологической культурой современной психологии"², с чем нельзя не согласиться. Учитывая, что в психологии не существует сколь-либо устоявшегося определения понятия "единица анализа" и практически в литературе не обсуждается проблема нормативных критериев, в соответствии с которыми делался бы выбор единицы анализа психики, следует ожидать, что перечень предложенных ниже принципов, согласно которым предлагается обосновывать такой выбор, может оказаться неполным, а разные принципы могут обладать различной силой методологической необходимости. Вместе с тем, необходимо иметь хоть какие-то принципы, согласно которым производится исходный выбор. Итак, базовыми принципами, определяющими выделение единицы анализа пси-

Хотя, следует отметить, что понятие единицы анализа психики с недавнего времени включают в перечень основных понятий психологии. В "Кратком психологическом словаре" (Ростов - на - Дону, 1998. Общая ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского) приводится следующее определение единицы анализа психики: "...образования, выступающие в качестве минимальных, далее не разложимых частей целостной психики и сохраняющие основные свойства этого целого." (С. 105.) Авторы словарной статьи, не испытывая ни тени сомнения, утверждают, что "...постановка вопроса о поиске универсальной Е.А.П., не зависящей от характера исследовательской задачи, не имеет под собой оснований", что совершенно противоречит данному самими же авторами определению Е.А.П. Единица анализа психики может быть только универсальной. В любом другом случае это не единица анализа всей психики, а единица анализа мышления, деятельности, аффективной сферы и т.д. У меня есть еще одно принципиальное возражение против позиции А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского. Говоря о том, что "в современной науке сформулирована система требований к Е.А.П.", авторы под современной наукой недвусмысленно понимают персону В.П. Зинченко, что, собственно, и не скрывают. Но, надо полагать, что В.П. Зинченко не олицетворяет собой всю современную психологическую науку.

²Гордеева Н.Д., Зинченко В.П. Функциональная структура действия. М., 1982. С. 7.

Принципы определения единицы анализа психического

ческого, предлагается считать следующие:

■ принцип неразложимой целостности.

■ Принцип первичности материала психического.

■ принцип гетерогенности.

\. Принцип необходимого развития.

I. Принцип психологической гомогенности.

Охарактеризую вкратце существо перечисленных принципов.

1. При всем огромном уважении к Л.С. Выготскому, Юторый, к тому же, первый в психологии осознал методологическое значение выбора единицы анализа и предложил свое понимание понятия "единица анализа", нельзя не отметить, что выбор Выготским "значения" в качестве конструкта, отражающего элементарную единицу в анализе мышления, не проверяется на соответствие тем или иным требованиям, хотя сами требования в своей, ставшей классической работе "Мышление и речь", Выготский попытался сформулировать. Правда эти требования касались выбора единицы анализа мышления, а не всей психики в целом. Выготский писал: "...решительным и поворотным моментом во всем учении о мышлении и речи... является переход от этого анализа (анализа элементов, составляющих целое, без учета специфики целого. - А.А.) к анализу другого рода. Тот последний мы могли бы обозначить как анализ, расчленяющий сложное единое целое на единицы. Под единицей мы подразумеваем такой продукт анализа, который, в отличие от элементов, обладает всеми основными свойствами, присущими целому, и которые являются далее неразложимыми живыми частями этого единства." Хотя Выготский слово рассматривал как "живое единство звука и знания", как "живую клеточку", которая содержит в элементарном виде уже все свойства, присущие понятийному мышлению, и был противником раздробления слова на две

Выготский Л.С. Мышление и речь. М, 1996. С. 13 - 14.

Принципы определения единицы анализа психического

части, между которыми потом пытаются "установить внешнюю механическую ассоциативную связь", он, тем не менее, единицей анализа мышления считает "значение", полагая, что: "именно в значении слова завязан узел того единства, которое мы называем речевым мышлением"¹. На мой взгляд, выбор понятия "значение" для определения единицы анализа речевого мышления не соответствует ранее сформулированному самим же Выготским требованию. Называя слово тем "живым единством", которое содержит в себе "в самом простом виде все основные свойства, присущие речевому мышлению в целом"², Выготский, тем не менее, выбирает одну из частей этого единства - внутреннюю сторону слова, или, иначе, его значение. В одном случае слово у Выготского выступает как элементарная единица анализа речевого мышления, в другом же такой единицей является только одна из частей этого "нерасчленимого живого единства" - его значение. Я думаю, Выготскому было абсолютно интуитивно ясно, что именно значение, а не слово может считаться единицей анализа мышления, даже если это мышление и речевое. Слово, как единство означающего и означаемого, могло бы "считаться единицей анализа речи, но понятно, что никак не мышления. Желание соединить мышление и речь в одно **концептуальное** целое побудило Выготского остановиться на значении как на единице анализа, так как "значение представляет собой неотъемлемую часть слова как такового, оно принадлежит царству речи в такой же мере, как и царству мысли"³. Отставив в стороне обсуждение оснований выбора Выготским единицы анализа понятийного мышления⁴, выделим **пер**

¹Выготский Л.С. Указанное сочинение. С. 14.

²Выготский Л.С. Указанное сочинение. С. 13.

³Выготский Л.С. Указанное сочинение. С. 15.

⁴Критический анализ важнейших положений подхода Выготского проблеме мышления приведен в содержательной статье В.М. Розинд

Принципы определения единицы анализа психического

I принцип определения единицы анализа психического, **который** фактически был сформулирован Выготским: Живая клетка, сохраняющая все основные свойства жизни, присущие живому организму, является настоящей единицей биологического анализа. Психологии, желающей **считать** сложное единство, необходимо понять это. Она **должна** найти эти неразложимые, сохраняющие свойства, **присущие** данному целому как единству, единицы, в котором; в противоположном виде представлены эти свойства. Таким образом, первым принципом, который играет **роль** критериального требования к определению единицы **анализа** психического, является принцип неразложимой **целостности**. Согласно этому принципу, единицей анализа **может** быть только такое целое, которое, во-первых, обладает в элементарном виде всеми свойствами, носителем которых является вся психика, и, во-вторых, это целое не может быть разложено на элементы путем последующего **анализа**, так как свойства любого целого не могут быть **получены** из анализа свойств составляющих его частей². Об этом предупреждал и Выготский, указывая на изъян тради-

ционного исследования мышления в работе Л.С. Выготского "Мышление и речь". // Психологический журнал. 1997. № 5.

Выготский Л.С. Мышление и речь. М., 1996. С. 14.

Понимая за единицу анализа "действие" или "живое движение", Гордеева (1982) считает возможным говорить не только о гетерогенности единицы анализа, а также о гетерогенном составе самой единицы анализа. То есть, фактически, Гордеева выделяет единицы анализа внутри единицы анализа, описывая действие как многокомпонентное образование, включающее в себя исполнительные, когнитивные, эмоциональные составляющие. (Гордеева Н.Д. Экспериментальная психология исполнительного действия. М., 1995.) Не вызывает сомнения, что действие имеет различные фазы или компоненты, и, прежде всего по причине, действие не может выступать единицей анализа всей психики. Полагаю, что такой методологический ход является ошибочным, так как единица анализа не может быть разложима вследствие своей целостности. В противном случае, это не единица, а такой же предмет анализа, как и любой другой, обусловленный выбором исследователя.

Принципы определения единицы анализа психического психологического анализа, которые ориентированы на разложение сложных психических целостностей на элементарные образования, способ, с помощью которого специфика целого ложно трактуется исходя из особенностей составляющих целое элементов. Такой способ, как пишет Выготский, "можно было бы сравнить с химическим анализом воды, разлагающим ее на водород и кислород. Существенным признаком такого анализа является то, что в результате его получают продукты, чужеродные по отношению к анализируемому целому, - элементы, которые не содержат в себе свойств, присущих целому как таковому и обладают целым рядом новых свойств, которых это целое никогда не могло обнаружить."¹

2 Второй важнейший принцип определения единицы анализа психического должен заключать в себе требование видеть за единицей анализа материал психического, в отличие от любого рода психических структур, функций, свойств, состояний. Анализ истории развития психологической мысли с начала оформления психологии в самостоятельную науку отчетливо показал, что ни одна научная психологическая теория не может быть отвлечена от рассмотрения того материала, из которого строятся психические процессы. Психический процесс непременно должен строиться из какого-то материала. Психический процесс может быть построен из структуры определенным образом взаимосвязанных элементов, а только, единственно, из самих этих элементов, которые, благодаря тем или иным способам организации, "укладываются" в структуру процесса. Точно также, как, по меткому замечанию Веккера, нельзя построить здание из стилиа или сшить платье из фасона. В то время, когда существование психических функций предполагает наличие сформированных психических структур, а существование последних предполагает некие стро-

¹Выготский Л.С. Мышление и речь. М., 1996. С. 11.

²Веккер Л.М. Психические процессы. Т. 1. Л., 19/4. С. 32.

Принципы определения единицы анализа психического

материал", из которого эти структуры состоят, сам психический материал уже ни что не предполагает. В таком случае речь не идет о том, как образуется этот материал, что является первопричиной его возникновения. Мысли вообще на вопросы: "В какой момент онтогенеза возникает собственно психическая активность? И по каким критериям следует судить, что эта активность психическая, а биологическая?", могут быть получены обоснованные, ясные ответы. В контексте данного обсуждения неважно вследствие чего и когда в организме человека впервые возникает психическая жизнь¹. Принцип, постулирующий выбор в качестве единицы анализа психический материал, дает возможным объяснение психических процессов как процессов, имеющих свой собственный субстрат. Вместе с этим этот принцип обязывает оценивать любое психическое явление, в том числе, например, и личность², не как совокупность своих состояний, и не с точки зрения свойств и проявлений, а, прежде всего, на базе понимания того, чем является психическое образование (образ, эмоция, мысль, действие или знание, субъект, личность, индивидуальность) как носитель своих свойств и функций, то есть с точки зрения своего статуса. Итак, описанный принцип можно условно обозначить как принцип первичности психического материала.

3. Психика - гетерогенная система, состоящая из различных элементов психического опыта, реализующая совместно различные процессы, вместе с тем сохраняет целостность, которая характерна для любого системного образования. В соответствии с первым принципом, единица анализа психического должна быть соприродна всему психическому целому. Этим продиктована необходимость рас-

подробнее о первопричинах психического в онтогенезе см.: Часть 2 данной работы.

Психология, как известно, изучает психический мир. Если личность не формируется психическим образованием, значит личность не может включаться в предметную область психологии.

Принципы определения единицы анализа психического

сма­тривать единицу анализа не только как элементарное целое, неразложимое на элементы без потери специфики, но также и как разнородное психическое образование, так как гетерогенность является неотъемлемым атрибутом психики. Поэтому третьим важнейшим принципом, определяющим выбор единицы анализа психического, является принцип гетерогенности. Поскольку, в соответствии с принципом первичности психического материала, единицей анализа может служить только материал психического, значит гетерогенность психики представляет собой различные модификации того, что определяется выбором единицы анализа. В таком случае, совершенно различные психические образования должны быть поняты в аспекте своего содержания исходя из первоначального выбора единицы анализа.

4. Как абсолютно справедливо отмечаю Н.Д. Гордеева и В.П. Зинченко, единица анализа "должна быть способна к развитию, в том числе к саморазвитию"¹ Собственно говоря, это, как и предыдущий принцип, следствии требования согласования разнопорядковых целых всей психики, как целого самого высшего порядка, и единицы анализа психики, как целого самого низшего порядка. Развитие является модусом существования психики. Человеческая психика не может находиться в состоянии покоя. Изменения являются условием психической жизни поэтому процессуальный характер психики, способность к развитию и совершенствованию в течение онтогенеза форм познавательной, эмоциональной, регуляционно - волевой активности должны найти свое отражение и в соответствующей элементарной нише психического, в "живой клетке" живого психического целого. Известно, что

С.Л. Рубинштейн одним из важных принципов психологии считал принцип развития. Любые диалектические единства

¹ Гордеева Н.Д., Зинченко В.П. Функциональная структура действия // М., 1982 С. 9.

Принципы определения единицы анализа психического

эффективное и интеллектуальное, сознание и деятельность, сознание и бессознательное и т.д. могут быть раскрыты только с учетом движущих моментов развития человека. Рубинштейн подчеркивал: "клеточка" или "ячейка" психологии в нашем понимании не является чем-то неизменным, где себе равным. Она - продукт развития, и на различных ступенях развития сама она изменяется и приобретает различное содержание и структуру. "Клеточка"... не абстрактный всегда себе равный, тождественный элемент. Генетический, исторический принцип распространяется на нее. Различия психики на разных ступенях развития психики входят себе отражение и в различии соответствующей "клеточки". Тем самым, четвертый принцип может быть выведен принципом необходимого развития.

5. Следующий, исключительно важный принцип - принцип психологической гомогенности, в соответствии с которым запрещается в качестве единицы анализа психического выбирать какое бы то ни было образование, не относящееся к сфере психического. То есть, по существу, данный принцип делает невозможным сведение единицы анализа психики к физическому (физиологическому) или социальному плану анализа. Детерминанты психического находятся не вне, а внутри психики, поэтому объяснение фенологии необходимо производить на языке психологии, прибегая к языку физиологии, биомеханики, биологии, антропологии, педагогики, социологии и всех тех дисциплин, которые примыкают к психологии. В противном случае мы всегда будем иметь дело с редукционистскими объяснениями². При всей гетерогенности, единица анализа, тем не менее, не может выходить за пределы собственно психической реальности. Такое критериальное требование поддер-

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1946. С. 173.

² Гафонов А.Ю. Смысл как единица анализа психического. // Вестник МГУ. 1998. №3. С. 143.

Принципы определения единицы анализа психического также авторами вышеуказанной работы¹: "единицы в рамках каждого уровня (психической организации А.А.) должны быть гетерогенными, но вся таксономия единиц должна отвечать требованию гомогенности, то есть не выходить за пределы психологии. Каждая единица должна содержать в себе свойства, отражающие познание, чувство, волю... В противном случае она будет единицей физиологического или, например, биомеханического, но не психологического анализа." Сходную позицию занимает и В.М. Аллахвердов, одним из главных принципов научного психологического познания считая принцип "гносеологической редукции", согласно которому "ничто в психике не должно объясняться биологическими закономерностями физиологическими механизмами или социологическими законами. Психическая деятельность не потому такова, что так функционирует человеческий мозг, а наоборот, мозг так функционирует потому, что он должен обеспечивать именно такую психическую деятельность. Социокультурные явления - следствие совместной познавательной деятельности людей, а не причина совместной деятельности."2

На самом деле, выбор данного принципа не нуждается в обосновании. Он очевиден, так как в основу анализа психики по определению не может быть положено что-либо внепсихическое. Это было бы не только методологически нелепо, но и абсурдно в логическом отношении.

Повторю: перечень принципиальных ограничений для выделения единицы анализа, вероятно, может быть дополнен. Однако, для определения необходимого и достаточного количества оснований выбора нужно было бы иметь критерий, с помощью которого устанавливалась бы полнота набора. "Что могло бы служить таким критерием

¹Гордеева Н.Д., Зинченко В.П. Функциональная структура деятельности. М., 1982. С. 12.

²Аллахвердов В.М. Опыт теоретической психологии. СПб., 1993. С. 311.

Принципы определения единицы анализа психического - вопрос, который, насколько мне известно, методологически даже не обсуждается. В силу этого, вполне резонно было бы оговориться предложенным.

Глава 3. СМЫСЛ КАК ЕДИНИЦА АНАЛИЗА

"Наша задача - заново ввести регистр смысла, регистр, который нужно поместить на подобающий ему уровень."

Жан Лакан.

Одной из задач настоящей работы является обоснование выбора понятия "смысл" для обозначения элементарной единицы анализа психики человека. Такой выбор, как уже говорилось, с одной стороны носит произвольный характер и часто базируется на вере в истинность того, что утверждается, то есть не является логическим выводом, с другой стороны, такой выбор должен обязательно быть обоснован и пройти проверку на соответствие определенным критериальным требованиям. В качестве таких оснований было предложено считать пять сформулированных выше принципов, согласно которым может производиться выбор единицы анализа. Эти принципы в своей совокупности ограничивают зону поиска единицы анализа, определяя, своего рода, методологическими фильтрами. Ранее уже было продемонстрировано, что во все периоды развития психологической науки, включая и современный период развития, проблема определения единицы анализа психики считалась актуальной, безотносительно к тому, ставалась ли эта проблема в качестве самостоятельной, методологически значимой, или же нет. И, думается, что именно такая единица анализа, которая бы разрешала существующие антиномии, обычно выделяемые в структуре

психического опыта: отражение - регуляция, интеграция - дифференциация, произвольное - непроизвольное, сознание - бессознательное, аффективное - интеллектуальное, образ - действие и т.п., и которая бы позволила интегрировать в единую структуру психологического знания две по сей день оторванных друг от друга отрасли психологии, как то: психологию когнитивных процессов и психологию личности, на мой взгляд является не только перспективным, но и необходимым при решении задачи увеличения строгости научной психологической мысли и преодоления концептуальной разобщенности, царящей сегодня в научной психологии.

Единицей анализа, удовлетворяющей вышеописанным принципам, на мой взгляд, может выступать "смысл". На каждом уровне иерархической организации психики смысл выступает в различных формах своей модификации, но, при этом, всегда оставаясь тем "строительным материалом", из которого строятся гетерогенные психические образования. В силу этого, смысл - это и содержание сенсорно-перцептивного образа, и содержание вторичного образа представления, и, конечно, содержание мысли как конечного продукта мышления. Эмоции и чувства, Мотивы и действия также в своей основе, то есть в отношении к источнику порождения, могут быть охарактеризованы как психические формы, со-держащие смысл, и регулируемые сознательными механизмами, обеспечивающими смысловую динамику. Наиболее важное следствие сделанного выбора относится к анализу содержания памяти. В дальнейшем будет показано, что следы, "ячейки" памяти - это и есть те смыслы, которые сохраняются с течением времени, хотя и смена психических форм, которые наполнены соответствующими смыслами, происходит в каждый момент психического времени.

Понятие "смысл" довольно широко используется в психологии. Достаточно сказать, что Л.С. Выготский,

недопустимым разведение аффективной и интеллектуальной сферы, указывал, что "существует динамическая смысловая (курсив А.А.) система, представляющая собой единство аффективных и интеллектуальных процессов". Л.П. Леонтьев определял "личностный смысл" как "отношение мотива к цели", считая, что это важнейшая обращая сознания, а его последователи (Д.А. Леонтьев) рассматривают как многокомпонентное смысловое образование². В психологии эмоций также нередко говорят о смысловом характере аффективности. Так, например, отмечают: "...единицей" анализа деятельности является смысл как отражение жизненных отношений субъекта, а эмоции (переживания) являются компонентом смысла, выполняющим определенную функцию в его формировании и следующем развитии. Эмоции ставят "задачу на смысл"³. В. Бассин предложил идею "значимого переживания" как смыслового эмоционального способа психического отражения. Он писал: "фундаментальное представление об управляющих функциях смыслов раскрывается... в условии противопоставления "смыслов" "переживаниям", а интеграции обоих этих понятий в рамках идеи "значимого переживания"⁴. Во многих работах, посвященных психологии памяти, "смысл" расценивают в качестве субстрата домики (См. Часть 2, Главу 3 данной работы), не говоря о том, что смысл выделяют как единицу анализа мышления и речи. Вместе с тем, невозможно понять природу личности вне осмысленных форм ее проявлений: поведения, деятельности, общения, с одной стороны, и, с другой сто-

Выготский Л.С. Мышление и речь. М., 1996. С. 20.

2. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М., 1997. С. 280.

3. Васильев И.А., Поплужный В.Л., Тихомиров О.К. Эмоции и мышление. М., 1980. С. 36.

4. Бассин Ф.В. К развитию проблемы значения и смысла. // Вопросы психологии. 1973. № 6. С. 22. Проблема неосознаваемой психической деятельности. // Вопросы философии. 1975. № 10.

роны, без признания личности, как носителя своих свойств и субъекта предметных и познавательных действий, коммуникативных и поведенческих актов, интегральным смысловым психическим образованием. То, чему имманентно не присущ смысл, не может быть носителем имеющих смысл свойств (а разве направленность личности или характер не есть сложные конstellации, симптомокомплексы смысловых компонентов?), равно как и не может быть субъектом осмысленной социальной активности, в том числе, конечно же, и субъектом социального "познания во всех его формах. Понимание "смысла" как основы анализа психического дает шанс построить общепсихологическую теорию, в рамках которой был бы преодолен разрыв между психологией познавательных процессов и персонологией.

Базовой функцией психики является отражение. В эффектах отражения субъекту открывается предметная, а, значит, осмысленная картина воспринимаемого, представляемого, мыслимого. Мир для человека становится значащим благодаря тому, что человек способен к его осмыслению. Смысл - есть исключительная прерогатива человека. Вне человеческой психики смысл себя не обнаруживает. Здесь можно вспомнить известное высказывание Л. Витгенштейна: "Смысл мира должен находиться вне мира. В мире все есть, как оно есть, и все происходит, как оно происходит, в нем нет ценности - а если бы она и была, то не имела бы ценности"¹, а также слова М.К. Мамардашвили: "смысл - не есть предмет, находимый в мире", он "никогда не исполняется в виде какого-нибудь события Или состояния"². Другими словами, смысл нельзя обнаружить как вещь, как свойство или функцию какого-либо объекта действительности. Ни реальный, чувственно воспринимаемый предмет, ни события или явления мира,

¹Витгенштейн Л. Логико - философский трактат. / Философские работы. Ч. I. М., 1994. С. 70.

²Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М., 1992. С. 61.

И история, ни литературный текст не имеют смысла, а только восприятие, представление или размышление о чем-либо может быть наполнено смыслом. То есть, в данной работе смысл рассматривается только в аспекте состава психики ("состав" определяют как "множество, набор элементов или частей, образующих целое"¹). Только в человеческой психике, которая является моделью действительного мира, этот мир обладает смыслом, в силу чего и присутствие человека в мире становится осмысленным. Сама негнанный тяга человека искать в своей жизни смысл - есть лучшее свидетельство его объективного существования в объективном мире человека.

Смысл неделим. Это молярная единица. Смысл представляет собой предельную степень деления психики. Как вызывает С.И. Голенков, "поиск элементарных структур смысла никуда не ведет, поскольку попытка вычленения элементарных составляющих смысла - есть поиск некой меры смысла, наподобие единиц измерения в естествознании"². Что могло бы служить единицей анализа самого смысла? И здесь ответ может быть только единственным: смысл как целое, как завершенность и неделимость, что не означает, конечно же, постулирование существования смысла в себе", поскольку смысл не может рассматриваться как изолированная сущность, а только в отношении к другим смыслам. Аналогичной точки зрения придерживались и М. Бахтин, который считал, что смысл может актуализоваться, "лишь соприкоснувшись с другим (чужим) смыслом, хотя бы с вопросом во внутренней речи понимающего... Он существует только для другого смысла, то ||. существует только вместе с ним." Смысл подчиняется закону единства. Не может существовать обособленного, изолированного смысла. Это было бы *contradictio in adjecto* формально - логическое противоречие в определении с

¹нзен В.А. Восприятие целостных объектов. Л., 174. С. 35.

²Голенков С. И. Культура, смысл, сознание. Самара, 1996. С. 46.

определяемым – лат.)¹. При этом сам смысл не складывается по частям; если он есть, он дан целиком. Поэтому смысл

литической философии: смысл фразы не состоит из отдельных слов, ее составляющих, точно так же, как смысл всего текста не может быть сведен к сумме смыслов отдельных слов. Смысл может быть **ТОЛЬКО** целостен, **ТОЛЬКО** целостность может иметь смысл.

Вполне возможно, что выбор понятия "смысл" для обозначения единицы анализа психического, единицы, которая, вместе с тем, необходимым образом должна рассматриваться, вместе с тем, необходимо из которого состоит психическая реальность, является не самым удачным. Вероятно, для этой цели могли бы быть использованы другие понятия. Психика имеет содержание, физическим объектам реального мира, **никак не могут выступать в качестве** такого содержания.

быть найден для обозначения за психики². На мой взгляд, понятие **смысл** в психологии удовлетворяет всем тем требованиям, которые бы-

¹Бахтин М.М. Проблемы содержания материала и формы. // Работы 1920-х годов. Киев, 1994. С. 262.
²В свое время, отвечая на вопрос о том, в чем состоит отличие эмоции от чувств, Юнг указывал, что термин "чувство" является вполне подходящим для обозначения оценочной функции. Т. что человек устанавливает оценочные отношения – это факт, и оценочная функция должна как-то называться. Так вот "чувство" или обозначать эту функцию понятием "чувство" заметив, что "если бы большинство мыслящих людей пришло к выводу о том, что чувств является неудачным наименованием для данной функции, то он возражал, если бы".
 Тэвистокские лекции

ли перечислены в предыдущей главе. Помимо этого, сделанный выбор позволяет наметить логический переход к рассмотрению центральной проблемы психологии, а именно: проблемы сознания. Без выяснения роли сознания в психической жизни человека нам не суждено будет понять специфическое отличие человеческой психики от психики той организации животных.

«Начиная с определенной точки, возврат уже не возможен. Этой точки надо достичь.» Так говорил Кафка.

ЧАСТЬ 2. СМЫСЛ. СОЗНАНИЕ. ПОНИМАНИЕ.

"Сознание - плясун и волшебник, объективный мир - его сцена. Смысл же - мудрый шут, бредущий повсюду за волшебником и соображающий пустоту, и преходящее его выдумок и трюков.

... Из-за деятельности сознания возникает ошибка, разворачивается объективный мир и устанавливается понятие субъекта деятельности. Но если отделиться от сознания, вся система ума перестанет функционировать..."

Ланка - аватара - сутра.

Глава 1. СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ "СМЫСЛ"

Существует множество различных дефиниций понятия "смысл". Согласно БСЭ, "смысл - есть идеальное содержание, идея, конечная цель (ценность) чего-либо (смысл жизни, смысл истории и т.д.). Термин "смысл" может обозначать целостное содержание какого-либо высказывания..., не сводимого к значениям составляющих его частей и элементов, но само определяющее эти значения." ¹ В "Словаре современного русского литературного языка" значение слова "смысл" раскрывается следующим образом: 1) "разум, рассудок, ум"; 2) "внутренне содержание чего-либо (курсив А.А.), значение"; 3) "разумное основание, цель, назначе-

¹Большая Советская Энциклопедия. Под ред. А.М. Прохорова. Т. 23. М., 1976. С. 628.

ние". В языкознании под смыслом понимают совокупность неязыковых характеристик содержания, в отличие от значения как обобщения его внутриязыковых характеристик, семантическую характеристику целостного высказывания Или текста, в отличие от значения (на уровне отдельного слова), каннотативную, а значение - денотативную сторону ержания слова (при этом в разных концепциях смысл понимается либо как целое, а значение как его компонент, ибо, наоборот, как компонент значения). В модели "смысл текст", смысл - понятие, описывающее глобальное содержание высказывания². Таким образом, в первом значении слово "смысл" используют для обозначения идеализированного объекта. Во втором значении этого слова делается акцент на том, что смысл - есть интегральная целостность, образующаяся путем комбинаций элементов или частей в составе целого.

В "Толковом словаре живого русского языка" В. Даля приводятся два основных определения понятия "смысл". Это способность понимания, постижения; разум и способность правильно судить и делать заключения³.

С.И. Голенков, проводя довольно обстоятельный анализ различных содержательных моментов термина "смысл", присваивает многочисленные значения, которые образуются приставкой "с-". Анализ десяти значений, которые приписываются слову "смысл" указанной приставкой, позволил Голенкову сделать следующие выводы: основные значения, присвоимые приставкой "с-" ("со-"), можно охарактеризовать следующим рядом содержательных моментов: момент направленности, упорядоченности, движения мыслительных компонентов; 2) момент соединения, синте-

²Словарь современного русского литературного языка. В 18-ти томах. • 3. М.-Л., 1962. С. 1448-1450.

³Указанное сочинение. С. 628.

⁴В. Толковый словарь живого русского языка. В 4-х т. Т. 4. М., 1980. С. 240.

Содержательный анализ понятия "смысл"

за; 3) момент порождения новой мысли; 4) момент мыслительного усилия¹. Таким образом, Голенков понимает смысл (и это не вызывает сомнений, если познакомиться с содержанием всей его работы, а не с отдельной главой, посвященной экспликации значений слова "смысл") как продукт мышления, а точнее было бы сказать – как эффект работы сознания. Автор, помимо анализа морфологической структуры слова "смысл", указывает на весьма интересное обстоятельство: еще в "Старославянском словаре", который был составлен по рукописи X - XI вв., были приведены различные греческие эквиваленты слова "смысль", и одним из таких эквивалентов служило греческое слово *phren*, хотя это слово употреблялось в переносном значении, так как в прямом оно обозначало "грудно-брюшную перепонку, отделяющую сердце и легкие от прочих внутренностей"². Голенков отмечает, что словоупотребление в таком значении должно было показать местонахождение разума, духа человека в его телесном организме. Напомню, что слово "phren" означает "душа", "дух".

В феноменологии Гуссерля понятие "смысл" несет самую значительную теоретическую нагрузку. С одной стороны, смысл – это онтологическая характеристика самого бытия, с другой стороны, смысл – конституирующий элемент. Человек, по Гуссерлю, носитель смысловой специфики. Это означает, что факт любого сознательного переживания – есть событие смысла, заключенного в этом переживании. Только с человеком в мир вторгается, и, тем самым, изменяет его, реальность смысла. Только с учетом этого можно говорить о смыслах как онтологических основаниях мира. Мир, взятый сам по себе, безотносительно к человеку, есть нечто совсем иное, нежели тот мир, в котором живет человек. Для характеристики состава пережива-

С. Культура, смысл, сознание. Самара, 1996. С. 18 - 22.

¹Голенков С.И. Культура, смысл, сознание. Самара, 1996.

²Цит. 17.

Содержательный анализ понятия "смысл"

ния (а любое интенциональное переживание "есть сознание чего-либо") Гуссерль вводит понятие "ноэма". Например, восприятие обладает своей ноэмой – "смыслом восприятия, то есть *воспринимаемым как таковым*" (курсив Э.Г.). Соответственно, воспоминание обладает воспоминаемым, удовольствием – тем, что доставляет удовольствие, суждение – тем, о чем выносится суждение. "Ноэматический коррелят" (идеальное содержание всякого интенционального переживания. – А.А.), "который именуется ... "смыслом", следует брать точно так, как "имманентно заключен" он в переживании и восприятии, суждении, удовольствии и т.д., то есть, Точно так, как он предлагается нам переживанием..."² Смысл у Гуссерля выполняет функцию предметного содержания переживания, "необходимого ядра", вокруг которого синтезируется переживание, это смысл "в *как* его способа данности". На примере восприятия Гуссерль феноменологическую позицию демонстрирует следующим образом: воспринимаемое не заключает в себе как смысл воспринимаемого ничего, кроме того, что "действительно является I в являющемся по мере восприятия, причем в том именно модусе, в том способе данности, в какой являющееся и познается в восприятии. На этот имманентный восприятию смысл всегда может быть направлена специфическая рефлексия..."³ "...Обладание смыслом – это основной характер сознания вообще, которое благодаря этому есть не только переживание, но и переживание, обладающее смыслом."⁴ Бинсвангер, будучи приверженцем идей Хайдеггера (последний, напомню, был учеником Гуссерля), также исследовал феноменологический подход при анализе психических явлений, в том числе и в отношении интерпретации

серль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. /Язык и интеллект. М., 1996. С. 73.

серль Э. Указанное сочинение. С. 74.

серль Э. Указанное сочинение. С. 77.

серль Э. Указанное сочинение. С. 77.

сновидений. Смысл, по Бинсвангеру, есть способ, которым мир окружающей человека реальности открывается для человека как таковой, Смысл - есть основание взаимонеобходимости человека и мира. Это то, что фундирует бытие в мире¹.

В психологии принято разграничивать понятия "смысл" и "значение", хотя в англоязычной литературе эти понятия используют как взаимозаменяемые в силу того, что "meaning" употребляется для обозначения как одного, так и другого понятий, а слово "sense" в научной литературе встречается довольно редко². В психологическом словаре приводится следующая дефиниция понятия "смысл": "1) суть, главное, основное содержание (иногда скрытое) в явлении, сообщении или поведении; 2) личностная значимость тех или иных явлений, сообщений или действий, их отношение к интересам, потребностям и жизненному контексту в целом конкретного субъекта."³ Авторы словарной статьи указывают, что в психологии это понятие чаще всего используется во втором значении, образуя с понятием "значение" полярную оппозицию. Разведение понятий "значение" и "смысл" мы встречаем в работах Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурии, С.Л. Рубинштейна. Пожалуй, одним из первых в отечественной психологии дифференцировал эти понятия Выготский. Говоря о слове, как средстве знаковой коммуникации, Выготский, вслед за Ф. Поланом, различает "смысл" слова и его "значение". "Смысл, - пишет Выготский, - представляет собой совокупность всех психологических фактов, возникающих в нашем сознании... Смысл слова... оказывается всегда динамическим, текущим, сложным образованием, которое имеет несколько зон различной устойчивости. "Значение" есть только одна из зон...

¹См.: Руткевич А.М. От Фрейда к Хайдеггеру. М., 1985. С. 82. психологический словарь. Под общей ред. А.В. Петровского. М. Ярославского. Ростов - на - Дону, 1998. С. 351.

²Указанное сочинение. С. 351.

и притом зона, наиболее устойчивая, унифицированная и точная. ...Значение есть тот неподвижный и неизменный Пункт, который остается устойчивым при всех изменениях смысла слова в различном контексте. "Значение" есть не более как потенция, реализующаяся в живой речи, в которой это значение является только камнем в здании смысла.⁴ Главный вывод, который на основании такого разделения делает Выготский, заключается в том, что "смысл", не являясь в отличие от "значения" неразрывно связанным с определенной знаковой формой, отделим от знака. Всегда существует возможность выражения одного и того же смысла через различные наборы знаков. Иначе говоря, смысл никогда не связан какой-либо жесткой знаковой формой. Количество степеней семантической свободы знака обусловлено, в свою очередь, его положением в контексте. "...Смысл слова неисчерпаем. ...Смысл ...никогда не является полным", - указывал Выготский. С его идеями в полной мере согласуется мнение А.Н. Леонтьева. По Леонтьеву, "смысл выражает "отношение мотива к цели"², в то время, как "значение" отражает индивидуальное, независимое от личности отношение к объективной действительности. "...Смысл выражается в значениях (как мотив в целях), не значение в смыслах."³ Лурия называет "смысл" "индивидуальным значением слова" и полагает, что субъективные аспекты значения привносятся "соответственно данному моменту ситуации"⁴. Свое мнение Лурия иллюстрирует следующим примером:

"Слово "уголь" имеет определенное объективное значение. Это черный предмет древесного происхождения, результат обжига деревьев, имеющий опреде-

¹Выготский Л.С. Мышление и речь. / Общая психология. Тексты. Раздел III "Субъект познания". Вып. 1. Познавательные процессы: виды и развитие. Часть 2. Под общей ред. В.В. Петухова. М., 1997. С. 87. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М., 1981. С. 300. Леонтьев А.Н. Указанное сочинение. С. 301. Лурия А.Р. Язык и сознание. Ростов - на - Дону. С. 60.

ленный химический состав, в основе которого лежит элемент С (углерод). Однако смысл слова "уголь" может быть совершенно различным для разных людей и в разных ситуациях. Для хозяйки слово "уголь" обозначает то, чем разжигают самовар или что нужно для того, чтобы растопить печь. Для ученого уголь - это предмет изучения, и он выделяет интересующую его сторону этого значения слова - строение угля, его свойства. Для художника - это инструмент, которым можно сделать эскиз, предварительный набросок картины. А для девушки, которая испачкала белое платье углем, слово "уголь" имеет неприятный смысл: это что-то, что доставило ей в данный момент неприятные переживания."¹

Сходную точку зрения на проблему "смысл - значение" можно обнаружить в теории В.В. Налимова². Рубинштейн акцентирует внимание на единстве знания и переживания, которое отражается в "смыслах" как производных от устоявшихся в языке значений. Он писал: "Фиксированные в языке обобщенные значения, отражающие общественный опыт, приобретают в контексте индивидуального сознания, в связи с мотивами и целями, определяющими речь как акт деятельности индивида, индивидуальное значение или смысл, отражающие личное отношение говорящего - не только его знания, но и его переживания в том неразрывном их единстве и взаимопроникновении, в котором они даны в сознании индивида."

Термины "значение" и "смысл" используются не только в психологии, но также в логике, теории информации, лингвистике, культурологии и других областях знания. Иногда то, что одни считают "смыслом" (например, Фреге), другие называют "значением" (Полан, Выготский, Леонтьев, Бахтин). Однако, несмотря на большое количество

¹Лурия А.Р. Указанное сочинение. С. 61.

²См.: Налимов В.В. Спонтанность сознания. М., 1989; Налимов В.В. Вероятностная модель языка. М., 1979.

ределений (в начале XX в. Ч. Огден и А. Ричардс приводили уже 16 вариантов определения понятия "значение"), как и в большинстве подходов, и, прежде всего, в русле психологии, так и в настоящей работе делается "разведение" понятий "смысл" и "значение" в соответствии с позицией, предполагающей существование "значений" в сфере культурных конвенций в противовес локализованности "смыслов" в психической сфере субъектов, участвующих в процессе познания, деятельности и знаковой коммуникации, в том числе и аутокоммуникации. Следовательно, "смысл" как факт и содержание психики, не может являться характеристикой знака, языкового выражения, равно как и любого явления, за исключением психического. Смысловую оценку получает воспринимаемое, представляемое, переживаемое, мыслимое, тогда как значения объектов восприятия, представления, переживания и мысли выступают объективным коррелятом смыслообразований.

Еще одно кардинальное различие между значением и смыслом состоит в том, что смысл всегда обнаруживается одномоментно. Он, как ранее уже было сказано, не складывается по частям, в то время, как значения, например, языкового выражения, наслаиваются друг на друга. Так, значение высказывания - есть последовательная структура, образующаяся из значений знаков, из которых составлено развернутое языковое высказывание. "Смысл, в отличие от значения, - указывает В.П. Зинченко, - складывается (извлекается) не последовательно, линейно из различных уровней языка, в котором описана, дана ситуация, а схватывается нами комплексно, симультанно."¹ Кроме этого, значение дискретно, а смысл континуален. Всегда существует возможность многовариантного осмысления значения. Такая поливариантность - есть неременное условие расширения опыта понимания и углубления наших знаний.

¹Зинченко В.П. Психологическая педагогика. Часть I. Живое знание. М.: Агара, 1998. С. 51.

Проблема конвенциональности значений не является столь простой, как это может показаться на первый взгляд. Чаще всего при разрешении вопроса, почему люди понимают определенные вещи, в том числе и усваивают значения различного рода естественных и искусственных знаков некоторым сходным образом, "конвенциональность" используют в качестве объяснительного принципа: мол, значения знаков языковых выражений, функциональные значения предметов определяются принятыми в человеческом сообществе соглашениями. Однако, сами конвенции нуждаются в объяснении. В свое время В. Куайн задался законным вопросом: если конвенции имеют форму эксплицитного соглашения, то на каком языке велось обсуждение такого соглашения? Что значит конвенциональность? Как выработываются конвенции в условиях того или иного культурно - исторического контекста? Эти вопросы находятся в центре внимания лингвистов самого разного толка. В задачи данной работы не входит анализ, безусловно, сложной проблемы знаковости. Единственно отмечу, что от того какой и как язык мы усваиваем, каким образом мы зируем свой мир, зависит и наше знание о мире². Известная и достаточно популярная в настоящее время концепция лингвистической относительности Сепира - Уорфа базируется на представлении, согласно которому язык организует поток чувственного опыта и позволяет строить мир на основе тех языковых норм, которые усваиваются с детства в определенной общественной и культурной среде. Тем самым, трудности понимания друг друга представителями различных языковых культур обусловлены тем, что в языке "содержится своеобразный взгляд на мир, и различия между картинами мира тем больше, чем больше различаются между собой языки"³. Если к этому добавить и отличия,

Лебедев М.В. Стабильность языкового значения. М., 1998. С. 62.
См.: называл язык "домом бытия, где человек пребывает".
М. Хайдеггер
Ит. по: Лебедев М.В. Стабильность языкового значения. М., 1998. С.

связанные с индивидуальным употреблением понятий внутри однородной языковой среды, существующая сохраненная способность к взаимопониманию является воистину чудесной.

К проблеме, связанной с различным употреблением терминов "значение" и "смысл" я еще раз обращусь при обсуждении моделей сознания (см.: Глава 5).

Итак, краткий анализ дает основания считать смысл психическим продуктом, в то время как значения (предметные и лингвистические) принадлежат внешнему относительно психики миру, причем, важно подчеркнуть, что смыслы, как содержание психического, уникальны, как уникален сознательный опыт каждого человека, как уникальна любая человеческая жизнь. Это утверждение несколько не противоречит положению о том, что структура и функции человеческой психики имеют общий для всех людей вид, который не зависит от национальных, половых, возрастных, культурных и т.д. особенностей. Общая психология, как академическая научная дисциплина, как раз и изучает общие закономерности функциональной организации психики. Хотя это может показаться нелепым, но в чем-то каждый уникальный человек похож на всех остальных людей. Его сходство определяется инвариантными для всех людей принципами, лежащими в основе строения и функционирования психики, а уникальность - характером психического содержания, которое наличествует в каждый текущий момент времени. Как организовано смысловое содержание психики?, почему такой способ организации позволяет психике решать свои функциональные задачи?, что является инструментом, который используется в процессе моделирования внешней реальности? - на эти вопросы попробую найти свои ответы, и тогда, может быть, простому человеку Ст. Тулмину уже не будет необходимости спра-

шивать: "Что такое человек, раз он может понять мир? И что такое мир, раз человек может его ^{понять?}"¹

Глава 2. СМЫСЛОВАЯ ПРИРОДА ПСИХИЧЕСКОГО: ОСНОВОПОЛОЖЕНИЯ И ОБОСНОВАНИЯ

"Из одного все, из всего одно."

Гераклит Эфесский

Человек рождается в мире и до конца своих дней остается необходимой его частью. Но, в отличие от всех других явлений физической и биологической природы, человек имеет монопольное право обладания сознанием, благодаря чему и способен выделять себя из мировой стихии. Будучи неотъемлемой составной частью мира, он, вместе с тем, противостоит миру как самостийная, изолированная сущность. Именно сознание позволяет человеку самоопределяться в своем уникальном, ни в каком ином виде не дублируемом, качестве. Сознание делает познание мира по-настоящему человеческим. Целью любых форм познавательной активности является отражение процессов и явлений, имеющих место в мире. То, что отражение является ведущей функцией психики, практически во всех современных школах психологии принимается безоговорочно. Но до сих пор не получен ясный ответ о том, каким образом и при каких условиях происходит такое отражение? И, самое главное, что оно из себя представляет? В чем его специфика? Какую роль в моделировании внешнего, относительно

¹Тулмин Ст. Человеческое понимание. М., 1984. С. 31.

Смысловая природа психического: основоположения и обоснования психики, мира играет сознание? Каковы функции бессознательной психики? Если мы ответим на вопрос, какие задачи решает психика вследствие отражения, мы сможем понять самое важное, а именно: как физический мир, в котором действует человек, представлен в его психическом мире. Или, иначе, каким образом физика мира отражается в психике человека.

Моделирование действительного мира должно иметь для психики какую-то цель. Само по себе отражение ради отражения бессмысленно. Значит, должен быть какой-то эволюционный замысел, скрывающий функциональные цели психического отражения. С тем, что возникновение сознания в ходе антропогенеза является артефактом эволюции, ничем не детерминированным событием мировой истории, человеческое сознание, ориентированное на познание, не может смириться, даже в том случае, если происхождение сознания случайно и бесцельно. Логика размышлений о природе вещей инициирована потребностью понимания причин, поэтому, даже допуская явления иррационального свойства, или явления, причины возникновения которых никогда не могут быть установлены, человеческое сознание склонно отражать мир через призму каузальных связей, что, в свою очередь, означает, что любой объект, являющийся предметом анализа, в том числе и само сознание, существует не только потому, что он просто существует, а, прежде всего, для достижения определенных, природосообразных целей. Смирив человеческую гордыню, мы должны осознать, что мудрость природы несравненно превышает наши возможности понимания. Мы не можем думать иначе, как допуская, что все в мире имеет причину и цель своего существования, даже если эта причина и эта цель представляются таинственными человеческому разуму. Психология как наука, изучающая реалии психического мира, не может не интересоваться предельными вопросами происхождения, эволюционного оправдания существования

Смысловая природа психического: основоположения и функционального назначения психики. Бесспорно, что хотя и исключительно сложно понять, например, функции микросаккадических движений глаз в процессе зрительного восприятия, или функция экоической памяти, однако, понять функции всей психики в целом несопоставимо сложнее. Но, если мы не поймем функциональные задачи, которые решает психика в процессе моделирования мира, мы едва ли сможем приблизиться к достоверному знанию о частных функциональных задачах, решаемых психической организацией. Поэтому одной из задач научной психологии является разгадывание сложнейшей загадки природы: какова родовая функциональная цель психического отражения и что из себя представляет психический дубль действительного мира?

Мир такой, какой он есть на самом деле, дан субъекту познания как результат отражения, как модель или картина этого мира. Это обстоятельство побудило И. Канта признать "скандалом для философии необходимость принимать лишь на веру существование вещей вне нас... и невозможность противопоставить какое бы то ни было удовлетворительное доказательство этого существования"¹. Тем не менее, в реальности событий и процессов, происходящих в мире, во всяком случае, психически здоровый человек не сомневается. Загадка психического отражения заключается в том, что реальность среды, то есть действительного мира, который в психике является его отражением, а не самим этим миром, подтверждается на истинность только благодаря очевидной данности субъекту познания содержания собственного психического опыта. Никакой другой возможности доказать реальность мира у человека нет. Попытки обоснования возможности непосредственного соотнесения объекта и образа объекта, объекта и переживания или мысли о нем представляются мне совершенно абсурдными. Одинаково невозможным является соотнесение

¹Кант И. Сочинения: в 6-ти томах. М., 1963- 1966. Т. 3. С. 118.

Смысловая природа психического: основоположения и обоснования представления о другом человеке, его мыслях, чувствах, настроениях и этих мыслей, чувств, настроений. Иначе говоря, предметная и социальная реальность также, как и психическая реальность других людей, даны субъекту познания исключительно как эффекты отражения, а, следовательно, как его собственное психическое содержание, так как эффекты отражения принадлежат субъекту и представлены только в его внутреннем мире, а никак не за пределами последнего¹. Таким образом, тот мир, который описывает и исследует психолог, - это мир: а) созданный конкретным человеком; б) являющийся проекцией действительного мира. В таком мире, на самом деле, человек является центром системы отсчета, активным творцом мира, а не его пассивным наблюдателем.

В отечественной психологии на протяжении долгого времени предпринимались попытки доказательства возможности непосредственного сопоставления картины мира и мира, образа объекта и объекта, мыслительных конструкций и объективных отношений, которые раскрываются в мышлении. Согласно классикам марксистской психологии, такое сопоставление может быть реализовано в ходе практической деятельности. Хорошо известный философский концепт: "практика - это критерий истины", долгое время служил фундаментом для построения научно - психологических теорий. Продолжительное время можно было сомневаться во всем ("во всем" - это, конечно же, сильно сказано), за исключением того, что положено в фундамент. Хотя, как мне представляется, положение о том, что суще-

¹Сознание, - пишет Х. Патнем, - никогда не сопоставляет образ или слово с объектом, а лишь с другими образами, словами, верованиями, суждениями и т.д. Идея сравнивать слова или элементарные представления с объектами бессмысленна." (Патнем Х. Введение к книге "Реализм и разум". / Современная философия науки. М., 1994. С. 139.) То, что такое сопоставление невозможно - неоспоримый факт. Однако, нельзя сопоставить образ с образом, мысль с мыслью, слово со сло-

во... Но об этом несколько позже.

Смысловая природа психического: основоположения и обоснования
 ствование мира может быть верифицировано только внутри психической сферы человека (иначе говоря, только в рамках модели мира, а не в самом мире), настолько очевидно, что даже не требует каких - либо пояснений. Тем не менее, в далеко не худшего качества психологической литературе можно встретить, например, такое, на первый взгляд тривиальное и потому, казалось бы, неоспоримое утверждение". "Осознать объект - значит включить его в систему своих знаний и отнести к определенному классу предметов". Понятно, что знание имманентно присуще отдельному человеку, в этом смысле знания вообще не могут быть транслируемы, а адресату может быть передана только информация на тех или иных носителях. Знания, равно как и смыслы, психичны. В силу этого, объект, как физическую вещь, совершенно немислимо пытаться включать в психические знания. Может быть, автор приведенного утверждения знает, как можно лежащий на дороге камень включить в систему собственных знаний. Мне это неизвестно. Одно очевидно - что вопросом о том, вследствие чего возможно познание, и, как следствие этого, - достоверное знание, не может задаваться камень, сельдерей, страус Эму или обезьяна Сифака. Это исключительное право (я бы даже сказал, обязанность) человека, если он себя, конечно, осознает как человека². Примечательно то, что такие вопросы не перестают будоражить ум не только крупных мыслителей человечества, но и людей,

¹Спиркин А.Г. Сознание и самосознание. М., 1972. С. 82.
²Подумно предлагаю простую и, вместе с тем, очень емкую формулу, которая позволяет извлекать любой антропологический корень: например "человек счастлив - когда, где, как и насколько он осознает себя счастливым", "человек свободен - когда, где, как и насколько он осознает себя свободным", "человек любим - ...". В этом смысле, сознание - страдания, уникальное средство или орган, производящий любовь, печаль, счастье и, конечно же, сознание. Вспомним ставшую крылатой фразу М.К. Мамардашвили: "Сознание - есть возможность еще большего сознания."

Смысловая природа психического: основоположения и обоснования
 полноценных в интеллектуальном отношении. Недаром Хайдеггер считал, что "скандалом для философии" является не столько неспособность человеческого разума справиться с проблемой доказательства существования вещей, сколько непрекращающиеся попытки такого доказательства.

И все - таки, как на самом деле человек определяет, что воспринимаемый им объект - это действительно дерево, а не что-то иное, например, телеграфный столб, и что этот объект относится к внешнему миру, ведь знание о внешнем мире относительно психики принадлежит субъекту познания, именно он заключает о существовании и достоверности явлений и процессов, происходящих в мире. И почему, воспринимая дерево, человек может осознавать воспринятое как нечто совсем иное¹. В силу того, что человек не может сопоставить свою картину мира (образ мира) с действительным миром (последний ведь дан психике только как [его отражение]), у него остается лишь одна возможность доказательства объективного существования мира, а, следовательно, и доказательства своего объективного существования, так как он является составной частью этого мира. Эта возможность заключается в соотношении моделей мира, построенных во - первых, в различные периоды времени и, [во - вторых, в различных познавательных контурах в один И тот же интервал времени. Это предполагает, что модели мира, построенные различными способами, в различные периоды онтогенетического развития, должны не просто существовать, а и с необходимостью допускать возможность сравнения между собой. В свою очередь, любое сравнение предполагает некие основания, и для того, чтобы понять, как человек посредством своей собственной психики моделирует мир, важно понять природу оснований, дел

¹По этому поводу красноречиво высказался Роже де ля Тай: "Сколько и дерево принималось за продолжение дороги, а тень от скалы - за поворот ? Страховые компании располагают статистикой, доказывающей, что от зрительного образа до реальности - целая пропасть..."

лающих не только реальными, и жизнью существующими, а психическими, при которых мультипликативная модель мира является не фантомом, а субъективным отражением объективного субъективному отражением объективации субъекта познания есть результаты объективации собственной модели мира. Ч то позволяет человеку оценивать соответствие мира и своей модели как достаточно точное, адекватное? Да и с Р ажается ли человек тому, бы его отражение мира было адекватным, ведь критерий адекватности всегда является произвольным, гибким, ибо может быть задан только психикой, следовательно, выбор модели является сугубо субъективным. Я постараюсь, в силу отсутствия других возможностей и базируясь на представлениях, которые в моем сознании носят очевидный характер, попытаться наметить вероятные пути, ведущие к ответу на поставленные выше вопросы, исходя из некоторого набора посылок, которые могут служить основой для анализа.

Пояснение. Любая психика не может строиться из каких-либо элементов, не имея своего субстрата. Известно из истории психологии, попытки определить психические структуры или функции этих структур исходного материала, который должен являться содержанием психического опыта, оказались безуспешными. Реально работающая научная теория не может быть построена без анализа материала психики. Аксиомой № 1 является представление о смысле как исходном психическом материале. Следует сразу же подчеркнуть, что в данной посылке фиксируется представление о смысле как не только феномене сознания, но и как о содержании бессознательной психики. Таким образом ответ на вопрос: "написана" психика: я получаю ответ на самый вопрос, в силу того что само положение о смысле в составе психического

Смысловая природа психического: основоположения и обоснования служит основанием для последующих логических выводов. Хотя аксиома не требует доказательства, думается, было бы небесполезным найти свидетельства в пользу сделанного выбора. Сама процедура подтверждения того, что для субъекта познания является очевидным (аксиомам свойственна неоспоримая истинность), весьма искусственна. При желании всегда можно найти подкрепление своей позиции в том огромном массиве экспериментального и теоретического материала, который накоплен психологией. Но, тем не менее, ссылка на авторитеты и достоверные экспериментальные данные позволяет быть более убедительным и, поэтому, более понятным.

С тем, что многие формы психической активности человека наполнены смыслом, согласится, наверное, большинство психологов. Я уже приводил мнение Л.С. Выготского¹, который показал, что внутренний мир человека есть не что иное, как смысловая система, находящаяся в динамическом равновесии. Поэтому "Моцарт психологии" считал, что в основе исторической теории высших психических функций "лежит учение о системном и смысловом строении сознания человека"². О том, что любое внешнее, в том числе и речевое, воздействие, имеющее значение, представлено в сознании субъекта познания как смысл этого воздействия, писал А.Н. Леонтьев, понимая процессы "означивания смыслов" и "осмысления значений" как перевод содержания сознания из интрапсихической в интерпсихическую форму и наоборот. Традиционно эффекты смыслопорождения связывают с работой сознания, главным образом, с мыслительной деятельностью. На мой взгляд, такое понимание редуцирует понятие "смысл" к явлениям очень частного характера. Я убежден (хотя, убеждение само по себе, конечно же, не является аргументом),

¹Выготский Л.С. Мышление и речь. М., 1996. С. 20.

²Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. М., 1960. С. 386.

" *Смысловая природа психического: основоположения и обоснования* что любая форма психической активности, любые, в том числе и моторные компоненты действия, берут начало из источника смысла, а это утверждение уже далеко не тривиально и заставляет искать эмпирические свидетельства в свою пользу. Выраженная позиция означает, **что** нужно психические процессы "увидеть" через призму категории "смысл", то есть показать, что продукты психической активности человека, становясь содержанием психического опыта (фактически, содержанием памяти), преобразованы в смысловой материал, что, в свою очередь, позволяет в будущем при реализации психической деятельности учитывать накопленный опыт. **В психическом настоящем времени (в "здесь и сейчас") возникающие ощущения, образы, мысли переживания не могут быть зафиксированы в опыте, то есть сохраниться в памяти, в таком же виде, как они даны субъекту в момент их актуального существования в психике.** "Хранящиеся в тайниках памяти знания, не участвующие в процессах настоящего, - не есть актуально сознательное", - указывает А.Г. Спиркин. Перцептивный образ всегда связан с наличной стимульной ситуацией, которая никогда не повторяется, поэтому не может быть двух тождественных друг другу перцептивных образов. Это абсолютно справедливо и для вторичных образов представления. Одна и та же мысль, возникающая в сознании, не может повториться дважды, об этом еще говорил Джемс, отмечая, что сознание - это непрерывный поток ("река, в которую нельзя войти дважды", если воспользоваться изречением Гераклита Эфесского); и по определению, мысль - это всегда новая мысль. Тогда, каким же образом мы помним о том, что являлось содержанием и результатом нашего мышления в прошлом, ведь сама мысль, как показали исследования Вертгеймера и Дункер, есть инсайт, эврика, ага - переживание, то есть явление симультанное? Каким же образом одномоментные явления сохраняются в психике в

Смысловая природа психического: основоположения и обоснования течение долгого времени, иногда в течение всей жизни, если сами образы и мысли в своей актуальной явленности в сознании не могут быть консервированы с сохранением той специфичной определенности, которая характеризуют их как единственно возможных в пространстве и времени. В равной степени это относится и к эмоциональным проявлениям. Переживание, испытываемое субъектом в текущий момент времени, не может быть продублировано в памяти как то же самое переживание. Но несмотря на это, человек очень часто переживает *знакомые* ему из опыта эмоции и чувства. Таким образом, если считать, что все психическое содержание, накопленное субъектом, до актуального момента времени хранится в памяти (а трудно представить себе какую-либо иную альтернативу), следует это содержание рассматривать как смысловой материал, из которого строится вся структурно - функциональная конструкция **психики**.

Более подробно об этом см. Часть 2, Глава 3 настоящей работы.

Следствие 1. Смысл имеет множество своих областей.

Пояснение. В предлагаемой модели "смысл" следует понимать не как точечное, атомарное, а как полевое образование. Смысл не дискретен, а, скорее, представляет континуум своих состояний. Область смысла - это такое смысловое поле, которое при своем проявлении не может **члени**ться, так как связи между смыслами области соответствующего смысла конституируют саму область смысла. Таким образом, смысл вне связи с другими смыслами психической сферы не существует, поэтому смысл имеет как минимум единичное множество областей. Однако, установить границы этой области в ходе какой-либо процедуры не представляется возможным.

Для желающих получить эмпирические свидетельства существования области смысла, приведу данные весьма интересного экспериментального исследования, которое

было проведено В.Ф.Петренко и В.Д.И. [?], которые находились в состоянии глубокого гипноза, давалась инструкция, запрещающая видеть сигареты.

окурки! Иначе говоря, при [?] ление значения слова "сигареты" приводило к актуализации [?] семантической [?] родственных слов, соответствующих [?] Невозможно строго определить границы области смыслов. В. так как, и [?] индивидуальной истории испытуемого, сигареты [?] бы иметь ассоциативную связь с любым предметом. Например, с «а- [?] резинкой конфетами, если испытуемый имел ранее намерения с помощью избавиться от курения (в случае, конечно, если он курит). [?] количеством смысл, находящийся в [?] ике, связан [?] других смыслов², и, по [?] й видимости, в течение онтогенеза постоянно происходит расширение сферы областей [?] отдельно взятого смысла.

Следствие 2. Смыслы, образующие области [?] областей

ла в самой этой области не содержится.

Пояснение. Область смысла конституирована такими смыслами, которые каждый в отдельности не могут высту-

²Во 2-ой главе части 3 описан эксперимент, автором настоящей работы. Результаты которого свидетельствуют не только о зависимости смыслов [?] сл если последний находится в актуализированном состоянии и позволяют судить о семантическом расстоянии [?] смыслом и отдельном смысле, входящий в его область.

Смысловая природа психического: основоположения и обоснования пать смыслом всей области смысла как целого. Область смысла, как относительно целое¹, имеет смысл вне пределов этой области смыслов. (Вспомним слова Л. Витгенштейна: "Смысл мира должен находиться вне мира..."). Смысл любого целостного объекта не является содержанием самого объекта.

Аксиома 2. Все, что представлено в сознании в актуальный момент времени - есть совокупность смыслов, организованных в текст.

Пояснение. Поскольку вероятность проявления дискретного смысла равна нулю, в сознании в актуальный момент времени представлена как минимум одна область смысла. Как уже указывалось, сама область - есть совокупность взаимосвязанных между собой смыслов. Для обозначения смыслов, представленных в актуальный момент времени в сознании, предлагается использовать понятие "текст сознания". *Текст - это структурированное смысловое содержание.* В данном случае, совокупность смыслов, организованных в текст, можно считать синонимом сознания, если последнее рассматривать в содержательном аспекте (онтологический план сознания). Текст не является застывшей константной структурой. Как будет показано ниже, существование текста в сознании возможно только в процессе его изменения. Понятно, что изменение текста - это изменение характера связей между организующими его смыслами. Таким образом, область смысла представляет собой, помимо сказанного, открытое множество, поскольку динамика изменений, происходящих в психической сфере, [есть не что иное, как переструктурирование смыслового

Относительность целостности области смысла обусловлена смысловой динамикой, происходящей в каждый момент психического времени, в силу чего происходит реорганизация смыслового пространства. Однако, это не означает, что психика - калейдоскоп ощущений, образов, эмоций, мыслей. Области смысла всего множества областей смысла имеют различную степень устойчивости.

Смысловая природа психического: основоположения и обоснования пространства, что требует образования новых областей смысла, а, значит, и изменения в составе прежних областей.

Аксиома 3. Логика работы сознания продиктована необходимостью понимания (интерпретации текста).

Следствие 1. Смысл текста сознания в самом тексте не содержится.

Пояснение. Смысл может быть обнаружен только в ходе процедуры понимания. Сознание в своем функциональном качестве и есть механизм понимания (гносеологический план сознания). Как было отмечено, в сознании не существует локальных обособленных смыслов. То есть, другими словами, понимание связано не с пониманием отдельных смысловых образований, а с раскрытием смысла всего текста как нерасчленимой смысловой констелляции (сумма понимания частей не дает понимания целого). Текст сознания образован из смыслов, в число которых не может входить смысл самого текста (Аксиома 1, Следствие 3). Он формируется в ходе работы сознания, которая задана требованием понимания.

Следствие 2. Смысл психики в психике не содержится. (Это очевидно, исходя из Аксиомы 1, Следствия 3 и Аксиомы 3, Следствия 1.)

Следствие 3. Смысла психики не существует.

Пояснение. Поскольку смысл является психическим образованием (см. Аксиому 1), то вне психики ничто не может быть смыслом, обладать смыслом, порождать смысл. Смысл - есть психический продукт. Обращение сознания на содержание психической сферы в каждый момент психического времени допускает возможность раскрытия лишь ограниченной части всей совокупности смыслов психики с ограниченной частью своих областей, но никогда все смысловое психическое целое. Конструируя смысл актом понимания, механизм, порождающий смысл, становится внешним относительно той реальности, которой при-

Смысловая природа психического: основоположения и обоснования свайвается смысл. Но сам этот механизм также является неотъемлемой частью всего психического целого. В каждый момент времени психика и целостна, и нецелостна в том смысле, что продукты психической активности представляют собой гештальт - образования, но сами эти гештальт - образования не есть вся психика в целом. То есть, чтобы нечто в психике было осмысленным, необходима та инстанция, которая производит это осмысление. И, как было уже выше сказано, в акте понимания раскрывается смысл только целого, хотя это целое может входить частью в целостности более высшего порядка. В этой связи весьма интересен также вопрос о предметности психики. О том, что образ предметен, мыслительное содержание предметно, предметно "живое действие", сказано много. Но предметна ли вся психика в целом? Или же она беспредметна? Предметность, равно как и целостность, есть такие свойства психического, которые относятся только к актуальному режиму работы психики. Но в том-то и состоит загадочный парадокс, который заключается в удивительной способности человеческой психики существовать "здесь и сейчас", простираясь в прошлое и будущее, находясь при этом в [представляемых и мыслимых пространствах. Психический мир человека, являя себя всегда как актуальное существование субъективности, в точке совершающегося настоящего соединяет жизненные ретро- и пере-спективы человека. Психика, как целое, беспредметна и не имеет смысла, хотя из смыслов состоит.

Совокупное ограничение Аксиомы 1, Аксиомы 1 Следствия 3, Аксиомы 3 Следствия 1 **делает** вывод о несуществовании смысла психики логически неизбежным. Данный вывод носит констатирующий характер. Я пока не вижу, в чем могли бы состоять конструктивные следствия такого вывода.

Следствие 4. Понимание текста сознания невозможно без актуализации контекстных связей в психической сфере.

" *мысловая* природа психического: основоположения и обоснования

Следствие 5. Бессознательное - есть совокупность всех **возможных** смыслов, не представленных актуально в сознании.

Следствие 6. В каждый момент времени в бессознательном актуализированы определенные области смыслов.

Следствие 7. Актуализированные **области** смыслов бессознательного - есть контекст.

Комментарий. Любой текст, в том числе и совокупность актуализированных в сознании смысловых связей, может быть понят (исходя из Аксиомы 3, понимание неизбежно) только при наличии контекстных фоновых допущений. Понимание возникает благодаря активации отношений **между** осознаваемым и тем бессознательным смысловым содержанием, которое допускает возможность **понимания**.

Понять что-либо можно только в том случае, если **помнишь** о значительно много большем, чем то, что составляет содержание текущего сознательного опыта. Осмысленность сознательных актов предполагает а priori существующие семантические связи в структуре психики. **Бессознательное всегда выступает актуальным оформлением сознательного содержания психики в наличный момент времени.** Таким образом, отношение между сознанием и актуализированными областями смыслов бессознательного правомерно рассматривать как фигуру - фоновые. (Думается **что** понятие "фигура - фоновые отношения", заимствованное из гештальтпсихологии, в достаточной мере точно описывает характер связи между сознанием и бессознательным. Хотя в данном случае это скорее метафора, чем **термин**, используемый для констатации эмпирических проявлений.) "Фигура" сознания воспринимается (понимается) только "на фоне" бессознательного. При этом бессознательное ("фон") является неоднородным по своему составу, **и в** каждый момент времени возможна смена фигуру - фоновых отношений. Тогда элементы бессознательного становятся содержанием текущего познавательного процесса,

Смысловая природа психического: основоположения и обоснования а бывшие элементы "фигуры" становятся элементами "фона". Вследствие этого можно утверждать, что познавательные процессы (в том числе, конечно же, и мышление) всегда опираются на бессознательную основу. Осмысление значения внешней стимуляции, в том числе и вербальной, равно как и смысловоплощение в формах внешней активности, предполагает актуализацию широкого смыслового контекста в сфере бессознательного. Сказанное поясню на очень простом, но, думаю, достаточно демонстративном примере. Представим себе самую, что ни на есть, обыденную ситуацию, которая ежедневно имеет место во время общения покупателя с продавцом. Допустим, Вы решили купить урюк. Вы идете на рынок и находите продавца, торгующего урюком. Подойдя к прилавку, Вы задаете ему один - единственный вопрос: "Сколько?" "Сколько?" - **это** то сообщение, которое Вами послано. Очевидно (это легко проверить, зайдя на рынок), что продавец *понимает*, о чем Вы его спрашиваете. И, казалось бы, такое понимание, не требующее мыслительных усилий, наступающее непосредственно, не является чем-то таким, что достойно особого внимания, тем более, специального анализа. Однако, если попытаться понять возможность такого понимания, то нельзя не признать, что продавец, понимая обращенный к нему вопрос, совершает колоссальную когнитивную работу. Осмысляя значение заданного вопроса в **актуальный** момент времени, в сознании адресата присутствует смысл того, о чем его спрашивают¹, Значение, заключенное в вопросе, осмысляется, исходя из предшествующего опыта понимания. То есть, в данной ситуации, адекватное понимание предполагает предварительный опыт пред - понимания.

"Для того, чтобы понимание произошло, - отмечает **В.П. Зинченко**, - текст, высказанный или прочитанный на каком - либо языке, должен быть воспринят, а его значение - осмыслены, то есть переведены на собственный язык смыслов." (Зинченко В.П. Психологическая педагогика. Часть I. Живое знание. Самара, 1998. С. 67.)

Смысловая природа психического: основоположения и обоснования

В противном случае релевантное понимание не произошло бы. Осознавая то, о чем спросил покупатель, продавец, одновременно с этим, помнит (здесь можно было бы сказать - "знает", в данном случае это одно и то же), что:

- 1) вопрос обращен к нему, а не к соседу по торговому ряду;
- 2) что покупатель интересуется стоимостью урюка, а не количеством прожитых лет продавца;
- 3) покупатель имеет в виду стоимость одного килограмма урюка, а не центнера;
- 4) покупателя интересует стоимость урюка, выраженная в рублях, а не в голландских гульденах;
- 5) нужно ответить на заданный вопрос, а не, например, сплясать;
- 6) покупатель ждет ответа на вопрос;
- 7) покупатель ждет ответа на вопрос на понятном ему русском языке, а не, например, на французском; и так далее, и так далее...

Все это знание не представлено актуально в сознании, а является тем необходимым фоном, на котором становится понятной фигура смысла, существующая актуально в сознании. Иначе говоря, вся **смысловая** информация, ранее осознанная, хранится в бессознательной психике, и в каждый момент времени смысл текста сознания так или иначе понятен для самого же сознания, исходя из характера того бессознательного смыслового материала, который соответствует актуальному смыслу сознания. Если сознание "говорит", то о бессознательном нельзя сказать, что оно "молчит". Бессознательное - это, скорее, "говорящее молчание"¹. Если доопределить этот странный образ, то было бы точнее сказать, что сознание, заявляя о себе и совершая очередной ход в игре с вселенским мраком бессмысленности, следует правилам, которые определило для себя до момента совершения хода. Эти правила и есть бессознательное, которое всегда напоминает о себе, ограничивая когнитивную свободу сознания. Таким образом, молчаливый бессознательный контекст становится для сознания звучащим разрешением или, наоборот, запрещением понимать так, а не иначе. Бессознательное, в некотором

Смысловая природа психического: основоположения и обоснования

Как уже говорилось, чтобы осознать что-то, требуется помнить о много большем, чем это необходимо для актуального запроса сознания. Но помнить - это не что иное, как сохранять смыслы в тех отношениях, через которые они могут быть репрезентированы в сознании. Мы еще очень мало знаем о том, как в сознании представлен бессознательный контекст. Тем не менее, анализ деятельности сознания и эмпирические данные показывают, что содержание бессознательной психики не является нейтральным по отношению к явлениям сознания. Достаточно хотя бы привести пример описанного В.М. **Аллахвердовым** феномена "неосознанного негативного выбора"¹.

Общеизвестно, что для того, чтобы возник смысл, необходим стимул, знак или, в широком смысле слова, как уже было сказано выше, нечто **означающее**. В семиотике, лингвистике, при всем разнообразии определений понятий "значение" и "смысл", принято считать, что означающее и означаемое, то есть знак и его семантика, составляют неразрывное целое. Ф. де Сасюр означающее и означающее сравнивал с двумя страницами одного листа: разрезав одну страницу, нельзя не разрезать другую, так как это части неразрывного целого. Переформулируя проблему знаковости, которая, главным образом, является предметом изучения семиотики, на языке психологии смысла я осмеливаюсь сказать, что смыслы психической сферы, не **актуализиро-**

смысле, есть разрешающая способность самого сознания. Хотя, Ж. Лакан исследовал совсем иное бессознательное (наверное, свое), чем то, которое имею в виду я, но трудно отказать от соблазна привести **это** мнение для подтверждения собственной позиции. Опять же, повторюсь, его бессознательное говорит совершенно о другом: "Фрейд показывает нам, что в человеческом субъекте существует нечто говорящее, говорящее в полном смысле слова, то есть, глушее - глушее со знанием дела и вне участия сознания." (Лакан. Ж. Семинары. Книга I: Работы Фрейда по технике психоанализа. М., 1998. С. 257.)

Аллахвердов В.М. Опыт теоретической психологии. СПб., 1993. С. 26-

Смысловая природа психического: основоположения и обоснования ванье в тексте сознания в актуальный момент его работы, существуют независимо от ранее их означающих носителей. Что имеется в виду? Субъект обнаруживает смыслы в тексте сознания только благодаря тому, что становятся различимы носители этих смыслов: ощущения, образы и т.д. То есть, само содержание сознания в своем смысловом слое открыто носителю сознания благодаря тому, что нечто указывает на это смысловое содержание. Другими словами, ощущения, образы, мысли, отражаемые в сознании, сигнифицируют о соответствующих им **смыслах**. Но для того, чтобы этот смысл был актуально **обнаружен** в сознании, и было установлено его соответствие означающим психическим образованиям, он должен существовать до момента своей актуализации в сознании, то есть, храниться в бессознательной сфере психики. Парадокс существования означаемого без означающего можно проиллюстрировать хорошо известными примерами из психологии памяти. Например, что из себя представляет феномен "на кончике языка"? Человек пытается произвольно вспомнить (то есть осознать) забытое имя хорошо знакомого ему лица. Он помнит о том, кем этот человек является, где, например, он работает, как он выглядит и т.д. Он также легко может его представить на своем "внутреннем экране", но, тем не менее, вспомнить его имя не может. Если предложить этому человеку список, составленный из собственных имен, он без труда способен установить, является ли каждое собственное имя в отдельности искомым, и легко узнает нужное слово в предъявленном наборе. Сами словесные знаки, представленные в актуальный момент времени в психике как акустические или визуальные образы, в памяти не хранятся. В памяти может сохраняться только смысл, соответствующий значению слов, но для того, чтобы что-то осознать, в том числе вспомнить забытое имя, необходимо установить соответствие в тексте сознания между планами означаемого и означающего, **то** есть найти связь между

Смысловая природа психического: основоположения и обоснования тем, что "видит" субъект в своем сознании и тем, что составляет смысловое содержание этого видения. Именно в тексте сознания означаемое и означающее неразрывно связаны. Смыслы бессознательной психики в каждый актуальный момент работы сознания не только жестко не связаны с формой своего выражения, но и вообще не имеют с ней никакой связи. Эта связь образуется только вследствие осознания, а эффекты последнего имеют место тогда, когда происходит понимание текста сознания через актуализацию связи ощущений, образов, переживаний, мыслей (взятых в данном случае как психические формы) и соответствующих им смысловых областей.

Психическое отражение действительного мира может быть реализовано на различных уровнях, или, иначе говоря, в различных познавательных контурах. Внутри сенсорно - перцептивного контура отражения традиционно выделяют разные модальности, которые соответствуют формам чувственного отражения. Как я уже выше отмечал, любые психические формы не могут мыслиться в отрыве от наполняющего их содержания. В качестве такого содержания было предложено считать смысловую материю. Исходя из этого положения любые продукты сенсорно - перцептивного отражения в любых своих формах - есть смысловые образования. В связи с этим возникает вопрос: существуют ли модельные семантики или **смысловое** содержание **психики** амодально? В экспериментальных исследованиях Е.Ю. Артемьевой было доказано существование единого модально - инвариантного механизма семантического оценивания, что, по утверждению самой Артемьевой, дает основания уверенно говорить о "**единой полемодальной семантике**".¹ Вероятно, это можно было бы понимать следующим образом: одно и то же смысловое образование может быть представлено в различных модальностях, что,

¹ Артемьева Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики. М., 1999. С. 102.

Смысловая природа психического: основоположения и обоснования в свою очередь, и позволяет говорить об амодальной природе смысла. Однако, Артемьева интерпретирует результаты экспериментальных исследований, которые как раз и доказывают независимость существования смысла от модальных форм совершенно иначе. Чтобы понять логику рассуждений автора, опишу сначала один из экспериментов. Испытуемые оценивали по шкалам семантического 25-шкального дифференциала цветочный запах. Этот запах сопоставлялся с одним из 8 контурных беспредметных изображений. Если испытуемый при оценивании по какой-то из шкал выбирал левый край шкалы (например, по шкале "злой - добрый" он оценивал изображение как "злое"), тогда значение оценки равнялось одному баллу; соответственно, если выбирался правый край шкалы - ноль баллов. Таким образом, система оценок могла быть записана в виде 25-мерного вектора с координатами 0 и 1. Так вот, оказалось, что объект "цветочный запах" и изображение, с которым этот объект соотносился самым испытуемым, атрибутируется по шкалам дифференциала практически одинаково, хотя, понятно, что запах и изображение - объекты принципиально различной природы.¹ "Взаимопроецируемость семантик", по мнению Артемьевой, может являться доказательством существования частных семантик. К таким частным семантикам могут быть отнесены семантика цвето - форм, вкусов, поверхностей, запахов, интервалов времени и т.д. Говоря о том, что эти **частные** семантики могут быть взаимопроецируемы, Артемьева фактически утверждает, что смысловое содержание одной модальности может быть представлено в другой модальности. А это, собственно, и доказывает независимость смыслового содержания от модальной формы. На мой взгляд, сами смыслы, как содержание психики, не могут быть модальны или интермодальны. Смысл может иметь чувственную форму, но он не есть эта чувственная форма. Другое дело, что в

¹ Артемьева Е.Ю. Указанное сочинение. С. 100.

Смысловая природа психического: основоположения и обоснования текущем настоящем смысловое содержание необходимым образом оформлено и только в таком виде представлено в психике.

Продукты психической активности, как интегральные результирующие психических процессов, даны в сознании только через их отражение самим же сознанием. Поэтому в онтологическом плане сознание - это текст, который есть единство взаимосвязанных смыслов, а в гносеологическом аспекте сознание - это механизм понимания, понимания собственного текста сознания. В Аксиоме 3 фиксируется идея, что понимание неизбежно, то есть понимание выступает ведущей функцией психической организации, и инструментом такого понимания служит сознание, в любых формах своей деятельности. Все, о чем говорится на страницах данной работы, следует рассматривать, исходя из одного главного принципа: **человек, обладающий сознанием, не может не понимать.** В связи с этим, я говорю об ощущении, восприятии, представлении, мышлении и даже эмоциях как о процессах сознательного производства¹. И поскольку существует сознание, неминуемо и понимание. Справедливо и обратное: где есть эффект понимания (например, во время сна со сновидениями), там можно констатировать присутствие сознания. Понимание имманентно сознанию. Следовательно, говоря о сознании нельзя оставаться за рамками обсуждения проблему понимания. Не случайно М. Хайдеггер понимание расценивал как непреходящий модус бытия человека. В словах одного из крупнейших философов современности дана хотя и очень общая, но между тем исключительно точная характеристика сущности

Ощущение для человека, который обладает сознанием, является сознательным, и, по всей видимости, с ощущения, так как оно сознанием обнаруживается, начинается континуум феноменологически обнаруживаемых в психике явлений. Напомню, что Б.Г. Ананьев определял Ощущение как "самый элементарный факт сознания." (Ананьев Б.Г. Теория ощущений. Л., 1961. С. 122.)

Смысловая природа психического: основоположения и обоснования понимания: "...состояние сознания - это одна из экзистенциальных структур, в которых Бытие "здесь" обнаруживает себя. Роль понимания в формировании Бытия столь же извечна (как и само Бытие). Состояние сознания всегда несет в себе понимание, если даже оно содержит его в скрытом виде. ... Если интерпретировать понимание как фундаментальный экзистенциал, то этот феномен будет представляться основной формой Dasein Бытия. С другой стороны, "понимание" как один из возможных способов познания (в отличие, например, от "объяснения") должно быть интерпретировано, как и объяснение, как экзистенциальный дериват того первичного понимания, который является одной из составляющих Бытия "здесь" вообще."¹

Человек, обладающий сознанием, и находящийся в состоянии сознания, может не осознавать только то, что не составляет актуального содержания сознания, но такое бессознательное содержание может быть вполне доступно сознанию в другие моменты времени (в прошлом или в будущем относительно "здесь и сейчас")². **Психику правомерно рассматривать только в регистре актуального времени.**³ "То,

¹М. Heidegger. Being and Time. Great Britain. 1983. P. 143.

²Крупнейший физик Н. Бор полагал, что проблема бессознательного не должна сводиться к проблеме измерения и описания того, что находится под порогом сознания. Это прежде всего проблема создания условий для нового сознательного опыта. См.: Пятигорский А.М. Три беседы о метатеории сознания (совместно с М.К. Мамардашвили) / Избранные труды. М., 1996. С. 64.

³Хочу напомнить, что такой известный психолог XX-го столетия, как Курт Левин, автор теории поля, полагал, что "прояснение теоретического принципа одновременности могло быть весьма полезным для достижения взаимопонимания различных школ в психологии." (Левин К. Определение понятия "поля в данный момент". Боринг Э.Г. История интроспекции. / История психологии: Тексты. Под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. Екатеринбург, 1999. С. 245.) Говоря о том, что любой акт поведения зависит только от "психологического поля в данный момент времени" (С. 245), К. Левин фактически призывает производить любой теоретический анализ, исходя из принципа актуально-

Смысловая природа психического: основоположения и обоснования что в какой-то момент времени выступает в форме ясно осознаваемого психического феномена, - отмечал Ф.В. Бассин, - может затем, утратив качество осознания, проявиться в форме неосознаваемого процесса, ... , чтобы затем вновь выступить в своем первом психологическом обличье и т.д."¹ По сути, Бассин отрицает неизменность какого бы то ни было содержания в психике, в том смысле, что в психической сфере не может быть чего-либо раз и навсегда осознаваемого или, наоборот, неосознаваемого, а значит, нет никаких оснований противопоставлять друг другу сознание и бессознательное. Именно такой подход, по мнению Бассина "уничтожает наиболее ядовитую идеологическую сердцевину фрейдизма", а именно, антагонизм между сознанием и бессознательным². Не знаю как там на счет "ядовитой сердцевины", однако нельзя не согласиться с тем, что в каждый момент текущего настоящего способность к осознанию имеет свое ограничение и для человека совершенно невозможно актуально осознавать все содержимое памяти. В самом буквальном, обыденном смысле слова человек знает то, что может быть доступно его сознанию. Это нисколько не противоречит утверждению, что наряду с этим, он хранит в памяти гораздо большее количество информации. Как указывал Юнг, нам недоступно прямое исследование бессознательной психики, потому что "бессознательно есть лишь бессознательное, и мы, следовательно, не имеем никакой связи с ним." На этом основании Юнг считал, что "психология - это наука о сознании, в самую первую очередь."³ И только во вторую очередь психология должна быть ориентирована на исследование про-

сти.

¹Бассин Ф.В. Сознание и "бессознательное". / Философские вопросы [физиологии высшей нервной деятельности и психологии. М., 1963. С. ;473.

²Бассин Ф.В. Указанное сочинение. С. 473.

³Jung C.G. Analytical Psychology: it's Theory and Practice. London, 1976. . 6.

Смысловая природа психического: основоположения и обоснования

дуктов бессознательного¹. То, что явлено в сознании и как это явлено, собственно, и составляет опыт психической жизни, известный носителю сознания. И трудно не согласиться с В.М. Аллахвердовым, который, допуская существование в психике "значений" различного рода², категорично заметил, что у нас есть только "субъективные значения", "явленные нашему сознанию" и любое представление о значениях может быть сформулировано "в форме, удобной для их понимания сознанием"³. *Говоря о бессознательном, мы выражаем свои предположения на языке сознания. Для того, чтобы знать что-либо о бессознательном, необходимо иметь сознательные основания.* И говоря, что мы помним несравненно больше, чем это доступно в данный момент времени сознанию, мы также устанавливаем некий закон нашей психической жизни, закон, сформулированный сознанием. Благодаря сознанию информация кристаллизуется в знание.

А.М. Пятигорский в диалоге с М.К. Мамардашвили отметил то обстоятельство, что "...везде, где есть сознание, там есть память, но мы не можем сказать, что везде, где есть память, там есть сознание."⁴ Человек, имеющий созна-

¹Справедливости ради следует отметить, что Юнг утверждал и прямо противоположное. Но, несомненно, Юнгу позволительно быть непоследовательным. Зато нельзя упрекнуть Б. Рассела в неопределенности позиции: признавая важность наблюдения за внешним поведением человека, он дефинировал психологию как "науку о таких явлениях, которые по самой их природе могут наблюдаться только самим испытывающим их лицом." (Рассел Б. Человеческое познание: его сфера и границы. Киев, 1997. С. 56.)

²В психике содержатся только значения и ничего больше, результат любой психической операции над значением также является значением" (Аллахвердов В.М. Опыт теоретической психологии. СПб., 1993. С. 175.)

³Аллахвердов В.М. Опыт теоретической психологии. СПб., 1993. С. 176.

⁴Пятигорский А.М. Три беседы о метатеории сознания (совместно с М.К. Мамардашвили). / Избранные труды. М., 1996. С. 76.

Смысловая природа психического: основоположения и обоснования ние, наверное, всегда помнит свое собственное имя, помнит, что он - человек, помнит, чем человек отличается от животного, а, следовательно, помнит, кто такие животные, какие они бывают и т.д. Однако, все перечисленное далеко не часто является содержанием текущего сознательного процесса. (В настоящий момент времени читающий данное предложение не осознает, хотя и прекрасно помнит о том, . . . в какой стране он живет. . . Вот теперь осознание наступило). Другими словами, функция времени в отношении к психике человека заключается в непрерывной смене содержания сознания, содержания, которое только актуально относится к сознанию. В другие периоды времени это содержание бессознательной психики, хотя, естественно, сказанное не означает, что в будущем уже невозможен возврат к ранее осознаваемому. Такой возврат не просто возможен, но и абсолютно необходим для когнитивного, а значит, психического развития. Предмет осознания не может быть актуально представлен в сознании во всем многообразии своих связей, отношений, сторон, внутренних противоречий. "Вещь в себе " может быть всякий раз новой "вещью для нас ". Еще С.Л. Рубинштейн указывал: "не существует у человека, обладающего сознанием, совершенно внеположных сознанию психических переживаний: если они полностью вне сознания, то это физиологические, а не психические процессы. Но лишь как об идеальном пределе можно говорить о такой полной сознательности, в которой не было бы ничего неосознанного"¹. Это можно понять так, что Предмет осознания не может быть обнаружен самим же сознанием во всех своих связях, во всех возможных аспектах, одновременно в различных смысловых ракурсах. То есть, всегда остается какая-то часть, недоопределяемая сознанием. Но это не значит, что содержание этой части не может стать предметом осознания в будущем. Не расчлняя

¹Ит. по: Абульханова - Славская К.А., Брушлинский А.В. Философско-психологическая концепция С.Л. Рубинштейна. М., 1989. С. 160.

Смысловая природа психического основоположения и обоснования психику на две противостоящие друг другу сферы, как это делал Фрейд, Рубинштейн, фактически, бессознательное расценивал как необходимый компонент сознания. Бессознательное или неосознанное чувство - это, само собой разумеется, не чувство, не испытанное или не пережитое (что было бы противоречиво и бессмысленно), а чувство, в котором переживание не соотносено или неадекватно соотносено с объективным миром.¹ Но для того, чтобы что-то обнаружить в собственной психике, включая и эмоциональные переживания, субъект должен отразить это что-то в своем сознании. Другими словами, ему требуется понять содержание своего текущего психического опыта, ведь в противном случае сознанию ни что бы и не открывалось. Соотнесение с причинами, вызвавшими то или иное переживание, устанавливается самим субъектом, поэтому оцененное в определенный интервал времени, оно не может определяться как адекватное или неадекватное. **Понимание как психическое явление не может быть верным или неверным, как не может быть правильной или неправильной сама психика человека.** Так как психика существует только во временном режиме, поэтому и о понимании можно говорить лишь помещая его в регистр времени. Напомню что еще Кант, размышляя о местонахождении души, пришел к выводу о том, что "нельзя приписывать пространственные отношения тому, что определено только во времени".² Поэтому вопрос, где находится топос понимания, является не менее абсурдным, чем вопрос о том, какое пространство занимает печаль или наше удивление.

Константное понимание в определенных интервалах времени приводит к элиминированию из сознания того содержания, которое релевантно этому пониманию. Ограни-

¹Итм по: Абдулханова - Славская К.А., Брушлинский А.В. Указанное сочинение. С. 160.

²Цит. по: Уитроудж. Естественная философия времени. М., 1964. С. 149).

Смысловая природа психического: основоположения и обоснования чением для понимания становится, с одной стороны, временной фактор, так как текст сознания, понимаемый носителем сознания, с необходимостью должен изменяться или вследствие изменения внешних относительно психики условий (то есть изменения действительного мира, моделью которого психика, включая сознание, является), или в результате порождения новых смыслов благодаря новому опыту понимания. Так или иначе, изменение в тексте сознания в течение определенного времени является необходимым условием существования самого текста, включая, конечно же, и его актуализированное смысловое содержание. Если такого изменения не происходит, человек оказывается в бессознательном состоянии, ведь согласно Аксиомы 3, сознание необходимо для понимания; если понимание невозможно (гештальт понимания уже завершен), ненужным становится само сознание. Удивительно, но в психологии практически не разработаны подходы к проблеме понимания. То, что существует в литературе на эту тему, касается или понимания текстовых сообщений, или проблемы понимания в процессе межличностного общения. Но, наверное, игнорирование столь важной темы связано не с тем, что она не заслуживает внимания, а с тем, что понимание того, как мы понимаем, когда понимаем и что понимаем, понять еще труднее, чем понять необходимость постановки самой проблемы.

Таким образом, структурно - функциональное единство психики, которое имеет свой состав, описывается через триаду: "смысл - текст - понимание". Таким выбором определяется возможность все познавательные процессы, участвующие в репрезентации мира, рассматривать как формы понимания собственного текста сознания, состоящего из смыслов. Само существование человеческой психики тем самым ставится в прямую зависимость от необходимости построения модели мира, то есть, иначе, от познавательной деятельности субъекта, которая инициирована стремлени-

Смысловая природа психического: основоположения и обоснования ем к пониманию. Любые продукты познавательной активности (ощущения, перцептивные образы и образы представления, мысль, следы памяти) существуют только в результате соотнесения двух реальностей. Для **того**, чтобы отражение было возможным, должно существовать то, что отражается. В противном случае, сознание и психика в целом, были бы совсем не нужны, или, если точнее выразиться, существование психики лишалось бы своей функциональной цели. И здесь кроется одна из самых трудноразрешимых проблем психологии познания. Суть ее в следующем. В психологии по сей день окутана тайной способность психики отождествлять нетождественное: как человек опознает знакомые объекты, если среда, в которой эти объекты находятся, непрерывно изменяется, является динамической, равно как и психические состояния у человека в различные моменты времени отличны друг от друга? Что позволяет отождествлять абсолютно разные по своей природе психические явления, как например перцептивный образ и эталон памяти, образ представления и мысль? Психологи не знают ответа на этот вопрос. Так, например, **В.П.** Зинченко считая вслед за Л.М. Веккером¹, что свободный характер психической активности есть опознавательное свойство человеческой психики, задается вполне резонным вопросом: "Кто гармонизирует взаимодействие свободных систем?" (перцепция, память, мышление и т.д.) и как это происходит, если "каждая... оперирует собственным языком"². Уже на уровне восприятия образ по отношению к объекту характеризуется избыточным числом степеней свободы. И парадоксально то, что только в силу этой избыточности ^{воз-}можно адекватное отражение воспринимаемого объекта. **Избыточное** число степеней свободы образа по отноше-

¹Веккер Л.М. Психические процессы. В. 3-х томах. Т. 1. Л., 1974. С. 16 - 17.

²Наука о человеке (Интервью с В.П. Зинченко). // Вопросы философии 1989. № 11. С. 23.

Смысловая природа психического: основоположения и обоснования нию к оригиналу, - указывает Зинченко, - представляет собой необходимое условие однозначного восприятия действительности, верного отражения и ее пространственных и предметно - временных форм"¹. (О свободном характере психической активности см.: Зинченко **В.П.** Психологическая педагогика. Часть I. Живое знание. Самара, 1998. С. 42 - 60). Пространство языков, которые использует психика, Зинченко сравнивает со столпотворением при строительстве Вавилонской башни.

К числу таких языков он относит "языки движений, жестов, операциональных и предметных значений, знаков, символов, схем памяти, вербальные языки (язык), язык внутренней речи, глубинных семантических структур..."² В последней известной мне работе Зинченко выделяет 12 языков описания реальности, которые использует человек для **представления** мира и себя в нем³. Важно даже не то, какие именно языки существуют в психике для отображения мира, а то, что их множество, минимум столько, **сколько** существует познавательных процессов, хотя, если судить по содержанию обобщающих монографий и учебных пособий по психологии, количество познавательных процессов, которое выделяют разные авторы, варьируется в пределах от 4 до 11. Но, так или иначе, при наличии множества языков описания реальности, возникает проблема **соотнесения** **этих** языков, проблема перевода. "Как они "узнают" друг друга, как согласуются разные временные масштабы, в **которых** они функционируют?" - недоумевает Зинченко. И его [смятение, конечно, хорошо понятно.

Зинченко В.П. Психологическая педагогика. Часть I. Живое знание. Бмара, 1998. С. 45.
Наука о человеке (Интервью с В.П. Зинченко). // Вопросы философии. 089. № 11. С. 23.

Зинченко В.П. Психологическая педагогика. Часть I. Живое знание. Бмара, 1998. С. 65.

Смысловая природа психического: основоположения и обоснования

Еще один весьма нетривиальный вопрос: как мы узнаем что объект, который мы воспринимаем, это именно стол, а не что-то другое, ведь сам перцептивный образ, как это убедительно показал Л.М. Веккер, может быть атрибутирован на языке предметных свойств объекта, хотя сам этими свойствами не обладает, так как относится к феноменологии психического, а не физического? Традиционная классификация свойств перцептивного образа: целостность, константность, предметность и обобщенность также мало помогает в решении онтологической проблемы, поставленной в плоскости психологии восприятия. Образ является носителем своих свойств, но чем является сам носитель?

С тем, чтобы представление, восприятие, мышление, любые формы предметной деятельности были "разумны", они с необходимостью должны быть осмысленными. Только благодаря тому, что психическая активность носит осмысленный характер, субъекту познания открывается предметная картина связанных в целостности элементов, а не бессмысленный хаос различных предметов (зрительное восприятие), не какофония множества звуков (слуховое восприятие) и не бессвязанный ассоциативный поток (мышление). Сознательная регуляция жизнедеятельности предполагает знания о том, чем является среда, в которой осуществляется такая регуляция, а также о том, каков возможный результат осуществляемых действий. А такая регуляция может быть понята только как функция смысла.

Для того, чтобы психическое отражение было возможным, субъект уже до момента самого отражения должен иметь познавательные ресурсы, то есть владеть механизмом отражения. В свою очередь, как это уже ранее подчеркивалось, сама психическая структура не может мыслиться в отрыве как от своего функционального назначения, так и от того материала, из которого она строится. Смыслы как условие и одновременно результат психиче-

Смысловая природа психического: основоположения и обоснования

ского отражения, таким образом, должны быть сформированы до момента первого отражения. Но вследствие чего это происходит? Ведь психика - это модель окружающего мира, то есть модель, которая порождается только в процессе отражения. И что это за смыслы, возникающие как эффекты отражения до самого отражения? Если правомерна сама постановка проблемы, значит необходимо искать и вероятные пути ее решения. Мне представляется единственно логически обоснованным предположение, что *способность к первоначальному психическому отражению внешней стимуляции является врожденной*. То есть, психические смыслы не возникают из неоткуда. Даже если мы допустим возможность существования в психике недетерминированных явлений, их научное объяснение в любом случае строится таким образом, как *будто* бы эти явления имеют свою причинность, так как наука, главным образом, занимается выявлением каузальных связей. В силу этого недопустимо признание существования исходного психического содержания, возникновение которого ничем не детерминировано. Поэтому вторичность психических *смыслов* следует рассматривать не только в отношении к первичности психического отражения, а также относительно присущей человеку способности, или, иначе, способа, с помощью которого, по всей видимости, еще в период эмбриогенеза происходят первые смыслопорождающие акты *собственно* психического отражения. Эта способность является потенциальной до того момента, пока биологическое развитие ребенка не достигнет определенного уровня, точно так же, как овладение речью возможно не раньше того, как будут созданы для этого биологические предпосылки. Конечно же, возникает вопрос: "А чем детерминирована сама способность к смыслопорождению?" Если бы мы ответили на этот вопрос, нам бы потребовалось найти детерминанты этих детерминант и т.д. Это увело бы нас в дурную бесконечность. Поэтому не остается никакой логической альтер-

Смысловая природа психического: основоположения и обоснования нативы признанию врожденной некоторой способности осуществлять пусть еще в исключительно элементарной форме, но уже психическое моделирование среды. Я понимаю, что такое объяснение едва ли может показаться убедительным, однако, приняв любое другое, мы не сможем разрешить парадокс возможного отражения до отражения. Основой, своего рода базовым условием проявления смыслов психической сферы человека являются "биологические смыслы"¹. Это не следует понимать так, что психические смыслы - есть следствие биологического развития. "Биологические смыслы" - необходимое условие, но не причина возникновения смыслов психики, точно так же, как тело не является причиной возникновения сознания в онтогенезе. Но также как тело не прекращает свое существование с момента возникновения сознания, так и "биологические смыслы" не исчезают в процессе психического развития. Другими словами, биологическое следует всегда понимать как необходимое условие, при котором возможна психическая жизнь. Поэтому выведение смыслов психической сферы из биологической основы едва ли может принести позитивный результат. Тело, как биологический носитель сознания, живет по своим, нежели психика, законам.

Подобные затруднения при объяснении формирования первичного психического опыта не испытывают только те, кто видят психическое продолжением биологического и, тем самым, прибегают к редуccionистским трактовкам психических явлений. Принципиальное убеждение автора данной работы: **объяснение психических феноменов** следует искать исключительно **в рамках психологии**. В силу этого, как уже говорилось ранее (Часть 1, Глава 2), одним из важнейших требований, определяющих выбор единицы анали-

¹Смысл по определению является психическим продуктом. Понятие "биологический смысл" носит нарочито метафорический характер. Под биосмыслами понимается природосообразные цели, достижение которых призвано обеспечить выживание и развитие особи.

Смысловая природа психического: основоположения и обоснования за психики, является ее нередуцируемость к физиологическому или социальному плану. Человек не является заложником ни физиологии своего организма, ни социологии своего окружения. Признание этого положения требует искать детерминанты свободной активности психики внутри самой психики.

Неудивительно, что именно в рамках когнитивной психологии вопрос: "Что было раньше?" не мог быть снят с обсуждения, так как анализ познавательной деятельности требует выдвижения некоторых исходных предположений о том, с чего, собственно, эта познавательная деятельность начинается. Так, например, Дж. Брунер, испытывая необходимость объяснения генезиса способности к категоризации, считает, что "движение, причинность, намерение, тождество, эквивалентность, время и пространство - суть категории, которым, скорее всего, соответствует нечто первичное в психике новорожденного"¹. Такой вывод Брунер делает на основании того, что для того, чтобы установить даже элементарные причинные отношения, необходимо использовать категорию "тождество". Чтобы понимать, что в процессе взаимодействия два предмета остаются самими собой, не определяя характер этих первичных категорий, Брунер, тем не менее считает, что, поскольку образование вторичных категорий, то есть категорий, возникающих в опыте, прежде всего в процессе обучения, было бы невозможно объяснить, существование первичных базовых категорий следует считать доказанным. Аналогичную точку зрения высказывает и Ж. Пиаже, полагая, что способность к категоризации производна по отношению к еще более первичной способности, то есть способности, делающей [возможным первый опыт категоризации]². Априорные кате-

¹Брунер Дж. Психология познания. М., 1977. С. 17.

²Piaget J. Play, dreams and imitation in childhood. New York, 1951.

Смысловая природа психического: основоположения и обоснования гории - предмет изучения таких исследователей, как Лешли¹ и Тинберген². Более подробно проанализируем позицию Найссера, по мнению которого, центральным звеном перцептивного цикла является "схема". "Схема - это та часть полного перцептивного цикла (то есть познавательного цикла в полном смысле этого слова. - А.А.), которая является внутренней по отношению к воспринимаемому, она модифицируется опытом и тем или иным образом специфична в отношении того, что воспринимается. Схема принимает информацию, как только последняя оказывается на сенсорных поверхностях, и изменяется под влиянием этой информации; схема направляет движение и исследовательскую активность, благодаря которым открывается доступ к новой информации, вызывающей, в свою очередь, дальнейшие изменения схемы."³ Вполне естественно, что Найссер вынужден объяснять, как возникает схема, если она служит для приема информации, поступление которой и формирует, и изменяет ее. Трактую восприятие как "результат взаимодействия схемы и наличной информации", Найссер должен был сделать логически неизбежный вывод: исходная схема существует до момента первого приема информации. Собственно, так он и поступил. Во всяком случае, трудно иначе понять его слова: "...в жизни человека нет такого периода, когда он был бы полностью лишен схем. Новорожденный, открывая глаза, видит мир, бесконечно богатый информацией; он должен быть хотя бы частично готовым к тому, чтобы начать перцептивный цикл и подготовиться к последующей информации."⁴ Но, по всей видимости, Найссера не совсем устраивает собственное объяснение, или, выражаясь на его языке, устраивает "частично".

¹Lashley K.S. Experimental analysis of instinctive behavior. Psychological Review, 1938. 45,445-471.

²Tinbergen N. The study of instinct. Oxford, 1951.

³Найссер У. Познание и реальность. М., 1981. С.73.

⁴Найссер У. Указанное сочинение. С. 82, 83.

Смысловая природа психического: основоположения и обоснования Поэтому он ищет более твердые, более осязаемые основания для объяснения, и не без некоторого сожаления вынуждает себя признать, что "даже самые маленькие дети обладают некоторым врожденным перцептивным снаряжением - не только образами чувств (это еще куда ни шло), но и нейронными схемами (курсив А.А.) для управления ими"¹. Найссер, естественно, не может не понимать, что восприятие, которое он описывает как перцептивный цикл, - это психический процесс, и "схема", по характеристике самого Найссера, является "внутренней", иначе говоря, психической структурой. Поэтому никакие "нейронные схемы" не могут замещать в перцептивном цикле схему, являющуюся структурой психического. "Врожденное перцептивное снаряжение" если и есть, то оно имеет не физиологический, а психический субстрат. И, при всей очевидной сложности понимания происхождения такого врожденного психического оснащения, недопустимо видеть в физиологической основе источник возникновения человеческой психики в онтогенезе. И, надо думать, Найссер это хорошо понимал, но предельно сложная проблема происхождения психического в телесном побудила Найссера искать объяснение, апеллируя к понятным "нейронным схемам". Хотя, как мне кажется, он знал об изъяне своих рассуждений. Так, буквально через несколько строк, Найссер пишет: "По моему мнению, младенцам известно, как найти пути познакомиться с тем, что их окружает, а также то, как организовать полученную информацию таким образом, чтобы она помогла им получить ее еще больше. Даже если эти их знания очень ограничены, однако для начала этого вполне достаточно"². Сказанное как раз и означает, что младенцам еще до момента получения информации из внешнего мира известен способ получения такой информации. Другими словами, не имея опыта отражения, а значит, соответствующих ситуа-

¹Найссер У. Указанное сочинение. С. 83.

²Найссер У. Указанное сочинение. С. 83.

Смысловая природа психического: основоположения и обоснования

тивным фрагментам мира психических смыслов, человек уже имеет готовый арсенал приемов, позволяющих ему установить взаимодействие со средой. И сама эта способность к получению необходимой первичной информации, которая затем становится стартовой площадкой для всего дальнейшего психического развития, не приобретается в опыте, а является врожденной, точно так же, как в биологической сфере являются врожденными многие биологически осмысленные реакции. Нам представляется вполне очевидным и естественным, не требующим ни малейших объяснений тот факт, что новорожденного ребенка не надо обучать дышать, совершать зрачковые реакции, издавать звуки и удовлетворять все свои первичные витальные потребности. В.М. Аллахвердов отмечает, что у новорожденного нет времени обучаться тому, как следует принимать пищу, в то время, когда "прием пищи связан с автоматической синхронизацией работы мышц и языка" и, если новорожденные "не будут в процессе еды закрывать в нужный момент вход в трахею, то вполне вероятно, что первый же прием пищи окажется для них последним"¹. Врожденные, генетически заложенные программы биологического развития необходимы для сохранения внутренней среды организма и для последовательного биологического развития. Традиционно считается, что такие врожденные программы существуют только для развития телесной организации биологической особи, и никогда не допускается возможность существования врожденных, собственно психических, источников развития. Аналогично сформированной у младенца способности принимать пищу до первого соответствующего опыта, ребенок имеет врожденную способность, позволяющую, ему осуществлять психическое отражение, не имея опыта такого отражения. И, по всей видимости, уже эта первая реализованная способность имеет человеческую специфику. Иначе трудно было бы объяснить отличия в

¹Психология. Под ред. А.А. Крылова. М., 1998. С. 98.

Смысловая природа психического: основоположения и обоснования

дальнейшем психическом развитии между ребенком и высшими животными, и тем более невероятным кажется возникновение у человека в ходе онтогенетического развития сознательных форм психического отражения. Конечно же, в онтогенетическом исследовании трудно зафиксировать первые характерные различия в активности ребенка и, например, высших животных. Но, во всяком случае, можно заключить, что уже на ранних стадиях развития, в течение первого года, психическое отражение у ребенка имеет отличительные особенности по сравнению с антропоидами. Как показал Келер, "у ребенка на первый план в качестве определяющего фактора выступает "наивная физика", то есть его наивный опыт, касающийся физических свойств окружающих его объектов и собственного тела", в то время, когда у обезьян при употреблении орудий в процессе решения предметной задачи, доминирует "оптическая структура", то есть структура видимого поля".

Вопреки строгости научного языка, очень трудно в научных терминах описать механизм психогенеза. Порой примеры, метафоры, сравнения помогают куда лучше представить себе сущность исследуемого явления. Я во многом разделяю позицию Ю.М. Бородаев, который предлагает следующее объяснение возникновения психического в телесном в ходе онтогенеза: "Плод в чреве матери - это сама мать. И, тем не менее, ребенок выходит из чрева, он прерывает контакт с питающим материнским телом и набирает в легкие воздух. Криком он возвещает мир о том, что начал дышать сам! Так вот, представим - ребенок родился. Имя его - идеальные представления, психика или душа."²

²Цит. по: Выготский Л.С. Педагогическая психология. Под ред. В.В. Давыдова. М., 1996. С. 397.

³Бородаев Ю.М. Эротика - смерть - табу: Трагедия человеческого сознания. М., 1996. С. 42.

Смысловая природа психического: основоположения и обоснования

Очень важно подчеркнуть принципиальное функциональное отличие между так называемыми "биосмыслами" и психическими смыслами. Смыслы психической сферы служат не для выживания, а являются смыслами для познания, в то время, как "биологические смыслы" обеспечивают возможность удовлетворения жизненно значимых потребностей организма. Это утверждение основано на том, что психические процессы оцениваются с точки зрения их познавательной полезности, а сама человеческая психика является созданной природой системой познания. В связи с этим, эволюционной целью для человека как представителя биологического вида если и является выживание, то только в отношении своего телесного организма, но никак не в аспекте функционирования психики. Наличие "биологических смыслов" необходимо для реализации разумной активности, направленной на обеспечение адаптации в условиях изменяющейся среды. Функционирование смыслов психической сферы не только может не зависеть от цели выживания, но и подчиняться законам, отрицающим принцип гомеостаза, да и само биологическое существование. Для человека, обладающего сознанием, целью жизни не может быть сохранение жизни. В экзистенциально значимых ситуациях человек способен идти на крайний риск (в терминах В.А. Петровского - быть "надситуативно активным" или "неадаптивно активным") и даже жертвовать собой в том случае, если эта жертва исполнена глубочайшего смысла. В то время, как немисливо вообразить себе, что животное, сколь бы высоко организовано оно ни было, способно совершить что-либо, направленное против собственной жизни. Хотя, в данной работе понятия "личностный смысл" и "духовный смысл" рассматриваются дифференцированно от психических (когнитивных) смыслов, и на то есть свои серьезные основания, о которых будет сказано ниже, следует указать, что реализация означенных смыслов возможна только вследствие их существования в психиче-

Смысловая природа психического: основоположения и обоснования

сфер. В любом случае имеет место предварительная познавательная активность, которая обеспечивает принятие тех или иных решений, относящихся к социальной или духовной практикам человека. Человек непрестанно строит модель окружающего мира, и только на основе собственного опыта понимания этого мира (которое, в сущности, есть понимание собственной "картины мира"¹) способен к осмысленным формам взаимодействия с другими людьми и самим собой. Поведение, общение, деятельность, в том числе и творческая, имеют осмысленный характер только вследствие того, что субъект - источник этих видов активности, обладает смысловой сущностью. Смысловая архитектура внутреннего мира человека позволяет не только смыслообразно строить свои отношения с миром, но и всякий раз преодолевать ограничения собственного "Я", выходя в социальное и духовное измерения. Социальный и духовный миры в той же степени являются необходимыми фрагментами целостного мира, в котором познает и действует человек, как и физическая среда, окружающая его. Только вступая во взаимоотношения с другими людьми, то есть отражая социальные влияния, человек обретает свою собственную неповторимую личность, свое социальное "Я". Путь к собственной личности лежит через Другого. "Человек познает ... самого себя лишь опосредованно, отраженно, через других..."² - писал С.Л. Рубинштейн. Общение,

Таким образом, картина мира не есть зеркальное отражение действительного мира, а являет собой совокупность смысловых элементов. "Картина мира, - пишет В.Ф. Петренко, - не база данных, или, по крайней мере, такая база, которая вся пронизана человеческими смыслами. (Петренко В.Ф. Личность человека - основа его картины мира. / Модели мира. Под ред. Д.А.Поспелова. М., 1997. С. 17.) Для того, чтобы возник смысл, требуется акт понимания, поэтому картина мира, как смысловая модель действительного мира, постоянно создается в работе понимания.

Рубинштейн С.Л. Два подхода к проблеме сознания. // Принципы и пути развития психологии. М., 1959. С. 149.

Смысловая природа психического: основоположения и обоснования совместная деятельность - ведущие факторы развития. На это не раз указывал Л.С. Выготский, рассматривая общение ребенка со взрослым в качестве одного из ведущих механизмов онтогенетического развития. Отражение другого человека в процессе социальной коммуникации имеет свою отличительную особенность, по сравнению с отражением объектов физического мира. Такое отражение - есть в первую очередь понимание "личностного вклада"¹ Другого в смысловое содержание собственной личности как субъекта социального взаимодействия. Такая идеальная представленность по сути является реальным воплощением личности Другого (его "инобытием") в психическом мире индивидуума. "Я" становится многояйным, а личность - совокупным субъектом социального познания, общения и деятельности. Это "переселение" Другого опознается сознанием как особое переживание присутствия иного видения, иного понимания, иного Я. Вместе с тем, это переживание обнаруживается субъектом в собственном психическом мире, то есть является его собственностью. В этом смысле оно является амбивалентным; одновременно и приватным и отчужденным. Это переживание в равной степени как своей, так и иной персональности. Эффект присутствия личности другого человека (как правило, значимого Другого) в субъективном мире индивидуума В.А. Петровский определил как феномен "отраженной субъектности". Представления В.А. Петровского вполне созвучны развиваемому в данной работе подходу, допускающему единственную возможность трактовки существа психического отражения, в том числе и явлений социального порядка, как отражения в виде смысловой проекции отражаемой реальности: "Понятие отраженной субъектности выражает особое внутреннее движение сознания и деятельности человека, осуществляющего отражение... Перед нами именно *смысловая* (кур-

¹Леонтьев Д.А. Динамика смысловых процессов. // Психологический журнал. 1997. №6. С. 20.

Смысловая природа психического: основоположения и обоснования сив А.А.) форма репрезентации одного человека другому, выступающая как движение преобразования жизненных отношений к миру последнего."¹ Петровский выделяет основные формы отраженной субъектности, что можно было бы охарактеризовать как различные модусы существования Другого в смысловом пространстве субъекта социального познания. Первый модус существования образован эффектами межличностных отношений, реализуемых в процессе коммуникации, когда влияние со стороны партнера переживается непосредственно в ходе взаимодействия. Второй модус - значимый Другой представлен как "активное деятельное начало, изменяющее мой взгляд на вещи, формирующее новые побуждения, ставящее передо мной новые цели; основания и последствия его активности не оставляют меня равнодушным, значимы для меня, или, иначе говоря, имеют для меня тот или иной личностный смысл"². Присутствие Другого в субъекте отражения в данном случае не связано с его фактическим присутствием в наличной ситуации. Другой является в той или иной мере самостоятельным смысловым образованием, как иная, "альтернативная смысловая перспектива". Третий модус отраженной субъектности выражается понятием "претворенный субъект". Представленность Другого становится неразличимой от собственного Я. Происходит смысловая интеграция значимого Другого в структуру собственной личности³. В ~~эт~~ ~~ом~~ случае "опыт непосредственного самоанализа, опирающегося на актуально присутствующего в сознании субъекта переживания, уже невозможен... На этапе претворенного Я фактически теряется взаимопротивопоставленность субъектов, и, следовательно, разрушаются идеологические

¹Петровский В.А. Принцип отражения субъектности в психологическом исследовании личности. // Вопросы психологии. 1985. № 4. С. 21.

²Петровский В.А. Указанное сочинение. С. 18.

³Петровский В.А. Указанное сочинение. С. 21.

Смысловая природа психического: основоположения и обоснования формы между ними: ведь Я одного здесь уже неотделимо от субъективированного им Я другого."¹

Если специфика социальной формы отражения заключается в "продолженности" Другого в психическом мире субъекта отражения, очевидно, что и свою собственную личность человек определяет в процессе самоотражения. Другими словами, только сделав свою личность внешней относительно 'собственного сознания, можно понять, в чем она состоит. Как справедливо заключает В.А. Петровский, "Я" индивида, это он сам в своей отраженной субъектности", и поэтому, конечно же, понятно, почему "отраженная субъектность оборачивается субъектностью самого отражения"². Напомню также мнение Л.С. Выготского, который утверждал: "Я сознаю себя только постольку, поскольку я являюсь сам для себя другим"³. Хорошо известно, что подобные идеи неоднократно высказывал и М. Бахтин.

Если кому-то концепция отраженной субъектности представляется непонятной или излишне усложняющей объяснение феномена социальной перцепции, то я, полагаю без ущерба существу идеи, продемонстрирую на исключительно простом примере, в чем состоит эта самая отраженная субъектность. Пусть тот, кто когда-либо в жизни испытывал разрыв отношений с дорогим для себя человеком или хоронил того, кто был **самым** близким и любимым существом на свете, вспомнит то внутреннее состояние, которое чаще всего именуют словом "пустота". То место, которое занимал Другой в твоём психическом пространстве (пространстве твоей души), становится зияющей дырой или, было бы точнее сказать, воронкой, в которую стягивается вся душевная энергия. Вот это и есть локальный сепаратический вакуум, это и есть реальное (я бы сказал, жи-

¹Петровский В.А. Очерк теории свободной причинности. // Вестник СамГУ. 1996. № 1.С. 70.

²Петровский В.А. Указанное сочинение. С. 71.

³Выготский Л.С. Собрание сочинений. Т. 1. М., 1982. С. 96.

Смысловая природа психического: основоположения и обоснования вое, если бы это не было столь абсурдно) действие смерти в жизненном потоке. Другой - это место в нас, поэтому, поступая от себя, мы поступаем от лица тех многочисленных Других, которыми "заселен" наш субъективный мир. Единомысля с классиками марксизма, полагавшими, что человек обретает свою автономную личность, осознает свою индивидуальность, смотрясь, как в зеркало, в другого человека¹, А.А. Брудный считает, что другие люди отражаются в сознании человека, оставаясь "субъективно реальными даже в случае своего физического отсутствия... Родные... и близкие люди, с которыми человека связывает общая судьба, прочно входят в его внутренний мир"². Брудный приводит свидетельства И. Пушина относительно казненных декабристов: "когда, где и как, я не понимаю, и даже теряюсь, когда ищу понять - но внутри ощущаю, что с иными не совсем расстался". (Н. Эйдельман. Пушин - Пушкин. //Знание - сила. 1978. №12.) Я бы единственно добавил, что раз Пушин ощущал реальное нахождение в себе тех, "с кем не совсем расстался", значит он непременно это осознавал, а, следовательно и понимал, ну а если так, то его свидетельства - есть констатация действительного положения вещей, ведь человеку мир дан только как психическая проекция последнего.

Концепция отраженной субъектности открывает перспективы объяснения хорошо известных социальных феноменов, например, такого как конформность. Действительно, изменение собственной позиции или характера поведения в условиях реального или представляемого (в данном случае это не имеет значения, так как реальное дано субъекту только как свое отражение) субъектом давления со стороны другого человека или группы людей возможно в том случае, если те, кто влияет на изменение мнения, соци-

¹Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. С. 62.

²Брудный А.А. Понимание и текст. / Загадка человеческого понимания. Под общей ред. А.А. Яковлева. М., 1991. С. 123.

Смысловая природа психического: основоположения и обоснования альных установок или паттернов поведения человека, действительно представлены в его субъективном мире. Как показывают экспериментальные исследования конформности, человек готов отказаться от собственного мнения, которое до момента влияния со стороны окружающих представлялось абсолютно очевидным и неоспоримым, в пользу совершенной нелепицы, которую он слышит из уст других людей, имитирующих единодушие. Причем, часто измена "здравому смыслу" может не осознаваться самим человеком, испытывающим влияние¹. По всей видимости, чем большее смысловое пространство занимает Другой в мире субъекта и чем более значимо его влияние (основания значимости могут быть различными, в том числе и определяемые негативно), тем скорее собственное Я будет руководствоваться представлениями Я Другого, присутствующего в личности индивидуума, как своими собственными. Этим объясняется хорошо известный социальным психологам механизм идентификации, а также феномен идеологического идолопоклонства. Без механизма отражения социальных явлений в их отличительном качестве, человек не смог бы вступать в сколь-либо долгие отношения с другими людьми и самоопределяться в социальном пространстве. Возможность социальных контактов обеспечивается тем, что личность каждого человека "заселена" другими людьми, в том числе и теми, кто прекратил свое физическое существование. Только в этом случае можно осознавать ожидания и требования социума по отношению к своей личности. Только в этом случае возможна адаптация. Поэтому в каждом человеке необходимо присутствует конформист. Классики марксизма как никто лучше понимали социальную взаимозависимость людей. ("Жить в социуме и быть свободным от социума невозможно"). Личность настолько социально успешна, насколько она адаптивна. И насколько она адаптивна, настолько она личность, и не более. Про-

¹Аронсон Э. Общественное животное. М., 1998. С. 42 - 45.

Смысловая природа психического: основоположения и обоснования странство социальных ролей - есть среда, в которой личность вынуждена адаптироваться. Любая роль предполагает некие социальные нормативы, что в свою очередь требует от личности компромиссного поведения, в то время, как в духовной сфере человек в ипостаси индивидуальности является поистине причиной самого себя, творцом, расширяющим границы собственного мира, а, следовательно, к действительного мира, художником перед полотном своей жизни. В той же степени, насколько личность предполагает адаптацию, индивидуальность человека предполагает творчество. Творчество, независимо от того, в чем она проявляется, делает человека по настоящему свободным.

Надо сказать, что история психологии индивидуальности еще не написана. И часто само понятие "индивидуальность" трактуют как индивидуально - психологические, психофизиологические и физиологические особенности, характеризующие человека на различных уровнях его организации: на уровне индивида как природного существа, на уровне субъекта как действующего и познающего человека, и уровне личности как общественного индивида. Я думаю, индивидуальность может быть определена как самостоятельное смысловое образование в психике человека. В этом случае содержанием индивидуальности являются особые духовные смыслы: экзистенциальные, включая смысл жизни, смысл творчества, смысл страдания, любви и т.д. и религиозные; то есть те, которые являются одновременно и транссубъектными и трансперсональными. Понимая индивидуальность как высший психический синтез, как интеграл духовных стремлений человека, правомерно будет выделить определяющие свойства данного смыслового гештальта. Прежде всего это гармоничность, которая заключается в оптимально - динамическом соподчинении, соразмерности по значимости образующих индивидуальность духовных смыслов. Такое гармоничное соотношение позволяет быть продуктивным в осуществлении человеком

Смысловая природа психического: основоположения и обоснования своих духовных проектов. Напомню, что В.М. Бехтерев считал гармонию частей основой индивидуальности¹. Вторым важнейшим свойством индивидуальности является креативность. Индивидуальность проявляет себя в творчестве. Продукты творческой активности человека в ипостаси индивидуальности являются событиями культурно - исторического значения. Это само по себе предполагает предельное напряжение всех жизненных сил человека и подчинение духовной цели, становящейся своего рода доминантой, всего жизненного сценария. Как отмечал еще Гегель, индивидуальность вкладывает душу в произведение. Некоторые из современных психологов также разделяют это мнение. Например, С.А. Маничев считает, что "активность создающей, творческой деятельности" может рассматриваться "важным индикатором человеческой индивидуальности". "Мера активности, напряженности работы внутреннего мира является показателем духовности индивидуальности. Эффекты внутренней работы проявляются в поведении и деятельности как продукты творчества, производящие ценности для общества."² Одним из важнейших критериев сформированности индивидуальности, по мнению Маничева, является "вклад человека в материальную и духовную культуру своего общества и человечества"³.

Если понимать индивидуальность как единичность, как своеобразие тех или иных проявлений человека, тогда следует считать, что каждый уже с момента рождения есть индивидуальность, поскольку конституциональные, нейродинамические, анатомо - морфологические характеристики уникальны. Индивидуальность - это не просто неповторимость. Неповторимость обнаруживает себя в уникальном рисунке на ладони, в почерке человека, его внешнем обли-

¹Бехтерев В.М. Общие основы рефлексологии человека. М. - Л., 1926. С. 350.

²См.: Психология. Под ред. А.А. Крылова. М., 1998. С. 178.

³Указанное сочинение. С. 178.

Смысловая природа психического: основоположения и обоснования ке, чертах его лица, походке, и уж, тем более, в поведении, стиле общения и деятельности. В силу этого, сведение индивидуальности к неповторимости не имеет никаких оснований. Понятие "индивидуальность" только в том случае может получить свой собственный теоретический статус в психологии, если индивидуальность раскрывать как особое духовное начало в человеке, отдельный трансперсональный уровень развития его сущностных сил. Каждое измерение человека (индивид, субъект, личность, индивидуальность) имеет свое пространство и время, и, без сомнения, духовная сфера имеет значительно большую размерность, чем биологическая, когнитивная и социальная. Пространство индивидуальности - это пространство мировой культуры, где человек сам выступает как активный деятель. Время индивидуальности - это все время вперед и назад, включая постбиографическое.

По моему глубокому убеждению, **между биологической, психической, социальной и духовной сферами не существует каузальных отношений.** Это одно из важных положений данной работы. Как это понимать? На мой взгляд, социальное также невыводимо из психического, как и психическое из биологического. Но в такой же мере, как биологическая жизнь является необходимым (но не достаточным) условием возникновения психики в онтогенезе, психическая (читай: познавательная) активность есть обязательное условие для установления социальных отношений и социального самоопределения.

Отрицая возможность биологической детерминации когнитивных процессов, я имею в виду следующее: если специфику устройства человеческой психики усматривать в факте наличия у человека сознания, то, при допущении предопределенности событий сознательной жизни человека теми изменениями, которые происходят в том или ином физиологическом органе или организме в целом, мы вынуждены будем рассматривать сознание исключительно как

Смысловая природа психического: основоположения и обоснования функцию материальной структуры. Уже только в силу этого обстоятельства становится невозможным да и абсурдным понимание сознательной активности как активности по определению свободной, которая в элементарном виде реализуется даже в простом идеомоторном акте. Недаром в качестве одного из четырех опознавательных признаков психического Л.М. Веккер выделяет свободный характер психической активности¹. Свободу воли сознательного существа невозможно помыслить в качестве следствия тех состояний, которые генерализуются в организме. В психической сфере человека обнаруживаемые сознанием явления не есть отправления человеческого организма или мозга. Порождает эти явления само сознание, а не тело. Тем не менее, наше физическое "Я" – это то неперемное условие, при котором мы единственные и можем что либо сознательно переживать.² Во всяком случае, при жизни физического "Я" мы что-то знаем о себе как о душе и теле, знаем о других и о мире, в котором находимся. Что мы знаем после телесной смерти – об этом, покуда мы живы, нам знать не дано. Возможна ли жизнь после жизни – этого мы не знаем, и никогда не узнаем, так как, чтобы об этом узнать, нужно умереть, оставаясь живым в буквальном смысле этого слова. В любом случае, трудно себе представить рациональное объяснение существования загробной жизни. То есть, тело

¹ "...Психическая активность проявляется и эмпирически различается как активность свободная." (Веккер Л.М. Психика и реальность. Единая теория психических процессов.. М, 1998. С. 25.)

² Надо отметить, что о собственном физическом "Я" человек может судить только как об отраженной телесности. Образ физического "Я" или "схема собственного тела" строится сознанием. Случаи фантомных конечностей – яркое тому подтверждение. Образ физического "Я" в таком понимании не следует путать с образом тела как результата отношения человека к собственному телу. В данном случае я говорю о том физическом "Я", которым, хотя человек и обладает, но знает о нем только как о собственной отраженной телесности. Иначе говоря, граница между сознанием индивидуума и действительным миром проходит таким образом, что физическое "Я" человека принадлежит миру.

Смысловая природа психического: основоположения и обоснования человеку дано в качестве условия, при котором обнаруживаются те или иные психические феномены. Чтобы была ясна авторская позиция, поясню вышесказанное на таком примере. Каждый человек с определенного момента своей жизни имеет способность к прямохождению (кстати М.К. Мамардашвили считал, что без свободы человек все это лишь "скотинка на двух ногах"). То, что у человека на него ходит под ногами, несомненно влияет на то, как он будет передвигаться. Очевидно, что по ровной асфальтированной поверхности идти легче, чем по песку, льду или глубокому снегу, и уж совсем невозможно идти по воде. Иначе говоря, для того, чтобы передвижение было возможным, в качестве обязательного условия необходима в той или иной степени твердая опора под ногами. Но само по себе это не является причиной ходьбы. Невозможность идти по воде не упраздняет, тем не менее, саму способность к передвижению, хотя она и не может быть реализована без наличия тех условий при которых лучше, хуже или совсем плохо она проявится. Вот в этом же смысле я и говорю о теле как об условии существования человеческой психики, специфическую особенность которой заключает в себе сознательность.

Ту же логику я применяю, когда утверждаю, что сознание – не причина, а условие явлений социальной жизни. Социальные феномены не являются следствием работы сознания отдельного индивидуума. Но никакое социальное явление невозможно, если люди, попадающие в круг этого явления не обладают сознанием (впрочем, это конечно же не люди). Общество имеет свою логику развития и функционирует по своим собственным законам, отличным от законов психической организации человека.

Движение к духовным целям, смысловооплощение в творчестве, дружбе, любви, служение высоким идеям, поиск смысла жизни, любые формы трансцендентального опыта, религиозность (в буквальном смысле этого слова) – все это абсолютно избыточно по отношению к задачам успешного

Смысловая природа психического: основоположения и обоснования
 социального функционирования. Для эффективного социального взаимодействия совсем не требуется задумываться о смысле жизни или о смысле собственного творчества. Но, тем не менее, как уже было сказано в самом начале, человек не только обнаруживает в себе реальное присутствие духовных смыслов, но и зачастую не способен отказаться от их внешней реализации с тем, чтобы наполнить себя новым духовным содержанием и, тем самым, открыть для себя новые возможности понимания своих духовных качеств. Таким образом, биологическое, психическое, социальное и духовное в указанной последовательности обуславливают только условия существования каждой последующей сферы. То есть, **биологическое - есть условие, а не причина возникновения и развития психической сферы, равно как социальное, а не психическое, которое предопределяет условия социальности, является не причиной образования духовной сферы человека, а только тем важнейшим, опять же, условием, при котором возможен духовный поиск.**

Исходя из всех предыдущих рассуждений, думаю, должно быть ясно, что психически здоровый человек с развитым сознанием не может существовать в бессмысленной для себя среде. Если человек стремится найти смысл в своих действиях, в формах общения с другими людьми, в своих поведенческих проявлениях, он не может не испытывать потребности обнаружить смысл всей своей жизни как целостной, неразрывной временной сплошности. **Несомненно**, что вопросом: "зачем я?" может задаваться только человек. И, по всей видимости, реальное обнаружение и переживание смысла собственной жизни, независимо от того, является ли концепция жизненного смысла отрефлексированной самим субъектом или нет, - есть необходимое условие полноценной жизнедеятельности. Как писал один из самых ярких отечественных философов начала века С.Л. Франк: "этот вопрос (вопрос о смысле жизни. - А.А.) - не "теоретический вопрос", не предмет праздной умственной игры;

Смысловая природа психического: основоположения и обоснования
 этот вопрос есть вопрос самой жизни, он также страшен - собственно говоря еще гораздо более страшен, чем претяжкой нужде вопрос о куске хлеба для утоления голода. С.Л. Франк приводит пример чеховского персонажа, который просыпается ночью в холодном поту от наступившего вдруг ясного понимания: "Жизнь прошла, и жизни не было, потому что не было и нет в ней смысла!"¹ Нельзя себе представить более ужасного итога пройденного пути, чем осознание тщетности и бессодержательности своей прожитой жизни. Недаром Э. Эриксон описание завершающей стадии психосоциального развития связывал с обретением цельности, осмысленной завершенности, значимости всего того, что необходимым образом было совершено в жизни. В противном случае человек расценивает прожитую жизнь как череду ошибок, промахов, нереализованных возможностей, бесполезных встреч, бесцельных поступков, что свою очередь порождает отчаяние и страх смерти. За такое какое состояние испытывает человек на пороге смерти безысходности или тотальной необходимости и безусловной ценности всего совершенного в жизни, несет ответственность сам человек. Само жизневосприятие, по Эриксону, в полной мере обусловлено собственным отношением человека к пройденному пути (подчеркну: не самим жизненным путем, а отношением к своему жизненному пути "К какой бездне ни приводили бы отдельных людей последние вопросы", - подчеркивал Эриксон, - человек, как творение психосоциальное, к концу своей жизни неизбежно оказывается перед лицом новой редакции кризиса идентичности, которую мы можем зафиксировать в словах: ", есть то, что меня переживает"³. Перед лицом смерти человек всегда выносит приговор своей жизни. И этот приговор зависит от того, как будет решен вопрос о смысле жизни

¹ Франк С.Л. Смысл жизни. // Вопросы философии. 1990. № 6. С. 70.

² Франк С.Л. Указанное сочинение. С. 70.

³ Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996. С. 152.

Смысловая природа психического: основоположения и обоснования
 Но неотвратимость этого вопроса типична не только для состояния ожидания смерти. Независимо от того, спрашивает себя человек об этом или нет, он не может не признать, что за повседневной деятельностью, за тактическими и стратегическими целями жизни должен лежать смысл, придающий всей жизни ценность. Трудно себе представить, как человек, отрицающий в своей жизни смысл, способен к осмысленным формам активности. "Человек, считающий свою жизнь бессмысленной, - говорил А. Эйнштейн, - не только несчастлив, он вообще едва ли пригоден для жизни". Важно не то, что совершает человек в своей жизни, а зачем он это делает. Имеющий "зачем", может выдержать любое "как", - считал Ф. Ницше. Поэтому, как бы ты ни поступал, сама жизненная активность не включает в себе самооправдания. Действия человека в мире имеют смысл, обретают жизненность только в том случае, если они обладают своим собственным питающим источником смысла. Антуан де Сент- Экзюпери с присущей ему философичностью на этот счет выразился следующим образом:

*"... Тот, кто работает киркой, хочет, чтобы в каждом его ударе был смысл. Когда киркой работает каторжник, каждый его удар только унижает каторжника, но если кирка в руках изыскателя, каждый ее удар возвышает изыскателя. Каторга не там, где работают киркой. Она ужасна не тем, что это тяжелый труд. Каторга там, где удары кирки лишены смысла."*¹

Чувство смыслоутраты приводит не только к резкому снижению продуктивности деятельности, сопровождается безразличием к происходящим событиям и социальным контактам, но и способствует возникновению таких гнетущих психических состояний, как апатия и скука. Человек становится ненужным для самого себя, и, наверное, вполне

¹Экзюпери А. де Сент. Планета людей. / Сочинения в 3-х томах. Т. I. Рига, 1997. С. 301.

Смысловая природа психического: основоположения и обоснования
 справедливо будет сказать, что потеря смысла жизни означает потерю самооценности. На это обратил особое внимание при анализе поведения заключенных в немецких концентрационных лагерях Б. Беттельхейм. В своей работе "Просвещение в сердце", которая была названа самоучителем по выживанию, Беттельхейм приводит детальное описание деградации самооценности заключенных вследствие потери смысла собственных действий. Приведу буквально авторское описание той идеологии разрушения самооценности личности, которая использовалась нацистами в практике психологического подавления.

"Заключенных, особенно новичков, заставляли делать абсолютно бессмысленную работу, например перетаскивать камни с одного места на другое, а затем обратно. Или рыть ямы голыми руками, когда лопаты лежали рядом. Заключенные ненавидели бессмысленную работу, хотя, казалось бы, им должно было нравиться, есть ли от их работы вообще какая-то польза. Взрослый человек чувствует себя униженным, когда его заставляют выполнять "детскую" или дурацкую работу, и заключенные часто предпочитали даже более тяжелые задания, если в итоге получалось что-то похожее на результат. Еще больше оскорбляло людей, когда их запрягали как лошадей, в тяжелые вагонетки и заставляли бежать галопом.

...Принуждение к бессмысленной работе сознательно использовалось как метод превращения уважающего себя взрослого в послушного ребенка. Нет никакого сомнения в том, что работа, которую выполняли заключенные, и издевательства, которым они подвергались, разрушали самоуважение и не позволяли им видеть в себе и в своих товарищах полноценных взрослых людей.

...Пропадала уверенность, что твои поступки имеют хоть какой-то смысл, поэтому многие заключенные просто переставали действовать. Но, переставая действовать, они вскоре переставали жить.

...Если СС хотело, чтобы некая группа людей... приспособилась, выжила и работала в лагере, объявлялось,

Смысловая природа психического: основоположения и обоснования что их поведение может повлиять на их судьбу. Тем группам, которые СС хотело уничтожить, давали ясно понять, что не имеет ни малейшего значения, насколько добросовестно они работают или стараются угодить начальству."¹

Очень близкие по содержанию мысли были высказаны В. Франклом в его широко известной работе "Человек в поисках смысла". Напомню, что Франкл, также как и Беттельхейм, испытал на себе весь ужас фашистских концлагерей.

В экзистенциальной психотерапии состояние, характеризующееся смыслоутратой, даже получило свое специальное обозначение - "экзистенциальный вакуум". В силу каких причин у человека разрушается смысловая основа жизни? В какие кризисные этапы развития это чаще всего происходит? Какие факторы влияют на смысловую деструкцию? Все эти вопросы требуют отдельного и тщательного изучения. Это не входит в задачи данной работы. Единственно отмечу, что помимо множества психологических факторов, как то: потеря близкого человека, "несчастливая любовь", субъективное переживание чувства "непонятости", разочарование в кумирах или в прежних идеалах, фрустрация духовных потребностей (в том числе и потребности в творческой самореализации) и пр., немаловажное значение для анализа утраты смысла существования имеют факторы социальной и культурной отнесенности. Хорошо известно, что среди самоубийц количество психически здоровых несравненно выше, чем психически больных людей. А суицид (отчасти и другие формы аутодеструктивного поведения) может рассматриваться как индикатор потери смысла жизни. Парадокс: в экономически благополучных странах количество суицидальных случаев неизмеримо больше, чем в странах экономически неблагополучных,

¹Беттельхейм Б. Просвещенное сердце. // Человек. 1992. № 2. С. 73, 75 - 76.

Смысловая природа психического: основоположения и обоснования например в странах третьего мира. Многолетнее первенство по числу суицидальных случаев занимают такие страны как Дания, Венгрия, Япония. На протяжении десятилетий Россия по показателям суицида устойчиво лидирует в Европе, а Ижевск давно признан городом суицидального риска. Надо сказать, что независимо от национально-культурных факторов, влияющих на суицидальное поведение, человек, понимающий, что в его жизни есть смысл, едва ли в состоянии психического здоровья способен отказаться от жизни. Но в любом случае, даже совершая поступок, несовместимый с жизнью, человек приписывает ему смысл. "Даже самоубийца верит в смысл, если не жизни, то смерти", - заметил В. Франкл. Поэтому даже самые безрассудные, алогичные действия человека, не утрачивают для этого человека в момент их совершения своей смысловой необходимости. Но человек свободен не только в выборе смыслов и выборе способов их реализации, но также в отношении к событиям и собственным поступкам в течение периода времени. В силу этого, то, что кажется сейчас бессмысленным, совсем иначе может восприниматься спустя какое-то время, и человек будет испытывать сожаление о том, что отвергнутые альтернативы, нереализованные возможности воспринимаются в новой точке времени как более предпочтительные, более осмысленные, более ценные. Поэтому человек, по этой причине в экзистенциальной психологии может рассматриваться исходя из имманентно присущему ему чувству вины. Вины перед самим собой за нереализованные возможности. Но это всегда неизбежная плата за выбор, который совершается в настоящем, что, без сомнений, составляет одну из трагических основ нашего существования.

Понятно, что не может существовать одинаково инвариантного для всех людей смысла жизни, хотя бы по той простой причине, что у каждого человека своя собственная жизнь, которая имеет свой собственный смысл. "...Нет такой вещи, как универсальный смысл жизни, -"

Смысловая природа психического: основоположения и обоснования мечал В. Франкл, - есть лишь уникальные смыслы индивидуальных ситуаций."¹ Да и кроме того, в различные периоды своего развития этот смысл может изменяться, как изменяются ценностные предпочтения и жизненные цели. Требование ответить на вопрос: "В чем смысл жизни?", сравнивают с желанием указать самый лучший ход в шахматной партии². Невозможность строгой формулировки ответа на вопрос о смысле жизни ни в малейшей степени не лишает каждого человека в отдельности значимой потребности найти этот притягательный смысл. Это настолько эмпирически распространенное явление, что к нему все чаще стали обращаться и психологи. И надо отметить то, на мой взгляд, важное обстоятельство, что вопрос о смысле жизни относят не только к философской или аксиологической проблематике, но и пытаются понять его исходя из признания смысла жизни в качестве психического феномена. "Смысл жизни как психическое образование представляет собой не просто определенную идею, жизненную цель, ставшую для человека ценностью высокого порядка. Психическую основу смысла жизни составляет структурная иерархия, система больших и малых смыслов."³ Едва ли поиск структурных составляющих "смысла жизни" может иметь какие-то позитивные перспективы. Я уже отмечал, что смысл (в полной мере это касается и смысла жизни) является неделимо-целостным. Тем не менее стремление понять необходимость переживания человеком в своей жизни смысла как условия продуктивной жизнедеятельности, может быть только одобрено. Поэтому, я не расцениваю как преувеличение мнение К. Обуховского, который полагает,

¹Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990. С. 288.

²Франкл В. Поиск смысла жизни и логотерапия. / Психология личности. Тексты. М., 1982. С. 123.

³Психологические, философские и аксиологические проблемы смысла жизни (Обзор материалов IV симпозиума. // Психологический журнал. Том 20, № 1. 1999. С. 135- 138.

Смысловая природа психического: основоположения и обоснования что "у нормального взрослого человека единственным правлением действия, могущим закрепить высшие, зрелые формы поведения, является направление, обозначаемое "потребность смысла жизни". "Сущностью... поведенческого направленного на удовлетворение потребности смысла жизни, является стремление к пониманию, по крайней мере к возможности понимания и одобрения смысла наших действий независимо от занимаемых нами позиций."¹ Я не сомневаюсь, что реализация духовных смыслов, к числу которых принадлежит смысл жизни, жестко зависит от социальной успешности, социального благополучия, социального статуса, но неоспоримо то, что вне социальной сферы невозможно и раскрытие духовного начала человека. Естественно, очень трудно провести грань между социальной и сферой духовного. Является ли любовь социальным явлением, или же это скорее духовное единство двух людей. Каждый волен понимать по-своему, но для меня более привлекателен второй вариант. К тому же, во всех известных религиях мира любовь наделяется абсолютной духовной сущностью. Избыточность этого "неземного" чувства по отношению к задачам эффективного социального функционирования представляется совершенно очевидной. Другими словами, чтобы успешно выполнять свои социальные роли совсем не нужно "терять голову". Поэтому любовь должна "почувствовать действие космических сил", являясь, скорее "орудием совершенствования расы"², "творческой силой", чем неким паттерном социальных отношений.

Резюмируя все вышесказанное, я предлагаю следующую формулу человека:

¹Обуховский К. Психология влечений человека. М., 1972. С. 181 - 182.

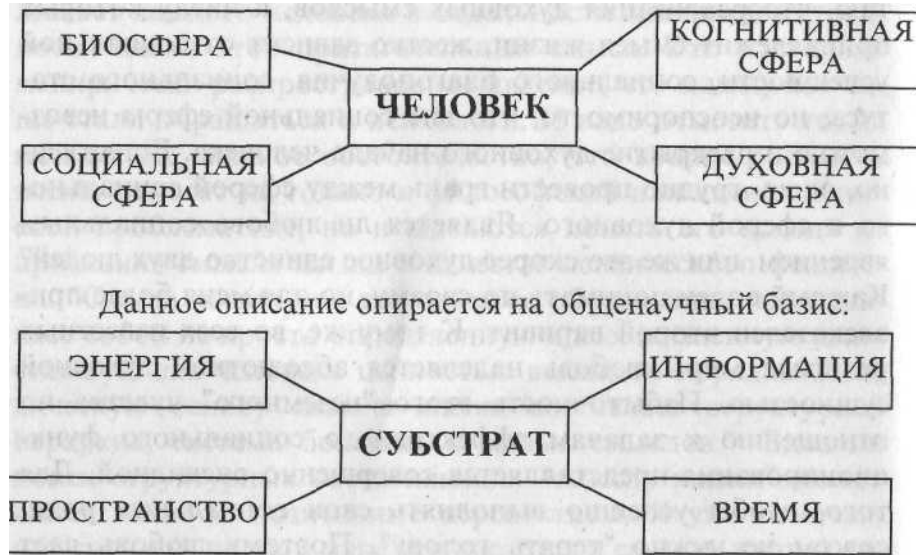
²Успенский П.Д. Tertium organum. Ключ к загадкам мира. СПб., 1997. С. 111.

³Успенский П.Д. Указанное сочинение. С. 113.

Смысловая природа психического: основоположения и обоснования

Человек есть пересечение четырех смысловых сфер (биосфера, когнитивная сфера, социальная сфера, духовная сфера) в континууме пространства и времени и объединение этих сфер в континууме их атрибутов¹.

В вербально - графическом виде она выглядит следующим образом:

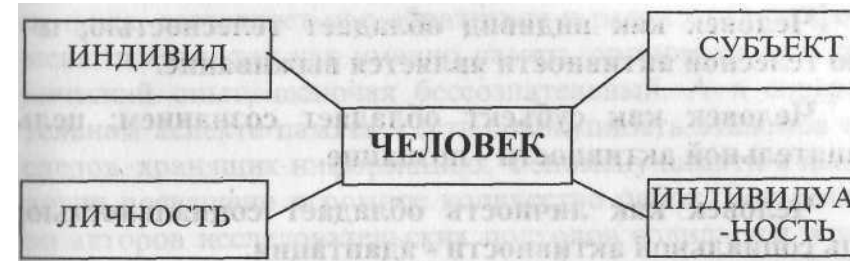

А также однозначно согласуются с моделью описания стадий онтогенетического развития человека, предложенной В.А. Ганзеным²:

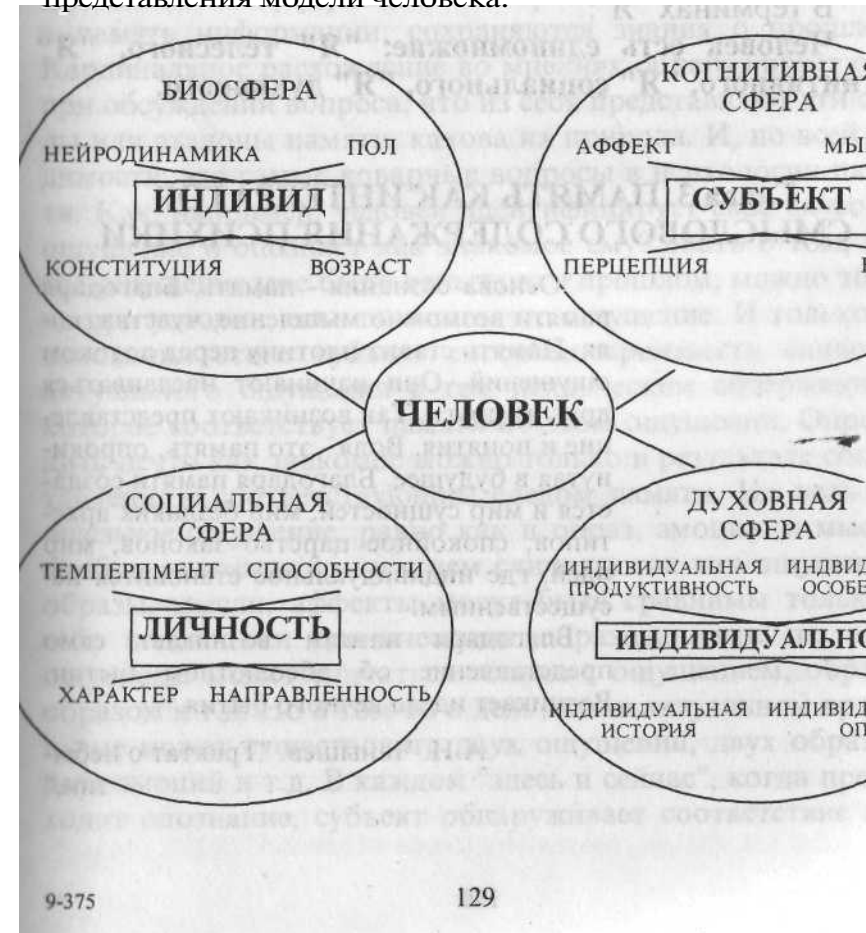
¹Использовать аппарат теории множеств для описания человека было предложено В.А. Ганзеным, который определял человека как пересечение космической среды (мегамир), биологической среды, социальной среды и физической среды (микромир) в континууме пространства и времени и объединение этих сред в континууме их свойств (личное общение).

²Ганзен В.А. Системные описания в психологии. Л., 1984.

Смысловая природа психического: основоположения и обоснования

Наложение двух моделей описания (их взаимодействие) дает следующую вербально - графическую форму представления модели человека:

Смысловая природа психического: основоположения и обоснования

Человек как индивид обладает телесностью; целью телесной активности является выживание.

Человек как субъект обладает сознанием; цель сознательной активности - познание.

Человек как личность обладает социальностью; цель социальной активности - адаптация.

Человек как индивидуальность обладает духовностью; цель духовной активности - творчество.

В терминах "Я":

Человек есть единомножие: "Я" телесного, "Я" когнитивного, "Я" социального, "Я" духовного.

Глава 3. ПАМЯТЬ КАК ИНТЕГРАТОР СМЫСЛОВОГО СОДЕРЖАНИЯ ПСИХИКИ

"Основа сознания - память. Благодаря памяти возможно мышление, чувства, воля. Память ставит плотину перед потоком ощущений. Они начинают наслаиваться друг на друга. Так возникают представления и понятия. Воля - это память, опрокинутая в будущее. Благодаря памяти создается и мир сущностей, мир безликих архетипов, спокойное царство законов, мир идей, где индивидуальное становится несущественным.

Благодаря памяти возникает само представление об абсолютном бытии. Возникает идеал вечного бытия."

А.Н. Чанышев. "Трактат о небытии."

Память как интегратор смыслового содержания психики

Анализ материала, из которого состоит человеческая психика, заставляет нас обратиться к рассмотрению феномена памяти, так как именно память организует весь психический опыт, включая бессознательный. А в содержательном аспекте память - есть совокупность эталонов и следов, хранящих информацию. Феномену памяти в психологии посвящено огромное количество работ. Большинство авторов исследовательских подходов солидарны в том, что в памяти существуют определенные эталонные образы, своего рода ячейки, где в течение определенного времени в зависимости от скорости угасания следов и вследствие интерференции со стороны вновь поступающей в память информации, сохраняются знания о прошлом. Кардинальное расхождение во мнениях обнаруживает себя при обсуждении вопроса, что из себя представляют эти следы или эталоны памяти, какова их природа. И, по всей видимости, это самые коварные вопросы в психологии памяти. Как, например, человек идентифицирует свое воспоминание и опознает как знакомое ему? Знать о том, что ощущение уже было испытано в прошлом, можно только при условии, если помнишь это ощущение. И только в процессе повторения этого субъект способен произвести сличение актуального ощущения с тем психическим содержанием, которое соответствует памяти об этом ощущении. Определить нечто как знакомое можно только в результате сопоставления с соответствующим следом памяти. Но ведь, изначально ощущение, равно как и образ, эмоцию и мысль, невозможно ни с чем сличить, так как ощущения, мысли, аффекты могут быть сравнимы только с подобными психическими образованиями, то ощущение может сличаться только с ощущением, образом и т.д. Но в том-то и дело, что в актуальном времени может существовать двух ощущений, двух образов и т.д. В каждом "здесь и сейчас", когда происходит опознание, субъект обнаруживает соответствие и

Память как интегратор смыслового содержания психики
 несоответствие переживаемого опыта опыту прошлого, хотя при этом, сам прошлый опыт в настоящем не представлен в том виде, в котором он был пережит. Пережито человеком что-либо может быть только единожды. Психическое пространство настоящего занято актуальным психическим содержанием, которое вопреки всей немислимой сложности процесса сличения может опознаваться как хорошо знакомое из прошлого опыта. Если очень постараться сказать проще, сами ощущения, образы, эмоции и чувства, мысли, то есть, продукты психической активности человека, в памяти не содержатся и, потому, не могут составлять содержание прошлого опыта. Они возникают в результате симулирования успешивных психических процессов: ощущения, перцепции, представления, мышления, и являются всегда актуальными, всегда существующими в наличный момент психического настоящего. Тогда, возвращаясь к рассматриваемому примеру, как объяснить опознание вкусового ощущения, которого в памяти нет, но которое, тем не менее, легко узнаваемо? На мой взгляд, опознание ощущения, константность восприятия и представления, привычность тех или иных эмоциональных паттернов реагирования, понимание того, что уже ранее было понято, то есть, вся феноменология узнавания как мнемического процесса объясняется, исходя из необходимого допущения о том, что наряду с наличием различных модальных и субмодальных языков (образов, мыслей, А.А. Леонтьев даже говорит о "языке личности"¹), существует единая инвариантная семантика этих языков, своего рода "глубинная семантическая структура", если воспользоваться лингвистическим понятием. Опыт психического отражения кристаллизуется в амодальной модели мира в виде смысловой констелляции. И эта модель может существовать только в памяти, а не в восприятии, представлении, мышлении, внимании, воле, поскольку посредством указанных процессов и

¹Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М., 1997. С. 282.

Память как интегратор смыслового содержания психики
 механизмов она строится. Целостность психики при всей гетерогенности может получить теоретическое обоснование благодаря признанию положения о смысловом субстрате психического. Надо сказать, что рассуждая подобным образом, я не претендую на оригинальность. О том, что информация хранится в памяти в виде смысловых структур хорошо известно исследователям мнемических процессов. Вот к какому выводу, например, приходит И. Хофман: "Для построения образа объективной реальности требуется интеграция разделенных в пространстве и времени, но объективно связанных между собой сведений. Такая интеграция осуществляется в форме семантической организации разрозненных данных в целостные структуры..."¹ Автор подвергает критике теорию двойного кодирования Паппе (1969, 1971), согласно которой информация об окружающем мире хранится благодаря работе двух систем: невербальной (образной) и вербальной. Вербальная система презентует знания в виде понятийных единиц, которые соответствуют языковым элементам. Невербальная система хранит сенсорные воздействия. Таким образом, Паппе допускает существование разнородного содержания памяти: понятийные единицы (семантическая информация) и сенсорные элементы (сенсорная информация). Одно из предположений о существовании двух видов репрезентации является оправданным. Хофман справедливо отмечает, что и "вербальные стимулы воспринимаются только посредством сенсорных воздействий. Они представляют собой такие же "картинки", как рисунки или фотографии. Между процессами кодирования, обеспечивающими благоприятие слова "дерево" и рисунка дерева, нет существенных различий. В обоих случаях для распознавания этих стимулов необходимо преобразование сенсорных воздействий в описание признаков."² То есть, другими словами, все]

¹Хофман И. Активная память. М., 1986. С. 275.

²Хофман И. Указанное сочинение. С. 133 - 134.

Память как интегратор смыслового содержания психики имеет место перевод информации, содержащейся в сенсорном воздействии, в ее смысловой аналог. Даже если предположить, что вербальные стимулы запоминаются исключительно посредством системы семантического кодирования, минуя предварительные стадии обработки информации (что само по себе просто непредставимо), а образная информация запоминается до этапов семантического кодирования, было бы весьма затруднительно доказать, что воспринятая в образном виде информация в том же виде и хранится в памяти. На мой взгляд, верифицировать последнее утверждение в эксперименте принципиально невозможно, так как знания о том, в каком виде сохраняется в памяти информация, мы можем получить лишь в результате воспоминания испытуемого, воспоминания той информации, которая в какой-то определенной форме была ранее предъявлена. Вполне можно согласиться с Хофманом, который считает, что идея о существовании двух систем репрезентации "ведет в тупик". "...Образная и семантическая репрезентации по содержанию неотличимы друг от друга."¹ Положение о том, что независимо от характера стимуляции воспринятая информация сохраняется в памяти в качестве смыслового материала как раз легко подтвердить экспериментально. Так, если испытуемому предъявить стимульный ряд, составленный из рисунков или слов, которые обозначают хорошо известные предметы, и после запоминания попросить опознать те стимулы в наборе, где произведена замена рисунка словом и наоборот (например, слово "стул", предъявленное в стимульном ряду, заменить рисунком стула в наборе, предъявленном для опознания), то испытуемый практически не замечает такой замены². Как при запоминании изображений, так и при запоминании вербальной информации происходит осмысление значения стимула. В том случае, когда в качестве стимулов используются

¹Хофман И. Указанное сочинение. С. 134.

²Хофман И. Указанное сочинение. С. 57.

Память как интегратор смыслового содержания психики синтаксически различные вербальные сообщения, имеющие идентичное содержание, испытуемые также в воспроизведении не делают различия между ними. Например, предложение "Борис подарил Берте розы" идентифицируется методом узнавания как стимульное, хотя таковым было предложение "Берта получила от Бориса в подарок розы"¹.

Представления о смысловой природе мнемических следов разделяют и когнитивно ориентированные психологи. П. Линдсей и Д. Норман указывают: "Память записывает и хранит смысл."² Узнавание ранее воспринятой информации будет тем эффективнее, чем более наличная информация схожа по смыслу с запомненной. Д. Норман считает, что знания в памяти структурированы в виде определенных смысловых блоков. Одним из таких блоков является "семантическая сеть", в которую объединяются разрозненные смысловые данные в связанное целое. В семантические сети включаются "узлы" и "отношения". "Узел" в сети является некоторым смысловым содержанием, "отношение" - связь между этим содержанием и определенным понятием или классом. В свою очередь, классы могут дифференцироваться на подклассы.

Рисунок 1. (Д. Норман, 1985)

На рисунке 1 показана семантическая сеть, где "человек" и "человек" - это узлы сети, одна стрелка указывает на отношение, то есть принадлежность "Женщина" к классу "человек", другая стрелка фиксирует отношение ("имеет") между узлами "человек" и "две ноги".

¹Хофман И. Указанное сочинение. С. 58.

²Линдсей П., Норман Д. Переработка информации у человека. 1971. С. 417.

Память как интегратор смыслового содержания психики
 Причем, как указывает Норман, понятие "две ноги" должно быть представлено сложнее, чем показано на рисунке¹.

Еще одним блоком хранения информации являются "схемы", представляющие собой пакеты или организованный комплекс знания. Схемы содержат как знание, так и правило его использования, могут быть общими и специальными². На мой взгляд, в подходе Нормана понятия "семантические сети" и "схемы" являются настолько родственными, что их с трудом можно "развести". Собственно, и сам Норман показывает тесную связанность семантических сетей и схем и считает возможным представлять содержание схем семантической сетью. Тогда непонятно, в чем состоит функциональное отличие этих блоков памяти. Норман усматривает их отличие в том, что они представляют собой разный уровень обобщения знания, хранящегося в памяти. Схема является более крупной единицей знания³. Но, по всей видимости, и семантические сети могут строиться на основе разноуровневых отношений между классами понятий и включать в себя как частные элементарные узлы, так и узлы более высокого порядка обобщения. Думается, что дифференциация понятий "семантическая сеть" и "схема" в концепции Нормана не имеет достаточного теоретического обоснования. Еще одной формой представления информации в памяти является "сценарий". В отличие от схемы, сценарий интегрирует знание не о самих событиях, а о последовательности событий. Тем самым, сценарий является такой семантической структурой, которая объединяет в единое смысловое целое ряд действий, явлений, событий, которые связаны друг с другом в пределах определенного интервала времени. "...Сценарий - ...модель прототипного знания последовательности событий."⁴ Че-

¹Норман Д. Память и научение. М., 1985. С. 64.

²Норман Д. Указанное сочинение. С. 70.

³Норман Д. Указанное сочинение. С. 69. ;

⁴Норман Д. Указанное сочинение. С. 78.

Память как интегратор смыслового содержания психики
 ловек обладает множеством сценариев; благодаря им имеет руководство к действию, оказываясь в различных ситуациях. Но в силу того, что каждая ситуация уникальна, Норман приходит к выводу, что сценарий включает в себя прототипное знание¹. По моему мнению, можно было выделить и какие-то иные формы смысловых структур

яти, которые отражали бы информацию, полученную человеком о тех или иных связях, отношениях, аспектах действительности. Однако, полагаю, что детализация стремление непременно образом довести наши предст-

ния о структуре содержания памяти до крайней степени формализации, совсем не обязательны. Напомню, что

Мысль имеет множество своих областей, и сами эти области

ут быть организованы и как семантические сети, и как сценарии. Причем, все перечисленные семан-

тические структуры сами представляют собой совокупности областей смыслов, в свою очередь имеющие свои области

слов. Для целей настоящей работы вопрос о том, насколько организована смысловая информация в памяти, не является

голь существенным. Куда важнее утвердить мнение о том, что сама информация имеет смысловую природу и никак

другую. Поскольку только такая позиция позволяет объяснить как процессы опознания, так и феномен понимания

которого опознание невозможно.

Убедительные доказательства существования смыслового субстрата мнемки дают случаи феноменальной памяти

и Пример феноменальной мнемической способности был описан А.Р. Лурия². В течение многих лет Лурия исследовал память выдающегося мнемониста Шеришевского, который

мог запоминать любой материал в неограниченном объеме, независимо от того, каков характер этого материала

к сохранять в памяти запечатленную информацию в

Норман Д. Указанное сочинение. С. 75, 78.

Лурия А.Р. Маленькая книжка о большой памяти. В кн.: Романтизм в искусстве. М., 1996.

Память как интегратор смыслового содержания психики
 чение неограниченного времени. Во всяком случае, Лурия описывает беспрецедентный опыт, когда точное воспроизведение списка из нескольких десятков слов произошло спустя 15-16 лет после запоминания. Интерес представляет то, как Шеришевскому удавалось спустя такое время вспомнить, и всегда с неизменным успехом, нужную информацию. Вот как описывает А.Р. Лурия последовательность мнемических действий в момент воспроизведения информации, которая запоминалась Шеришевским десятки лет назад: "...Ш. садился, закрывал глаза, делал паузу, а затем говорил: "да-да... это было у вас на той квартире... вы сидели за столом, а я на качалке... вы были в сером костюме и смотрели на меня так... вот... я вижу, что вы мне говорили..." - и дальше следовало безошибочное воспроизведение прочитанного ряда."¹ Поразительно даже не то, что Шеришевский был способен помнить об огромном массиве информации продолжительное время, а то, что сама стимульная информация, предъявляемая в опытах, зачастую была нарочито бессмысленной. Например: псевдослова ("намасавана" или "ванасанована"), бессмысленные слоги, слова на незнакомом иностранном языке. При запоминании этих, казалось бы не поддающихся осмыслению стимулов Шеришевский проявлял такую же эффективность, как и при запоминании знакомых слов русского языка. Но это всегда было возможным только вследствие приписывания этим стимулам некоторого смысла, произвольного наполнения слышимых звуков или видимой графической формы определенным предметно - смысловым содержанием. Так, бессмысленное слово "самасавана" запоминалось только благодаря тому, что Шеришевскому удавалось (удавалось поразительно легко) придать этому сочетанию букв определенный смысл. Приведем точный самоотчет самого Шеришевского. "Какая простота! От ванны отходит крупная фигура купчихи ("сама"), на которую накинута белый фар-

¹ Лурия А.Р. Указанное сочинение. С. 17.

Память как интегратор смыслового содержания психики
 тук ("савана"). Я уже стою около ванны; вижу ее спину. С направляется к зданию, где Исторический музей."¹ Дес псевдослов, составленных из бессмысленного чередования О тих и тех же слогов ("наванаваасама", "насамавамама", "маванасанава" и т.д.) были воспроизведены без предвостережения через 8 лет, без затруднений и единой ошибки. Аналогичным образом Шеришевский запоминал поэтические тексты на иностранном языке сложные искусственные (ничего не значащие) математические формулы. Лурия так объясняет способность Шеришевского к запоминанию бессмысленных стимулов: "...он был принужден превращать ... ничего не значащие, бессмысленные слова в осмысленные образы. Самым коротким путем для этого было разложение длинного и не имеющего смысла слова или бессмысленной для него фразы на ее составные элементы с попыткой осмыслить выделенный слог, используя близкую к нему ассоциацию. В таком разложении бессмысленных элементов на "осмысленные" части, осмысленными они становились только для самого Шеришевского, по прежнему не имея никакого конвенционального значения. - А.А.) с дальнейшим автоматическим превращением этих частей в наглядные образы (курсив А.А.). Ш., которому пришлось ежедневно по несколько часов тренироваться, приобрел поистине виртуозные навыки на основе этой работы... лежала "семантизация" звуковых образов; дополнительным приемом оставалось использование синестезических комплексов, которые и тут применяются "страховать" запоминание"². Хочу заметить, как последовательность когнитивных операций выстраивалась у Лурия, анализируя технику запоминания бессмысленных стимулов, которую использует Шеришевский. Сначала происходит семантизация и только затем осмысленные части материала превращаются в наглядные образы. По

Лурия А.Р. Указанное сочинение. С. 38.

² Лурия А.Р. Указанное сочинение. С. 32:

Память как интегратор смыслового содержания психики мер феноменальной памяти Шеришевского доказывает, что иначе, как в смысловом виде информация в памяти не сохраняется. Подтверждением тому можно считать и другие описанные в литературе случаи выдающихся мнемических способностей¹.

Надо считать вполне резонными возражения тех, которые, признавая осмысленный характер произвольного запоминания, полагают, что всю феноменологию памяти нельзя сводить исключительно к опосредованным волей, а значит и сознанием, формам запечатления. Известно, что при произвольном запоминании перед субъектом не стоит мнемическая задача. Его актуальная психическая активность локализована в русле, определяемом иными текущими познавательными целями. Несмотря на это, субъект способен запоминать, а в ряде случаев эффективность произвольного запоминания даже превышает эффективность произвольного. Однако, как убедительно показали экспериментальные исследования П.И. Зинченко, трактовка произвольного запоминания как непосредственного, автоматического, случайного, не контролируемого сознанием запечатления является в корне неверной. Зинченко экспериментально показал, что произвольное запоминание зависит от характера деятельности, в которую актуально включен человек. Иными словами, произвольное запоминание - есть продукт этой деятельности. В свою очередь, такой вывод позволил Зинченко вывести весьма существенное в методологическом плане следствие, касающееся природы психического отражения. Он указывал: "Любое психическое образование... является не результатом пассивного зеркального отражения предметов и их свойств, а результатом отражения, включенного в действительное, активное отношение субъекта к этим предметам и их свойствам. Субъект отражает действительность и присваивает любое отражение действительности как субъект

¹Солсо Р.Л. Когнитивная психология. М., 1996. С. 269 - 272.

Память как интегратор смыслового содержания психики действия, а не субъект пассивного созерцания."¹ Фактически, выраженная в такой позиции мысль означает, что психически здоровый человек в состоянии сознания, независимо от того, на что направлено его внимание (ведь в феномене произвольного запоминания субъект не ориентирован на решение мнемической задачи), является всегда по отношению к внешнему миру субъектно настроенным, познательно заинтересованным, созидающим этот мир в акте осмысленной деятельности.

Близкие положения выраженной выше точки зрения относительно смыслового субстрата мнемической памяти высказаны Смирнов И.В., Безносюк Е.В., Журавлев А.Н. в своей работе "Психотехнологии: Компьютерный психосемантический анализ и психокоррекция на неосознаваемом уровне" (Москва, 1995). Они базируются на том положении, что любая воспринятая информация является для субъекта отражением информацией семантической: "либо она уже имеет психосемантический эквивалент, либо, в случае новизны стимула, такой эквивалент сразу образуется за счет выделения общих признаков с возможными коннотатами. Возникает *смысл* сигнала."² Поскольку вся ранее полученная информация хранится в памяти, последняя представляет собой многомерное семантическое пространство, которое в содержательном аспекте заполнено семантическими элементами, "изменчиво связанными между собой". Многомерность памяти авторы видят в том, что один и тот же элемент может одновременно существовать в различных семантических сетях. Об этом я говорил ранее, введя понятие "область смысла". Опираясь на анализ семантических

¹Зинченко П.И. Произвольное запоминание и деятельность. // Психология памяти. Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.Я. Романова. М., 1991. С. 474.

²Смирнов И.В., Безносюк Е.В., Журавлев А.Н. Психотехнологии: Компьютерный психосемантический анализ и психокоррекция на неосознаваемом уровне. М., 1995. С. 68.

Память как интегратор смыслового содержания психики природы памяти, указанные авторы формулируют ряд положений, лежащих в основе предложенной ими концептуальной модели психики. Приведу лишь несколько из этих положений, которые, главным образом, касаются рассматриваемой в настоящей главе темы.

- 1) Все категории психического являются дериватами многомерных связей памяти, представляющей собой непрерывную самоорганизующуюся семантическую систему с многомерными связями между ее элементами.
- 2) Семантическая память может быть представлена как статический континуум, только если она пассивирована (например, в состоянии глубокого наркоза); в активной форме память представляет собой непрерывно флюктуирующий процесс взаимодействия семантических элементов.
- 3) Психосемантические элементы представляют собой сугубо информационные образования, каждое из которых в активной памяти не может существовать само по себе, но только в связи с другими элементами.
- 4) Количественная представленность одного психосемантического элемента в различных измерениях семантической памяти (или количество его связей с другими элементами) может быть измерена экспериментально и соответствует эмпирическому понятию "значимость сигнала".
- 5) Не имеет значения, какова физическая природа носителя семантических элементов психики (нейрохимический код или незатухающая реверберация возбуждения).
- 8") Всякая однажды воспринятая семантической памятью информация приобретает психосемантический эквивалент, совокупность которых, накапливаемая по мере развития особи, и составляет суть явления отражения, т. е. внутреннюю картину мира.

Память как интегратор смыслового содержания психики

- 9) Процесс памяти непрерывен: нельзя разорвать его, кроме как разрушив материальный субстрат памяти."

Практически все положения данной модели согласуются с тем, что уже было мною ранее сказано. Однако, следует отметить то обстоятельство, что признание смысла собственного субстрата памяти не является самодостаточным. Почему именно смысл, а не что-то иное может выступать содержательным элементом опыта, зафиксированным в памяти? Почему так существенно для объяснения жизни принятие смысла в качественной основе психики? Мне представляется важной задача интеграции в одно концептуальное построение идеи о смысловом характере памяти и представлений о функциях, реализуемых сознанием, чья специфика не может мыслиться вне природы того материала, из которого строится мир психической реальности. В последующих главах будет предложен вариант такой интеграции, исходя из главного постулата: при анализе психики нельзя изолировать друг от друга материал, структуру и функцию.

II ПАМЯТЬ В ОТНОШЕНИИ К ПСИХИЧЕСКОМУ ВРЕМЕНИ

Что, собственно, возможно понять?

Иванов И.В., Безносюк Е.В. Журавлев А.Н. Указанное сочинение.

Память в отношении к психическому времени

Предметом понимания единственно может выступать смысл. Надо сказать, что понять и означает "смыслить"¹. Психическое пространство - это пространство смыслов. Психические процессы строятся из смыслового материала. Семантический вакуум - это состояние психической смерти. Психика не терпит семантической пустоты. То, что было ранее осмыслено и не предполагает дальнейшего понимания, из сознания исчезает. Подтверждением этому могут являться факты стабилизированных изображений на сетчатке глаза, стабилизированных предметов (кольцо, часы) относительно рецепторного участка тела, монотонный звук, который через определенное время перестает субъектом осознаваться. В диапазоне сенсорно - перцептивных форм отражения к аналогичным феноменам следует отнести потерю вкусовой чувствительности к тем вкусовым агентам, которые в течение какого-то времени вызывали свойственные им вкусовые ощущения; утрату обонятельной способности, при различении запаха, который на протяжении некоторого времени окружает человека.

Многочисленные эксперименты, проведенные в условиях сенсорной депривации, показывают, что нахождение человека в стимульно обедненной среде уже через непродолжительное время вызывает деформацию всех психических функций. И.К. Эрик Гундерсон и Пол Д. Нельсон, занимавшиеся изучением физического и психического состояния людей, находящихся в условиях недостаточной стимуляции, пришли к выводу, что в условиях "ограниченной стимуляции... в течение длительного времени человек испытывает нарушение сна, депрессию, ранимость и возбудимость"². А. Тоффлер, характеризуя психические измене-

¹Словарь современного русского литературного языка. Т. 13. М. - Л., 1962. С. 1450.

²Гундерсон Э., Нельсон П. Влияние биографических факторов на действия в экстремальных ситуациях. // Journal of Psychology. 1965. № 61. С. 59-67.

Память в отношении к психическому времени

ния людей, находящихся на антарктических станциях, вызывает на то, что с течением времени полярники обнаруживают все признаки психологического истощения, начиная от быстрого утомления, ухода в себя, заканчивая полн апатией¹. Чувство одиночества, подавленность, немотивированная агрессия, ослабление самоконтроля - вот далеко не полный перечень тех негативных последствий, которые имеют место в условиях изоляции в стимульно - дефицитной среде. Не случайно одиночные заключения являются наиболее суровым наказанием в исправительной практике. Еще Д.О. Хебб обнаружил, что сенсорная депривация <рицательно влияет на эффективность мыслительной д

п>ности. Получены многочисленные свидетельства влияния нахождения человека в депривированной среде на психические процессы. Испытуемые, участвовавшие в экспериментах, отмечали нарушения способности концентрации внимания, нарушения памяти, невозможность мыслить ясно. В ряде случаев были отмечены яркие галлюцинозные явления. Кроме этого, нарушается восприятие временных промежутков вплоть до потери чувства времени.

ей работе "Сенсорная и перцептивная депривация" И. Майерс отмечает: "Большинство субъектов с труд перживали сенсорную изоляцию, имели склонность уходу в себя и мало желания повторять опыт... Они испытывали тягостное утомление, беспокойство, возбудимость мысленной концентрации, размывание границ на, бодрствования и реальности... Выполнение задач требующих умственного напряжения, стремилось к упадку..."². На основании результатов экспериментов Майерс делает вывод: "Сенсорная депривация явно увеличивает потребность в информативной стимуляции, но не обязательно в относительно излишней и бессмысленной стимуляции". А. Тоффлер считает, что потребность в получении

¹Тоффлер А. Футурошок. СПб., 1997. С. 426 - 427.

²Цит. по: Тоффлер А. Указанное сочинение. С. 428.

Память в отношении к психическому времени

информации, потребность в новизне информации является едва ли не самой важной для нормального функционирования психики. Человек пытается всегда изменить условия таким образом, чтобы возратить уровень стимуляции в "адаптивный ряд"¹. С данной позицией в полной мере согласуется мнение Б.Г. Ананьева, который говорил о том, что аффективная напряженность, являющаяся следствием сенсорного голода, есть не что иное, как "проявление потребности в информации"². Чувственное отражение возможно благодаря изменению во взаимодействии субъекта отражения и отражаемой реальности. Изменение является своего рода априорным условием, делающим возможным сенсорно - перцептивное отражение. Это хорошо понимал Б.Г. Ананьев, полагая, что продукты психического отражения в своих домыслительных разновидностях являются фактически производными по отношению к эффектам отображения изменений в субъектно - объектных взаимодействиях. Ананьев отмечал, что все формы чувственного отражения, к которым он относил ощущение, восприятие и представление, нельзя отрывать от их содержания, то есть, "отражения движущейся материи"³. Мысль, которую преследовал Ананьев, понятна: отражение строится на основе эффектов изменения субъектно - объектного взаимодействия в процессе чувственного отражения. И, думаю, сам Ананьев (хотя он был столь велик, что мог бы, конечно, это проигнорировать), согласился бы с моим замечанием (которое исключительно принципиально) относительно того, что "отражение движущейся материи не может являться содержанием "ощущения, восприятия и представления - основных форм чувственного отражения". Отражение, являющееся содержанием продуктов пусть даже и качествен-

¹Тоффлер А. Указанное сочинение. С. 429.

²Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды. В 2-х томах. Т.1. М., 1980. С. 182.

³Ананьев Б.Г. Теория ощущений. Л., 1961. С. 79.

Память в отношении к психическому времени

но иного отражения, - это полный абсурд. Я думаю, радостное торжество истины, Ананьев простил бы меня за допущенную дерзость.

В психологии мышления хорошо известен феномен семантического насыщения. Так, если какое-то слово повторять подряд несколько десятков раз, оно субъективно бессмысливается, хотя, понятно, что вследствие этого оно утрачивает своего значения, так как значение принадлежит слову. Интересно, что психологами до сих пор не предложены сколь-либо состоятельные объяснения этого феномена. Ссылка на то, что многократное повторение слова или фразы вызывает привыкание, только усложняет проблему, так как в этом случае требует объяснения сам механизм такого привыкания. Вопрос не в том, возникает ли привыкание, потому что воспринимается многократно действующий стимул или сам стимул расценивается как привычный по причине привыкания. Необходимо понять почему стимульная информация, лишенная новизны, утрачивает осмысленность, перестает осознаваться в дальнейшем аналогично тому, как это происходило раньше. Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо понять (и это, пожалуй, самое сложное, что может быть в объяснении работ психики), для чего человек нечто осознает, какие задачи решает сознание, в процессе отражения реальности.

Ранее уже было отмечено, что человек - есть, прежде всего, существо понимающее. Какие бы формы отражения взаимодействия с миром мы ни рассматривали, всюду можем обнаружить те или иные эффекты понимания. Понимать же можно только нечто осмысленное, при этом смыслы не лежат вне человека, человек привносит их в окружающую стимуляцию. Если даже представить себе что-то подлежащее осмыслению, то это всегда понимается (и понимается) как нечто бессмысленное. Непонимание всегда является результатом акта понимания непонимания!

Афонов А.Ю. Homo Paradoxcos: Штрихи к портрету. // В печати.

Память в отношении к психическому ер

нимание в моей интерпретации - это не только интегральный, результирующий эффект мышления, это и эффект всякого восприятия (вспомним теорию "бессознательных умозаключений" Г. Гельмгольца), это и эффект сличения смысла, производного от значения поступающей информации с семантическими следами памяти, это и эффект построения вторичного образа представления. Понимание, возникающее в процессе общения людей друг с другом, также возможно при условии наличия личностных смыслов. Другой для субъекта познания, общения и деятельности всегда выступает как некий "текст" (в общеупотребительном значении этого слова), как носитель знаковой информации (речь и ее темп и тембр, мимика, пантомимика, поза, облик, движения, "температура" взгляда и т.д.). Субъект общения всегда пытается интерпретировать этот "текст", осмыслить его, исходя из собственных гипотетических представлений. И поэтому, понять Другого - это понять себя в отношении к Другому, так как смыслы, в том числе и личностные, другого человека представлены только в самом субъекте отражения и могут быть лишь означены в процессе коммуникации¹. Понять актуальные мотивы, эмоциональный настрой, ожидания другого человека можно только исходя из собственного опыта понимания. А это значит, что о психическом мире другого человека мы можем судить только как о собственном психическом содержании. Мы знаем о том, что переживает и чувствует другой человек исключительно на основании того, что мы переживаем и мыслим в отношении к тому, что переживает и мыслит Другой. Чтобы попасть во внутренний мир Другого, мы должны заглянуть внутрь

¹ "Возможность постигнуть другого, - считал Дильтей, - одна из самых глубоких теоретике - познавательных проблем... Условие этой возможности состоит в том, что в проявлении чужой индивидуальности не может не выступать нечто такое, чего не было бы в познающем субъекте." (Цит. по: Гайденок П.П. Категория времени в буржуазной европейской философии истории XX века. // Философские проблемы исторической науки. М., 1969. С. 247 - 248.)

Память в отношении к психическому времени

я. В каких случаях понимание Другого не возникает?
 в ответствии с защищаемым мной положением любой в
 стимуляции, в том числе и социальные воздействия, пер
 могут осознаваться в том случае, если они лишены для
 овеска смысла. При этом смысл - есть монополярная соб
 енность субъекта. Поэтому эффект понимания (еще р
 черкну; понять можно только осмысленное) зависит
 работы смыслопорождающих механизмов. Представ
 бс довольно распространенную ситуацию многолетн
 Изни двух людей в браке и предположим, что это так
 оди, которые подтвердили все ожидания относительно
 друга, которые стали "неизменным стимулом" отно
 льно друг друга. Согласно логике предыдущих рассу
 то, что теряет новизну, в более широком контек
 является неизменным относительно прошлых своих <
 гоаний, перестает наполняться новым смыслом, а, знач
 перестает пониматься, так как стабилизированный см
 познания исчезает. Если партнеры в браке не открыва
 р\ в друге новое, перестают удивлять друг друга, ста
 тся предсказуемыми, привычно узнаваемыми, они теря
 аимный интерес, так как интересоваться можно толь
 что имеет элемент новизны, что не укладывается в с
 Ютипное, то есть, уже реализованное, понимание. 2
 овсем не означает, что общение предполагает постоянн
 дикальные изменения в поведении партнеров. Общ
 ругим, человек способен (хотя эта способность, по в
 димости, имеет свой ресурс) воспринимать близко
 тупая с ним во взаимоотношения, всякий раз по-ново
 крывающая новые грани его личности или, иначе, каждый }
 репонимая его, хотя личность партнера по коммуни
 ни может вообще не иметь никаких граней.

Большинство исследователей, занятых изучением п
 ологии личности, одним из важных отношений человек
 еме его взаимосвязей выделяют отношение к собств
)му "Я". Говоря об отношениях "Я" - "Я", мы пытаем

Память в отношении к психическому времени

понять парадоксальную ситуацию, когда "Я" как субъект познания пытается понять "Я", выступающее в качестве объекта познания. Другими словами, человек выступает для себя как текстовое образование, и настолько, насколько этот текст сложен, незнаком, насколько он вызывает напряжение в стремлении к пониманию, настолько, по всей видимости, человек принимает себя, обнаруживает свою жизненность и, тем самым, преодолевает конечность своего существования, всякий раз выходя за пределы самого себя. В противном случае, он теряет чувство собственного "Я", теряет интерес к себе, болезненно переживает одиночество, испытывает скуку в общении с самим собой. В.В. Налимов отмечает: "выход из драматизма поиска нового порождает скуку. Скука может стать нестерпимо скучной". По мнению Э. Фромма, в современном технократическом обществе скука является постоянным спутником большинства людей. Причем, Фромм характеризует скуку не только как хронический недуг, состояние депрессии или как результат недостижимости, но и как "патологию нормальности". "...Состояние обычной, "нормальной" скуки, как правило, человеком не осознается. Многие люди умудряются найти ей компенсацию, сознательно стремясь в суете сует утопить свою тоску,"² - указывал Фромм. Видя в феномене скуки наиболее страшное гуманитарное зло, Фромм полагает, что в современном мире "одна из главных целей человека состоит в том, чтобы "убежать от собственной скуки". Только тот, кто правильно оценивает интенсивность реакции на ничем не компенсируемую скуку, может представить себе силу импульсов, которые способны вызывать скуку."³ Пути компенсации скуки поистине неисповедимы. Так, А. Тоффлер приводит примеры бегства от скуки, которые сегодня едва ли кого-то могут удивить, что уже само по

¹Налимов В.В. Спонтанность сознания. М., 1989. С. 178.

²Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994. С. 213.

³Фромм Э. Указанное сочинение. С. 213.

Память в отношении к психическому времени

се может служить неоптимистичным диагнозом нынешнего состояния человечества: еврейские дзен - буддисты, боу - клубы, кинотеатры для гомосексуалистов, психические церкви, клубы обмена женами в Калифорнии, богатые люди, разыгрывающие бедность, программисты, зависящие от ЛСД, а также "амфетамины и транквилизаторы, гнев, изобилие, забвение. В основном забвение." В < Юй из лучших своих работ ("Анатомия человеческой деструктивности"), написанной в 1973 году, Э. Фромм приводит данные, согласно которым в США около 2 миллионов людей "находят главный интерес в том, чтобы заниматься суженками в смешанных группах, среди которых не должно быть дружеских пар"². В этом стремятся найти спасение "у себя и семьи". Бывают и более экзотические образцы аномальных проявлений стремления побороть скуку. Приведем один случай, описанный Фроммом: один подросток (17 лет - психически здоровый) бросал довольно крупные камни на крышу своего гаража и пытался "поймать" их в свой, когда они скатывались с крыши. "Он объяснял Фромму, - что для него это была единственная возможность хоть что-то почувствовать. Он уже пять раз пытался покончить собой, причем он наносил себе самые глубокие раны в самые уязвимые места, а затем сообщал об этом ... так, что его успевали спасти. Он настаивал, что чувство боли давало ему возможность хоть что-то почувствовать."³ Данные, доказывающие разрушительные для человека последствия скуки, приводят и психофизиологи. Реснист утверждает, что скука способна привести даже к такому заболеванию, как рак⁴. Но избавиться от скуки можно только

¹Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994. С. 213.

²Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994. С. 213.

³Фромм Э. Указанное сочинение. С. 218.

⁴Реснист de la, А.М. The Psychobiology of Cancer. Automatization in Health and Disease. New York. 1983. P. 233.

открывая себя заново, находясь в поиске иных смыслов, желая испытать новый опыт понимания.

У читателя может возникнуть вполне законный вопрос: "А какое отношение описанные свидетельства разрушительного значения для человека состояния депривации имеют к памяти, да еще и к рассмотрению последней в связи с феноменом времени?" Резюмируя все сказанное относительно роли изменений в субъектно - объектных отношениях, можно сделать следующий вывод: **если изменение состояния взаимодействия между человеком и отражаемой реальностью является необходимым условием существования психической проекции этой реальности, следовательно, возможности сохранения прошлого опыта в памяти должны быть обусловлены когнитивными механизмами отражения времени, так как в явлении изменения заключена природа времени.** Только благодаря восприятию времени, в более широком смысле слова, его отражению посредством познавательных процессов, происходит и отражение того, что изменяется с течением времени. Иными словами, отражение изменения (можно также говорить об отражении движения) является первичным по отношению к отражению самой воспринимаемой, представляемой или мыслимой реальности. В этом смысле в памяти хранятся следы отражения изменения объектов отражения. Динамика этих изменений в интервалы времени различна в зависимости от того, на каком уровне психического происходит отражение.

Если память запечатлевает и хранит смыслы прошлого опыта отражения, и само отражение объективной реальности производно по отношению к эффектам отражения физического времени, за которое происходит последовательная смена состояний объекта отражения, следовательно организация памяти может быть понята только исходя из представления о психическом времени, в котором существует смысловая реальность.

Одним из первых на связь памяти и отражения времени указывал Аристотель в работе "О памяти и воспоминании", хотя попытки осмыслить феномен времени предпринимались уже в период досократиков¹. По Аристотелю отражение времени происходит только посредством отражения движения, так как время - есть свойство движения. Оценка изменений, происходящих в течение некоторого интервала времени, и есть, по сути, оценка самого этого интервала времени. По Аристотелю, "через посредство памяти и на основе движения объективное физическое время воспроизводится в субъективном психическом времени души".

"Ощущение происходит от внешних предметов, а припоминание - из души, направляясь к движениям или остаткам их в органах чувств."³ Таким образом, еще до осознания связи между памятью и отсчетом времени, Аристотель соединил в единое концептуальное понятие об отражении движения, посредством которого воспринимается время изменения объекта отражения. И как следствие этого, сам объект отражения, и память о нем, происходящих в прошлом. Фактически, это Аристотель показал, что пространство и время не могут быть априорными условиями познания, так как душа отражает время и неразрывно связанное с ним пространство⁴, только вследствие отражения изменения состояния объекта отражения. По этой причине воспоминание об объекте, которое, по Аристотелю, происходит "из души".

Известное гераклитовское изречение: "Нельзя в одну и ту же реку дважды" означает, что мир представляет собой не совокупность вечных и постоянных изменений, череду последовательных событий, а непрерывное изменение, непрекращающегося движения, вечного становления. Это является центральной в философии Гераклита Эфесского. См. Веккер Л.М. Психика и реальность: Единая теория психических процессов. М., 1998. С. 509.

Аристотель. "О душе". /Собрание сочинений в 3 т. М., 1984. Т. 1. Известно, что Эйнштейн использовал одно понятие: "пространство".

имеющей след прежнего отражения внешнего предмета также включает в себя это исходное условие отражения, а именно: отражение движения. Поэтому воспоминание о событии - это и воспоминание о том, как это событие происходило в прошлом, а не только что это за событие.

После Аристотеля к проблеме отношения памяти ко времени не обращались в течение многих веков¹. К феномену времени был проявлен интерес лишь в 18 веке. Известно, что не менее великий мыслитель прошлого, ставший поворотным пунктом в историческом движении философской мысли, Иммануил Кант, считал время априорным условием человеческого познания. Согласно Канту, идея времени не может быть выведена эмпирически. Кант называл время "чистой формой чувственного созерцания"², "формой внутреннего чувства, то есть созерцания нас самих и нашего внутреннего состояния"³, "априорным условием всех явлений вообще: оно есть непосредственное условие внутренних явлений (нашей души) и, тем самым, косвенно также условие внешних явлений"⁴, "общие условия возможности" явлений⁵. На том основании, что время, равно как и пространство, нельзя сделать объектами эмпирического познания, иначе говоря, невозможно себе представить время и пространство в качестве тех вещей, которые мы могли бы непосредственно запоминать, Кант делает вывод о том, что наше познание (или он чаще говорит о созерцании) имеет своим априорным условием Пространство и время. Изменения, которые происходят в мире, отражаются не сами по себе, а через отражение объекта изменения. "Движение предполагает восприятие чего-то движущегося,"⁶ - писал

¹Исключение, пожалуй, составляет Плотин, который считал, что прошлое и будущее существуют только в контексте настоящего времени.

²Кант И. Критика чистого разума. Минск, 1998. С. 137.

³Кант И. Указанное сочинение. С. 139.

⁴Кант И. Указанное сочинение. С. 140.

⁵Кант И. Указанное сочинение. С. 137.

⁶Кант И. Указанное сочинение. С. 147.

Кант. На том основании, что изменяется не время, а находящееся во времени, Кант приходит к заключению, что понятие изменения нельзя причислить к априорным условиям. Такими априорными условиями могут быть только пространство и время, поскольку, согласно Канту, "все другие относящиеся к чувственности понятия, даже понятие движения, соединяющее в себе и пространство, и время, представляют нечто эмпирическое"¹. Таким образом, Кант движение или изменения связывал с априорными условиями, при которых только и возможна фиксация изменения воспринимаемого объекта. Говоря о том, что явление не существует вне нашей способности к созерцанию, Кант, фактически, отрицал существование физического времени: "пространство и время безусловно необходимы и принадлежат нашей чувственности"². Все свойства объектов и взаимосвязи между явлениями в пространстве и времени по мысли Канта, перестали бы существовать, так как познание вещей в себе невозможно, а вещи для нас и явления "могут существовать только в нас, а не сами по себе"³. Отсюда Кант делает вывод о том, что "пространство и время исчезли бы", если бы "мы устранили не объект или же только субъективные свойства нашего познания в вообще"⁴. Таким образом, понятие времени у Канта относится только к условиям познания, а не к познаваемому миру. Отражение изменения, на мой взгляд, происходит благодаря времени, как априорной форме познания; изменение и является собой, собственно, отражение времени. Или, другими словами, через отражение изменения состояния или свойств объекта мы приходим к познанию о существовании объективно существующих явлений. Изменение - есть сущность времени. Отражая

¹И. Указанное сочинение. С. 146 - 147.

²И. Указанное сочинение. С. 148.

³И. Указанное сочинение. С. 147.

⁴И. Указанное сочинение. С. 147.

Память в отношении к психическому времени

менения, происходящие в мире, мы, фактически, отражаем мир, в котором действует время, или время, в которое помещен мир. Мир человеку дан как его отражение. Физическое время вследствие эффекта отражения становится психическим временем. Но на основании того, что мы не имеем возможности судить об объективном положении вещей и о природе физического времени, которое существует вне нас и независимо от нас, у нас еще нет оснований отрицать существование как действительного мира, так и объективного времени. Важно знать не то, какие есть и как организованы априорные формы нашего чувственного познания, а как возможно наше эмпирическое познание. Хотя, конечно, трудно полемизировать с Кантом, однако, я бы рискнул считать его понимание феномена времени, мягко говоря, не совсем точным. Время не априорно, а апостериорно, если за опыт принимать эффекты отражения изменения в субъектно - объектных отношениях. Понятно, что если уж Кант мог ошибаться, мне тем более это позволительно.

Математик, физик и астроном Лаплас считал, что время - есть впечатления, оставляемые в нашей памяти последовательностью явлений¹.

Позже, в конце 19 века, проблема времени становится предметом размышлений французского философа Ж. Гюйо, который отождествлял психическое время с сенсорным и считал, что идея последовательности, то есть идея, которая служит основой для понятия времени, является результатом не мыслительных усилий, а мышечных и внутренних ощущений. Иначе, отображение времени напрямую связывалось с мышечными ощущениями, а через них с движением². Наиболее интересные взгляды на природу психического времени и его связи с мнемическими процессами выразил А. Бергсон. Он убедительно показал, что если отражение времени покоится на отражении длитель-

¹См.: Моисеева Н. Время в нас и время вне нас. Л., 1991. С. 5.

²Гюйо Ж. Происхождение идеи времени. СПб, 1899.

Память в отношении к психическому времени

ости, значит настоящее нельзя изолировать от прошлого и будущего. О прошлом, настоящем и будущем можно говорить только под углом зрения их последовательного перетекания друг в друга. Немаловажный вклад в разработку суждаемой проблемы внес Б. Рассел, который считал, что то, что мы называем прошедшим, понимается нами благодаря "переживанию следования в течение одного являющегося настоящего"¹. Прошедшее всегда дано как настоящее, и тем не менее, воспоминание в настоящем Рассел считал воспоминанием о событиях прошлого, хотя эти события не существуют в настоящем, и содержание актуального состояния сознания в настоящем. В настоящем, тем самым, по Расселу, существует и прошлое, ведь "...для того, чтобы знать, что мы имеем в виду под словами "то, что я вспоминаю, было", нужно было слово "то" относиться к какому-то настоящему состоянию сознания, и, вместе с тем, если только слово "было" действительно выражает то, что было, это слово "было" должно относиться к чему-то, имевшему место в прошлом таким образом, выходит, что слово "то" должно относиться к чему-то такому, что одновременно является и настоящим, и прошедшим."² Однако, несмотря на то, что Рассел обращал на парадоксальную специфичность человеческого воспоминания, а именно, ее актуализацию в настоящем, и отсюда вытекающую особенность содержания текущего мнемического процесса, он, тем не менее, считал "время являющимся объективным, а не субъективным, а объективным же время, или иначе психическое время в

относится к прошедшему, "подобным же образом объективным пространством воспринимаемый ... стол находится там, а в физическом пространстве он находится в другом месте".

Б. Рассел. Человеческое познание. Его сферы и границы. Киев, 1997.

¹ Б. Указанное сочинение. С. 232.

² Б. Указанное сочинение. С. 233.

Память в отношении к психическому времени

здесь"¹. Отсюда Рассел делает вывод, что существует два источника познания времени: один представляет собой "восприятие следования в течение одного являющегося настоящего, другим является воспоминание"². Разграничивая объективное и субъективное время, Рассел, по существу, настоящее, или происходящее "здесь и теперь", отождествляет с объективным физическим временем, понимая психическое время как место, где локализовано то, что составляет содержание воспоминания. Однако, если мы пытаемся понять, как человек отражает объективную реальность, физические пространство и время, мы должны понять, как эта реальность и как эти пространство и время отражаются в человеке, как они в нем представлены. Ранее уже многократно было сказано, что человек, живя в объективном мире, а значит и будучи локализованным в определенной точке пространственно - временного континуума, отражая этот мир и происходящие в нем изменения, выступает в качестве смысловой модели этого мира. Поэтому любые события психического свойства случаются только в психическом пространстве и психическом времени. Физический мир имеет свои пространственно - временные характеристики, мир человеческой психики - свои. Тот стул, о котором пишет Рассел, "находясь здесь", то есть занимая место в физическом пространстве, в субъективном мире является образом стула в психическом пространстве со своей психогеометрией, равно как и восприятие этого стула в актуальный момент времени включает в себя воспоминание обо всем том, что делает данное восприятие осмысленным. То есть, актуальное восприятие и воспоминание не являются двумя обособленными друг от друга источниками познания времени, как это считал Рассел. Для того, чтобы воспринимать в "являющемся настоящем", необходимо помнить обо всем том, что было в прошлом и что обеспечивает восприятие в

¹Рассел Б. Указанное сочинение. С. 242.

²Рассел Б. Указанное сочинение. С. 233.

Память в отношении к психическому времени

ИМ **гоящем**. В свою очередь, вспоминая о прошлом опыте **оходимо** было когда-то этот прошлый опыт испытать в качестве актуальных состояний сознания. То, что Рассел **ывает** "моментом являющегося настоящего", скорее **С** **ало** бы назвать "психическим настоящим". Такое психическое настоящее, с одной стороны, неразрывно связано с **прошлым**, так как отношения "предшествования" (в терми

Рассела) являются "элементом переживания как в **г** **ия** изменения, так и воспоминания", так и с будущим. **сколь**ку сюда также включается "непосредственное **ож** **ние**". Именно благодаря памяти, согласно Расселу, **р** **и** **ряется** время являющегося настоящего. Именно благодаря памяти в сознании могут присутствовать **события** **которые** происходили в продолжительные периоды времени. Память, таким образом, расширяет время, в котором **человек** живет. Рассел писал: "Каждый момент моего опыта **держит** в себе пространство восприятия, которое не является **пространством** физики, и время восприятия и воспоминания, которое не является временем физики и истории **прошлое**, каким оно было в свое время, не может быть **отождествлено** с моим воспоминанием о нем, и моя **объективная** история, которая имела место в объективное время **отличается** от субъективной истории моих настоящих воспоминаний, которые объективно имеют место *теперь*."²

Зафиксировать изменения, с идеей которых **связано** **восприятие** времени у человека, возможно лишь в результате **отражения**, а все, что является результатом отражения.

4 числе и время, является в человеке психическим, но не **как** **физическим**. Так или иначе, мысль о том, что физическое время воспринимается человеком только посредством **отражения** изменений состояний определенного объекта **отражения**, Расселом была высказана вполне **определенно**

¹Рассел Б. Указанное сочинение. С. 227.

²Рассел Б. Указанное сочинение. С. 229.

Память в отношении к психическому времени

А.С. Эддингтон разделяет время на относительное физическое "фиктивное" время и "наше чувство времени", которое относится к феноменологии психического отражения. О чувстве времени, согласно Эддингтону, имеет смысл говорить только в отношении "к линейной цепи событий вдоль нашего собственного пути через мир"¹. Вместе с тем, Эддингтон, базируясь на принципах теории относительности, считает, что физическое время не является однородным и не может рассматриваться изолированно от наблюдателя². То есть, физическое время всегда связано с системой отсчета, которая определяется позицией наблюдателя, движущегося вместе с Землей. Эддингтон иронично заметил, что "возможность, предоставленная грядущим поколениям," найти отличие истинного времени от множества фиктивных времен (зависящих от системы отсчета), "все же не является извинением отсутствию смысла" в утверждении, что единое "истинное равномерно - текущее время" существует³. Нас в данном случае, конечно же, не должны интересовать такие тонкости. Существует ли единое объективное физическое время или представление о физическом времени зависит от локализации наблюдателя в определенной точке Солнечной системы, с точки зрения изучения времени как психического феномена, представляет малый интерес. Физическое время существует. Это достоверная реальность. А какое оно по своей природе: истинное или фиктивное, думаю, не столь важно знать. Важно, с чем мы имеем дело при анализе времени как следствия отражения, то есть, что из себя представляет психическое время.

Надо отметить, что понятие "психическое время" введено Дж. Уитроу, которому принадлежит многосторонне'

¹Эддингтон А.С. Теория относительности. М. - Л., 1934. С. 46.
²Об этом говорил еще А. Эйнштейн, считая, что "указание времени имеет смысл лишь тогда, когда указывается тело отсчета, к которому оно относится." (Эйнштейн А. Физика и реальность. М., 1965. С. 180.)
³Эддингтон А.С. Теория относительности. М. - Л., 1934. С. 22.

Память в отношении к психическому времени

свещением проблемы времени в контексте философии естествознания¹. В результате анализа феномена психического времени, Уитроу приходит к выводу, что восприятие, да и само осознание чего - либо в настоящем неизбежно требует присутствия во время осознания событий, уже ранее происшедших, так как восприятие времени - это восприятие комбинации, состоящей из длительности, последовательности и одновременности: "Сначала нам необходимо отметить тот факт, что прямое восприятие изменения, хотя и определенно обнаруживается в виде последовательности, требует одновременного присутствия при нашем опыте пин событий в другой фазе представления. Комбинация одновременности и последовательности в нашем восприятии означает, что время нашего сознательного опыта скорее похоже на движущуюся линию, чем на движущуюся точку."² Уитроу обозначил самое важное парадоксальное свойство памяти, которое можно назвать "свойством сцепления времени", поскольку именно память сохраняет последовательность событий и организует эту последовательность в симультанную структуру настоящего. Как писал Уитроу, "если два события представляются происходящими последовательно, тогда, как это ни парадоксально, они должны также мыслиться одновременно"³. Именно Уитроу наглядно показал, каким образом память связана с настоящим, то есть он впервые раскрыл характер этой связи, указав, что прошлое, представленное как последовательность и длительность событий, оживает в настоящем в виде [повременной структуры прошлого опыта. Память не только симулирует, но и симулирует симулирует симулирует симулирует]. То, что происходило в течение долгого времени, не только сконцентрировано в настоящем в эффекте одновременного присутствия прошлого в актуальном содержании

¹Уитроу Дж. Естественная философия времени. М., 1964.
²Уитроу Дж. Указанное сочинение. С. 102.
³Уитроу Дж. Указанное сочинение. С. 99.

Память в отношении к психическому времени

нии сознания. Самой простой и наглядной экспериментальной демонстрацией такого рода симультирования сукцессивного ряда моментов прошлого является известный "фи-феномен" (феномен стробоскопического движения). Если последовательно предъявлять испытуемому два световых стимула, то восприятие этих стимулов будет зависеть от того, какой временной интервал их разделяет. При интервале более 60 мсек., стимулы будут восприниматься как две последовательно загорающиеся точки, то есть сукцессивно. При интервале менее 30 мсек., последовательность действия стимула испытуемым не будет отмечаться, восприятие в данном случае становится симультированным. В диапазоне от 30 до 60 мсек., будет наблюдаться кажущееся движение. Иллюзия кажущегося движения имеет место также при восприятии киноизображений, где эффект движения создается благодаря последовательной демонстрации неподвижных изображений с определенной частотой. Кажущееся движение обнаружено также в других сенсорных модальностях, а именно, в осязании. Если с определенной скоростью поочередно прикоснуться к двум точкам кожной поверхности, создается ощущение движения стимула из одной точки в другую. Аналог кажущегося движения для слуховой модальности может быть продемонстрирован посредством предъявления двух звуковых сигналов (например, щелчков) на разные уши через короткий промежуток времени. В этом случае такие звуковые сигналы будут восприниматься как один сигнал, движущийся сквозь голову. Хорошо известно, что фактически первые экспериментальные исследования в психологии, проводимые в лаборатории, а затем институте экспериментальной психологии В. Вундта, касались слухового восприятия. Используя простейшие методические средства, в частности метроном,

Креч Д., Крачфилд Р., Ливсон Н. Восприятие движения и времени. // Общая психология. Раздел III. субъект познания. Выпуск III. Экспериментальные исследования восприятия. Часть 2.1. М., 1997. С. 44.

Память в отношении к психическому времени

■ пытался определить, сколько ударов метронома, конечно, естественно, во времени расположены последовательно, удерживается одномоментно в сознании воспринимающего их человека. Кроме того, анализируя опыт восприятия ряда ударов метронома и сопоставляя величины таких рядов, Вундт делает следующий вывод: для того чтобы установить равенство двух рядов, необходимо, чтобы "каждый из них был дан в сознании целиком". В этом с целостной временной симультированности интегрируются моменты времени. В феноменах кажущегося движения является сочетание симультированности восприятия и отсюда последовательности, отображения, которое было бы возможным без участия памяти. Таким образом, временной симультированности присутствует весь сукцессивный ряд изменения состояния объекта отражения памяти восприятие не просто бы лишалось сукцессивности, но и становилось бы дискретным. И в каждом дискретный момент времени человек бы абсолютно знал то, что имел бы перед глазами. В каждом настоящем моменте то, что непосредственно относится к прошлому, поэтому о психическом времени можно говорить только как о величине, постоянно обращаемой. Нельзя указать все возможные вектора обратимости психического времени, так как оно не только не является многонаправленным, но, по всей видимости, в каждом моменте является многонаправленным, или, иначе, перманентно многонаправленным.

Психическое время - это всегда психическое настоящее. Которое можно определить, используя часто употребляемый в психологии термин "здесь и сейчас". Ганзен описывает настоящее время как пересечение прошлого и будущего, что предполагает присутствие в настоящем моментами.

И И Введение в психологию. М., 1912. С. 12 - 14.
 Н В.А. Системное описание в психологии. Л., 1984. С. 45.

Память в отношении к психическому времени

тов прошлого и будущего. Опыт прошлого, оставаясь прошлым, всегда присутствует в настоящем, и только в силу этого любые познавательные и иные действия человека приобретают осмысленность. В противном случае субъект познания и деятельности оказывался бы всякий раз в ситуации, лишенный всяких опор понимания. Он каждый раз имел бы перед собой неузнаваемый мир. "Дар воскрешать прошлое так же изумителен и драгоценен, как и дар предвидеть будущее," - указывал Анатолий Франс. В психическом времени поэтому необходимо присутствует прошлое и будущее (об этом позже). Реанимированное прошлое в психическом времени, становясь настоящим, тем не менее, не перестает быть прошлым, и в этом один из загадочных парадоксов собственно человеческой памяти. Парадоксальная отнесенность событий прошлого и событий будущего к прошлому и будущему времени при их актуальной представленности в психике в наличный момент совершающегося времени - есть опознавательное свойство памяти именно как психического феномена в отличие от других видов сохранения и воспроизведения информации, например в отличие от генетической, безусловно - рефлекторной, условно - рефлекторной разновидностей биологической памяти, или памяти технических систем. Благодаря такой парадоксальной отнесенности опыта прошлого и виртуального, прогнозируемого опыта будущего к прошлому и будущему при существовании этого опыта в настоящем, обеспечивается не только сплошность человеческой жизни и, в определенном смысле, сплошность культурного развития человечества, но и создаются условия, при которых в каждый момент времени человеку дана вся жизнь целиком. Поэтому жить, конечно же, означает жить в настоящем. В свою очередь, единственная возможность существования в настоящем предполагает необходимость всякий раз выстраивать мир заново. Прошлое и будущее совершаются в каждый момент настоящего. И покуда человек жив, ничто в

Понятие в отношении к психическому времени

его жизни не может принять окончательно завершенную форму. Это в полной мере касается и событий уже прошлой жизни, так как "всякое воспоминание подкрашено тем, что есть человек сейчас..."! Понятно, что воспоминание может быть "подкрашено" самыми различными цветами, черного до розового. По этому поводу очень меткие замечания можно найти у М.К. Мамардашвили. "...Еще ничто не решено в мире", - говорил он. "В том числе и прошедшее время. Оно впервые *сейчас* (курсив М.К.) сбывается: сбывающийся смысл прошлого и будущего. А в состоянии триггерически напряженной амебии, выведенном на точку вне, мир не движется, не действует, не функционирует, .. именно сходится, собирается в со-знании (внутренняя точка)"².

Прошлое - это и то, что произошло секунду назад, то, что отделяет от текущего момента несколько месяцев или десятки лет. Поэтому следы памяти, хранящие ошпыленное прошлое, организованы в многослойную структуру, а исходя из Аксиомы 3, Следствия 5, все не актуализированное. В сознании в текущий момент времени смыслы составляют содержание бессознательной психики. Пожалуй, впервые аналогичную мысль выразил в работе "Две памяти" А. Бергсон. Он указывал, что "идея бессознательных психических состояний встречает в нас обыкновенно энергичное сопротивление, и это потому, что мы привыкли считать сознательность существенным признаком психических состояний, так что, по господствующему мнению, психическое состояние не может перестать быть сознательным, переставая вообще существовать. Но если сознательность есть лишь характерный признак настоящего, то есть действительно переживаемого, то есть действующего, то не достаточно, даже **выходя** из сферы сознания, вовсе не обязательно должно в силу этого прекратить всякое вообще с

²Эйнштейн А. Физика и реальность. М, 1965. С. 131.

²Мамардашвили М.К. Неизбежность мысли. // Человек. 1999. № 1. С.

Память в отношении к психическому времени

ществование."¹ В том, что бессознательное содержание пассивно в отношении к процессам сознания, что оно не является латентно действующим, с этим едва ли можно согласиться. Однако, тот факт, что ранее пережитое никуда не исчезает и в каждый наличный момент времени также существует, как существует актуальное содержание сознания, Бергсоном был отмечен совершенно верно. Бессознательное может быть описано как гетерархическое строение памяти, то есть, в содержательном аспекте, как прошлое сознание. (Следовательно, сознание - это будущее бессознательное, так как в последующие за текущим моменты времени, содержание сознания . будут составлять иные смыслы.) Присутствуя в каждый длящийся момент психического времени, память, тем самым, реально участвует в работе сознания, реально обеспечивает понимание, включаясь во все психические процессы, реализующие отражение и регулирующие действия субъекта. Поэтому, без сомнения, память является стержневым психическим образованием, имея свое "представительство" на всех уровнях психической организации человека. В данном случае речь идет о памяти как психическом явлении. Но, как было уже отмечено, память пронизывает также и допсихические уровни организации человека. Гетерогенность психического, исходя из вышесказанного, следует понимать не как разнородность различных элементов, а как разнородность одного и того же элемента, а именно смысла. Таким образом, иерархия модификации "биологического смысла" является структурой биологической памяти. Субстратом же памяти как психического феномена выступает психический смысл, который, в свою очередь, дифференцируется на три самостоятельных класса. Первый класс образуют когнитивные смыслы, к которым относятся смыслы, соответствующие уровням психического отражения: сенсорно - перцептив-

¹Бергсон А. Две памяти. / Психология памяти. Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.Я. Романова. М., 1998. С. 278.

Память в отношении к психическому времени

ный уровень, уровень представления и рече - мыслительный уровень. Ко второму классу относятся личностные смыслы. Третий класс образуют духовные смыслы. Таким образом становится возможным трактовать личность и индивидуальность не только как явления социального и культурного исторического порядка, но и как психические явления. Субстратом личности является личностный смысл, субстратом индивидуальности - духовный смысл. Насколько мне представляется, так описывать личность и индивидуальность с тех пор не предлагал никто, хотя, в настоящее время трудно даже приблизительно указать число существующих теорий личности и теорий индивидуальности. Практически известные подходы ориентированы на изучение или психологических свойств, или социальных отношений личности и индивидуальности. При этом, никогда не указывается, чем является личность и индивидуальность как носители своих свойств и отношений. Как следствие этого, сами психологические свойства и социальные отношения лишаются своего субстрата и как бы повисают в воздухе. Соединение психологии познавательных процессов и психологии личности, между которыми существует в настоящее время глубокий разрыв, что порой кажется, что это две абсолютно связанные друг с другом сферы психологического знания. Устранить этот разрыв должно понимание личности и индивидуальности как психических образований, которые являются "системой значимых отношений", "системой комплексов", "совокупностью черт" или "общественным индивидуумом". Личность и индивидуальность в той же степени психичны, как внимание, мышление или воля, а при таком допущении для личности и индивидуальности необходимо найти свое место в памяти как полисемантической системы. Причем, по всей видимости, гетерогенность смыслов позволяет говорить не только о различных видовых различиях, но и о полииерархизованности психических смыслов.

Память в отношении к психическому времени

ности психического опыта¹. Так, иерархия уровней памяти, относящихся к сфере личностного в психике, является психическим субстратом как личности, так, вне всяких сомнений, и ее свойств, к которым традиционно относят характер, способности, темперамент и направленность. Формирование личности происходит за гораздо большее время, чем формирование, например, перцептивного образа. Вместе с тем, личность как смысловое образование, куда более психически устойчиво, чем тот же перцептивный образ, если проводить сравнение в контексте временных изменений. **Память в отношении к психическому времени важно оценивать на основе разной степени устойчивого влияния на работу сознания различных смыслообразований бессознательного.** И, по всей видимости, чем больше временная протяженность, за которую происходит соответствующее смыслообразование (например, личность), тем важнее влияние таких смыслообразований на работу сознания. Поэтому можно говорить, что все психические процессы личностно опосредованы, понимая под этим реальное влияние личностных смыслов на течение актуального психического процесса. Проблема психического времени в современной психологии еще далеко не до конца осмыслена².

¹Аналогичную позицию занимают некоторые исследователи проблем психосемантики: "Каждое n-мерное измерение памяти является программным обеспечением поведения; совокупность таких распределенных в семантическом пространстве матриц составляет определенную категорию психического и может быть описана в терминах эмпирического языка как личность, сознание, мотив и т.д. (Смирнов И.В., Безносюк Е.В. Журавлев А.Н. Психотехнологии: Компьютерный психосемантический анализ и психокоррекция на неосознаваемом уровне. М., 1995. С. 72).

²Хотя, надо сказать, попытки теоретического осмысления феномена времени предпринимались еще с конца XIX века. Кроме Вундта в этой связи можно назвать Г. Челпанова, который придерживался весьма радикальной точки зрения: времени вне сознания не существует. Иначе говоря, Челпанов отрицал факт существования физического времени.

Память в отношении к психическому времени

Л.М. Веккер - один из немногих, кто в психологии сделал предметом самостоятельного анализа связь памяти и психического времени. Обобщая философские взгляды и эмпирико - психологические данные, Веккер, на основании анализа Лиза возникновения сенсорного времени вследствие отключения движения и связи этого базового, генетически заданного сенсорного эффекта отражения с памятью, приходит к следующему заключению: "Психическое сенсорное время неотделимо от прямого отображения движения". Следствием такого вывода является то, что "отображение длительности, последовательности и одновременности в структуре сенсорного времени взаимнонеобособимы. Временная длительность автоматически включает в себя и последовательность. В свою очередь, сенсорная последовательность как отображение последовательности физической по необходимости включает в себя элементы одновременности, в рамках которой могут быть сопоставлены моменты "раньше" и "позже". Речь идет здесь, таким образом, о специфическом сочетании временной длительности, то есть метрики времени, временной последовательности и временной же, а не пространственной одновременности. Фиксацию временной последовательности, то есть знание о том, что за чем следовало или чему предшествовало, Веккер фактически и называет процессом памяти". "Сенсорное отображение времени составляет основу процессов памяти." "Сенсорное психическое время - это временная характеристика воздействующего на сенсорный орган объекта - раздражителя", так как, согласно самому Веккеру, "общим опознавательным характеристикам психического является любое психическое явление, в том числе и время, в своих результирующих, итоговых проявлениях может быть ат-

Челпанов Г. Об априорных элементах сознания. // Вопросы философии и психологии. Кн. 56 - 60. 1901.)

Веккер Л.М. Психика и реальность: Единая теория психических процессов.. М., 1998. С. 543.

Память в отношении к психическому времени

бутировано на языке внешней относительно психики реальности. Хотя, при этом, будучи в своих интегральных характеристиках отнесенными к объекту, психические явления, конечно же, являются свойствами их носителя. По отношению к отражению времени, это в той же степени обязательное требование. Психическое время - есть время, в течение которого реализуется психическая активность субъекта отражения и действия, и, вместе с тем, психическое время - это психическая проекция физического времени. И, как справедливо указал Веккер, "временная характеристика объекта отражения относится к категории времени физического"¹.

Обратимость психического времени является специфической характеристикой времени, относящегося именно к категории психического, а не физического. Существует два направления движения в структуре сенсорного времени. От настоящего к прошлому и от настоящего к будущему. Направление от настоящего к будущему представлено процессами опережающего отражения (сенсорной экстраполяцией), или, в более широком смысле слова, процессами вероятностного прогнозирования, в терминах Выготского - "актуальным будущим полем". Формирование свойства обратимости в ходе онтогенеза, "его развитие и усиление, доведение до максимально возможных форм составляют одну из главнейших характеристик психического развития,"² - отмечал Веккер.

На исключительно важную роль, которая принадлежит памяти в расширении границ знания и увеличении планетарных возможностей человека, указывал Н.Н. Моисеев, который прямо связывал развитие форм памяти с процессом эволюции. "Генезис памяти, ее усовершенствование, возникновение ее новых форм являются важнейшими условиями мирового эволюционного процесса. И раз-

¹Веккер Л.М. Указанное сочинение. С. 548.

²Веккер Л.М. Указанное сочинение. С. 553.

Память в отношении к психическому времени

витие структур, способных вносить элементы целенаправленности в эволюционный процесс, нельзя рассматривать вне контекста развития памяти. Причем памяти, не связанной с генетическим механизмом, памяти, которая передается следующим поколениям навыки поведения, а на определенной ступени развития и знания, приобретенные предыдущими поколениями, другими словами всю ту информацию, которая не кодируется генетическим механизмом."¹

Если память может быть понята как функция сохранения смысловой информации во времени, тогда необходимо указать размерность времени и размерность пространства на времени пространства для каждой формы человеческой экзистенции, то есть для каждой ипостаси. Которой выступает человек в процессе жизни². Основываясь на ранее сформулированных положениях и модели описания человека, предлагается следующая классификация, основанием для которой служит пространственно-временная метрика существования человека.

¹Моисеев Н.Н. Человек во Вселенной и на Земле. // Вопросы философии. 1996. № 6. С. 36.

²В данном случае жизнь человека нельзя отождествлять с онтогенезом, так как "продолженность" человека в других людях значительно расширяет границы времени присутствия человека в мире.

МОДУС СУЩЕСТВОВАНИЯ	ВРЕМЯ	ПРОСТРАНСТВО
ИНДИВИД	Физическое время	Физическая среда обитания.
СУБЪЕКТ	Психическое настоящее ("сейчас").	Пространство актуального сознания ("здесь").
ЛИЧНОСТЬ	Время присутствия в других, включая пост-биографическое ¹ .	Пространство социальных отношений.
ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ	История человечества	Топос мировой культуры

В настоящее время только перечисление существующих подходов в психологии личности оказалось бы весьма трудновыполнимой задачей. Некоторые считают, что личность рождается в организме (В.В. Лоскутов, личное сообщение). Мне знакомы еще более оригинальные идеи относительно времени существования личности. Я полагаю, что В.А. Ганзен мог бы подписаться под следующими моими словами: "Разве не направляет ход жизнедеятельности человека идея о желанном, еще не зачатом ребенке? Или идея о том человеке, которого давно нет в живых? Может, человек начитается с идеи о нем и заканчивается забвением его?"

Парадокс забывания. Доказательство тотальной сохранности мнемических следов

3.2. ПАРАДОКС ЗАБЫВАНИЯ. ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ТОТАЛЬНОЙ СОХРАННОСТИ МНЕМИЧЕСКИХ СЛЕДОВ.

Обыкновенно считается, что если человек что-ли забыл, значит он это не помнит. Хотя, очевидно, что когда мы что-либо забываем, а об этом мы судим на основании того, что не можем вспомнить в данный момент времени, мы помним о том, что именно забыли. Иначе говоря, возможность в наличный момент времени, то есть в рамках текущего настоящего, воспроизвести некоторую информацию, не должно расцениваться как свидетельство отсутствия или наличия информации в памяти. Это парадоксальное свойство человеческой памяти впервые было отмечено Бл. Августином, который, с присущей ему вселенской торженностью, указывал:

"Когда сама память теряет что-то, как это случается, когда мы забываем и силится припомнить, то где производим мы наши поиски, как не в самой памяти? И если случайно она показывает нам что-то другое, мы это отбрасываем, пока не появится именно то, что мы ищем. А когда это появилось, мы говорим: "вот оно!". Мы не сказали бы так, не узнай мы искомого, и мы не узнали бы его, если бы о нем не помнили. Мы о нем, правда, забыли. Разве, однако, оно не совсем выпало из памяти и нельзя по удержанной части найти и другую? Разве память не чувствует, что она не может целиком развернуть то, к чему она привыкла как к целому? Ущемленная в привычном, словно охромев, не потребует ли она возвращения недостающего?"

Августин впервые описал хорошо известный в психологии памяти феномен "на кончике языка", обратив внимание на то обстоятельство, что, при невозможности вспо-

Августин А. Исповедь. / Психология памяти. Под редакцией Б. Гиппенрейтер, В.Я. Романова. М., 1998. С. 23.

Парадокс забывания. Доказательство тотальной сохранности мнемических следов.

нить какое-то хорошо известное имя, человек в момент попытки воспроизвести это имя, вместе с тем, ясно осознает, что это имя он помнит, но, хотя и помнит, вспомнить не может.

"Если мы видим знакомого или думаем о нем и вспоминаем его забытое имя, - говорил Августин, - то любое, пришедшее в голову, с этим человеком не свяжется, потому что нет привычки мысленно объединять их. Отброшены будут все имена, пока не появится то, на котором и успокоится память, пришедшая в равновесие от привычного ей сведения. А где было это имя, как не в самой памяти? Если даже нам напоминает его кто-то другой, оно, все равно, находилось там. Мы ведь не принимаем его на веру, как нечто новое, но, вспоминая, только подтверждаем сказанное нам. Если же это имя совершенно стерлось в памяти, то тут не помогут никакие напоминания. Забыли мы его, однако, не до такой степени, чтобы не помнить о том, что мы его забыли. Мы не могли бы искать утешительно, если бы совершенно о нем забыли. "

Тем самым, мы имеем дело с весьма интересным парадоксом мнемике: "Забыл, но помню." В настоящее время не существует доказательств того, что информация (а мы помним, что информация, хранящаяся в человеческой памяти, является по своей природе смысловой информацией) однажды попавшая в память, с течением времени может бесследно исчезнуть. Вместе с тем, психологами еще предложены логически стройные доказательства того, что информация, однажды попавшая в память, с течением времени никуда не исчезает (кстати, а куда бы она могла исчезнуть?). Как ни странно, получить логическое, а не эмпирическое подтверждение абсолютной сохранности абсолютно всех мнемических следов оказывается более трудной исследовательской задачей.

¹Августин А. Указанное сочинение. С. 23 - 24.

Парадокс забывания. Доказательство тотальной сохранности мнемических следов.

Традиционно забывание связывают с так называемым затуханием следов или с их стиранием в результате интерференции со стороны вновь поступающей информации. Иначе говоря, с одной стороны, нет никаких доказательств того, что возможна абсолютная амнезия, с другой стороны в психологии памяти говорят о стирании следов, судя, прежде всего, по факту эффективного воспроизведения человеком ранее запомненного. Так, к примеру, М.И. Еникеев, испытывая и тени сомнения, утверждает: "воспроизведение является основным критерием запоминания"¹. Эффективность воспроизведения характеризует исключительно способность субъекта к произвольному извлечению некоторого материала, хранящегося в памяти, и никоим образом не может отражать знание о том, отсутствует или наличествует та или иная информация в памяти. Если мы даже не помним о том, что хотим вспомнить, у нас нет оснований говорить о том, что когда-то ранее запомненная информация в памяти не содержится. Каким же образом удастся все-таки получить сведения о том, что индивидуум помнит определенную информацию, будучи неспособным к ее произвольному воспроизведению. Ведь, на самом деле, с тем чтобы узнать, помнит человек нечто, или нет, необходимо для начала предложить ему вспомнить искомое. Но, как было сказано, процедура воспроизведения нам не даст знания о сохранности в памяти человека того информационного материала, который был ранее запомнен, а в момент воспоминания не воспроизведен. В этой связи интересные представляют те методы исследования памяти, которые позволяют косвенно доказать, что ранее запомненная информация никуда из памяти не исчезает. Первый исследователь нагель памяти, Г. Эббингауз разработал специальную процедуру, позволяющую оценивать сохранность информации

¹ Еникеев М.И. Основы общей и юридической психологии. М., 1996. <36.

Парадокс забывания. Доказательство тотальной сохранности мнемических следов.

в памяти. Это известный всем психологам метод сбережения. В.М. Аллахвердов приводит описание и результаты одного из поставленных Эббингаузом экспериментов, который, на мой взгляд, убедительно показывает: раз запомненная информация в памяти сохраняется независимо от того, какое время она хранится. Эббингауз предлагал испытуемому запомнить ряд знаков (это могли быть как слова родного для испытуемого языка, так и, чаще всего, трехбуквенные бессмысленные слоги). Если испытуемый заучивал ряд, состоящий из более, чем 7 знаков (традиционно считается, что объем кратковременной памяти описывается магическим числом Миллера - 7 ± 2 структурные единицы), то для запоминания или, точнее, для максимально эффективного воспроизведения ему требовалось повторить заучивание стимульного ряда несколько раз. Показателем эффективности запоминания, таким образом, служит количество заучиваний и время, за которое происходит 100 %-ное запоминание. Спустя определенное время, и это может быть достаточно длительное время, испытуемого просят воспроизвести тот же стимульный ряд. Как правило, человек способен воспроизвести ни одного элемента ряда, тем более, если он составлен из "бессмысленных" слогов. Но, оказывается, что для повторного заучивания этого же ряда требуется существенно меньшее число предъявлений, по сравнению с тем рядом, который ранее не заучивался. Это, собственно, и свидетельствует о том, что такой материал уже знаком испытуемому, а, значит, имеет место в памяти. "Пусть человек уверен, что он ничего не помнит, назидательно утверждает Аллахвердов, - на самом деле, все же вполне может что-то хранить... в своей памяти. Даже когда наше сознание забывает, оно на самом деле помнит что-то из забытого, помнит то, что как бы не

ЧДиг. по: Психология. Под ред. А.А. Крылова. М., 1998. С. 117.

Парадокс забывания. Доказательство тотальной сохранности мнемических следов.

Аллахвердов также описывает пример одного из исследований памяти с помощью метода сбережения. Этот пример, на мой взгляд, представляет собой более впечатляющее доказательство тезиса о том, что ранее запомненная информация сохраняется, несмотря на эффективное ее актуального воспроизведения. Приведу дословно описание проведенного Аллахвердовым эксперимента:

"Ребенку, которому в начале эксперимента было всего пять месяцев, каждый день в течение трех месяцев зачитывали вслух три отрывка на древнегреческом языке. Каждые следующие три месяца ему читали три новых отрывка. Так продолжалось до трехлетия малыша. Позднее он никогда не учил древнегреческий язык. В возрасте 8, 14 и 18 лет ему снова предъявлялась каждый раз разная часть этих отрывков для заучивания наизусть вместе с новыми ранее никогда им не слышанными текстами. В 8 лет он выучивал старые тексты на 30% быстрее новых, в 14 лет - на 8%, хотя в 18 лет различий уже не было заметно."

Простейшим примером, демонстрирующим сохранность в памяти определенной информации при субъекте, неспособности к ее произвольному воспроизведению, является выполнение диагностического задания с использованием метода узнавания. Так, например, если человеку предъявить 20 - 25 слов, то едва ли он запомнит все слова с первого предъявления. Если этому же испытуемому после воспроизведения предложить другой ряд, который составлен как из новых слов, не входящих в первый стимульный ряд, так и из тех, которые не были воспроизведены, то испытуемый, как правило, всегда легко идентифицирует те слова, которые предъявлялись ему в первом стимульном ряду и которые он затем не смог воспроизвести. Каждый может провести подобный эксперимент и убедиться в справедливости сказанного.

Сказанное сочинение. С. 117.

*Парадокс забывания. Доказательство **тотальной** сохранности мнемических следов.*

Любые экспериментальные исследования, результаты которых доказывают сохранность мнемических следов при блокаде сознательного доступа к искомому содержанию памяти, тем не менее, не позволяют экстраполировать частные выводы относительно сохранности определенного мнемического материала на все возможные случаи запоминания, так как в эксперименте испытуемый всегда имеет дело с каким-то конкретным стимульным материалом. То есть, я хочу сказать, что сами по себе результаты любого, даже самого блестящего, эксперимента не дают оснований делать заключения о тотальной сохранности всех мнемических следов. Для подтверждения последнего необходимо иметь не эмпирические, а логические основания. С тем, чтобы определить такие основания, для начала рассмотрим вопрос о том, что обуславливает эффективность запоминания и что в современной психологии думают о сохранении информации в памяти.

В разного рода монографиях и обзорах по психологии памяти рассматривают факторы, которые влияют на продуктивность запоминания. К таким факторам относят:

1) Степень понятности или осмысленности для человека запоминаемого материала.

Очевидно, что человеку **значительно** проще запоминать то что кажется ему осмысленным. Для того, чтобы эффективно запомнить **ничего не значащую** информацию (на пример, бессмысленные слоги или буквы, **расположен**ные в случайном порядке), необходимо сначала **осмысленно** связать ее с тем, что человеку уже знакомо. А это требует дополнительных когнитивных усилий.

2) Установка на запоминание.

Понятно, что если человек мотивирован на запоминание какого-то материала, то эффективность заучивания, как правило, увеличивается по сравнению с тем случаем, **эт**гда человек не имеет соответствующей установки.

*Парадокс забывания. Доказательство **тотальной** сохранности мнемических следов.*

неоднократно находило свое подтверждение в экспериментальных исследованиях.

■ Интерес или субъективная значимость информационного материала.

То, что соответствует актуальным познавательным интересам человека, что отвечает его интересам и когнитивным потребностям, то, естественно, запоминается лучше, чем та информация, которая лишена для человека значимости.

■ Фактор края.

Начало и конец информационного ряда, как правило, запоминается лучше, чем его середина. Это объясняется действием про- и ретроактивного торможения или, иначе, негативным интерференционным влиянием начала и конца ряда на информационные единицы, расположенные в середине этого ряда.

Новизна информации.

Буква, находящаяся в ряду цифр будет воспроизводиться всегда, независимо от длины цифрового ряда. Если попытуемому предложить этот стимульный ряд через **кое-то** время, то вероятность воспроизведения буквы будет значительно выше, чем вероятность воспроизведения любой цифры этого ряда. Любая неожиданная информация запоминается лучше, чем то, что уже **хорошо** знакомо из прошлого опыта. Вес этого фактора **значительно** увеличивается, если информация, обладающая новизной, запоминается в ряду знакомых стимулов. **Каждый** из своего собственного опыта знает, что значительные, неординарные, исключительные события жизни всегда сохраняются в памяти лучше (другими словами, к ним всегда открыт доступ), чем рядовые, обыденные ситуации и обстоятельства. По всей видимости, сознание придает приоритет новому, необычному, в каком-либо отношении отличному от всего, что имело место в опыте.

Парадокс забывания. Доказательство тотальной сохранности мнемических следов.

Работа сознания в данном случае напоминает ориентировочный рефлекс, который Павлов называл рефлексом "Что такое?")

6) Структурированность.

При прочих равных условиях связанный в цельную структуру информационный материал запомнить значительно легче, чем тот, который не обладает внутренними взаимосвязями.

7) Объем материала.

Очевидно, чем больше объем информации, которую требуется запомнить, тем больше требуется времени для заучивания и повторных обращений к этому материалу.

8) Способ запоминания.

В психологии памяти является доказанным преимущество распределенного во времени запоминания перед концентрированным. Кроме этого, важным мнемотехническим приемом, который увеличивает продуктивность запоминания, является повторное воспроизведение или иначе, пересказ.

9) Характер деятельности, предшествующей запоминанию и деятельности, заключенной между запоминанием и последующим воспроизведением.

В многочисленных экспериментах (здесь достаточно вспомнить классический эксперимент Петерсонов) было показано, что деятельность, предшествующая моменту запоминания и следующая за процедурой запоминания оказывает существенное влияние, как правило, негативное, на продуктивность запоминания, что также объясняется действием мнемической интерференции. По этой причине рекомендуется заучивать какой-либо материал, например, литературный текст, перед сном, так как сон является лучшим условием, при котором минимизирован негативный ретроинтерференционный эффект.

Парадокс забывания. Доказательство тотальной сохранности мнемических следов.

Вполне возможно выделение и других факторов, например, психоэмоциональное состояние испытуемого, эмоциональная окраска самого запоминаемого материала, отдельные личностные особенности, как-то: темперамент, ситуативная и личностная тревожность и пр., условия запоминания, время, за которое происходит запоминание, и т.д. Совершенно несущественно знать точно, сколько и какие факторы влияют на продуктивность запоминания. Предположим, что таких факторов конечное число. Хотелось бы всей видимости, установить точное количество детерминирующих продуктивность запоминания факторов не представляется возможным. Все эти факторы в совокупности определяют прочность мнемического следа. Глубина этого следа и есть ни что иное, как интенсивностная характеристика смысла, хранящегося в памяти. Тем самым, эффективность запоминания, или, другими словами, глубина того словообразования, которое формируется в ходе запоминания, будет зависеть от степени выраженности, а следовательно, и от меры влияния на продуктивность запоминания перечисленных факторов.

Если когда-то информация, а, точнее, значение этой информации было осмыслено, значит в момент смыслообразования образовался мнемический след. Собственно говоря, этот мнемический след и есть ни что иное, как словообразование. Если словообразования не произошло, тогда нельзя говорить о той или иной информации, как о содержании психики. Если нечто не воспринято, то, естественно, что и не может сохраниться память об этом нечто воспринятом. Но если что-то попало в психическую сферу, то неизбежно оставило свой след, а, значит, сохраняется в памяти. Сейчас принципиально важно утверждение о том, что при запоминании образованный мнемический след имеет определенную степень прочности и определенную глубину. И я говорю, что для целей доказательств

Парадокс забывания. Доказательство тотальной сохранности мнемических следов.

тельства тотальной сохранности мнемических следов абсолютно неважно знать, какова прочность следа. Не столь существенно, каким образом определяется интенсивность этой характеристика смысла как содержания памяти, и еще менее важна величина, которая отражает выраженность этой характеристики. Когда след образован, тогда интенсивность смысла принимает значение "больше нуля": $I > 0$, где I - глубина мнемического следа (интенсивность смысла).

В том случае, если $I = 0$, говорить о каком - либо содержании психики вообще не приходится. Если в памяти ничего не отложилось, то в ней ничего и не сохранится. Надеюсь, это всем понятно.

Таким образом, можно считать вполне рациональным следующее положение: "если информация в актуальный момент времени является содержанием психики (актуальным содержанием сознания), то она остается в памяти (бессознательной психике) в качестве смыслового следа"

Со времен Эббингауза общеизвестным стало положение о том, что удержание информации в памяти зависит от времени. Чем больше интервал удержания, тем ниже продуктивность воспроизведения. Но, как я уже выше отмечал, именно по эффективности воспроизведения часто ошибочно судят о наличии или сохранности в памяти информации. Величина интервала удержания, без сомнения, оказывает существенное влияние на эффективность воспоминания. Вспомним результаты классического исследования Эббингауза. Так, Эббингауз, после 100 %-ного заучивания некоторого материала (как правило, бессмысленных слогов) вновь обращался к этому материалу спустя какое-то время. Естественно, что произвольно не удавалось теперь воспроизвести весь объем ранее запомненной информации. Тогда Эббингауз вновь заучивал этот же материал, добиваясь полного и безошибочного запоминания. Эта процедура повторялась несколько раз через определенные интервалы

Парадокс забывания. Доказательство тотальной сохранности мнемических следов.

времени. Объем сохранившейся информации в памяти определяется следующим образом: рассчитывалась разница продолжительности первого и каждого последующего заучивания, и затем вычислялось в процентах отношение этой разницы ко времени первоначального заучивания. Были получены следующие результаты:

Интервал удержания	20 мин	1 час	9 час.	1 день	2 дня	3 дня	31 день
Сохранилось (%)	59,2	44,2	35,8	33,7	27,8	25,4	21,1

Кривая забывания фиксирует зависимость объема информации, сохраненной в памяти, от времени удержания. Мы видим, что с течением времени испытуемый способен с меньше воспроизвести запомненную ранее информацию. Традиционно считается, что количество воспроизведенной информации отражает как раз сохранность той информации, что было запомнено. Я уже указал на методологическую срочность такого взгляда. Надо также отметить, что кривая забывания Эббингауза не отражает даже того, что, по моему мнению Эббингауза, она отражает, а именно: зависимость сохранившегося в памяти материала от времени хранения. Поскольку каждое повторное обращение испытуемого к стимульному материалу не может не влиять на прочность мнемического следа. Если бы испытуемый после первого воспроизведения запомненный материал воспроизвел вновь ТОЛЬКО через 31 день, то, несомненно, были бы получены совершенно другие результаты оценки эффективности воспроизведения, чем те, которые получил Эббингауз.

Время удержания влияет не на сохранность мнемического материала, а на степень доступности этого материала

Парадокс забывания. Доказательство тотальной сохранности мнемических следов.

в определенный момент времени. Иначе говоря, разрешающая способность сознания в отношении доступа к любым событиям прошлого, событиям, о которых "знает" память, регулируется временем хранения информации об этих событиях.

Теперь мы имеем возможность выразить эту зависи-

мость в следующем виде: $P \rightarrow 0$

где t - время интервала удержания;

I - глубина мнемического следа (интенсивность смысла);

P - произвольное воспоминание.

Величина " t " всегда отлична от нуля:

Это очевидно, так как воспроизведение запомненной информации может происходить только *после* момента запоминания ($t = 0$).

С увеличением времени уменьшается и способность к произвольному воспоминанию, так как событие все дальше отодвигается в прошлое. Данное утверждение

можно записать в другом виде: $\lim_{t \rightarrow \infty} P = 0$

Отсюда мы видим, что при $t \rightarrow \infty$,

$$P \rightarrow 0$$

Это означает, что в любой момент времени $P \neq 0$, ибо, как мы уже выше сказали, $I > 0$.

На основании этого логично будет ввести понятие "порог воспоминания" и выделить в памяти три относительно независимые зоны, каждая из которых, как мы помним, представляет собой совокупность смысловых областей. Первая мнемическая зона состоит из таких следов, к которым доступ для сознания всегда открыт (я уже не говорю о том, что сознание в данном случае понимается в "здесь и сейчас" своего существования). Таким образом, в

" *Парадокс забывания. Доказательство тотальной сохранности мнемических следов.*

момента времени t_x , человек произвольно способен воспроизвести ту информацию, которая было запомнена в момент времени t_0 . Эта зона фактически и является надпороговой зоной воспоминания.

Вторая мнемическая зона состоит из таких следов, доступ к которым ограничен. Однако, при попытке воспроизвести смысловую информацию, которая содержится в этой зоне, человек всегда помнит о том, что именно он хотел вспомнить, хотя при этом не может вспомнить. Это касается тот случай, которому соответствует феномен "на кончике языка". Вторая зона - это околопороговая зона, а точнее было бы сказать, околоподпороговая зона воспоминания.

Третья мнемическая зона образована из таких смысловых зон, которые память хотя и хранит, но доступ к ним для сознания всегда закрыт. Иначе говоря, в каждый момент времени сознательное усилие, направленное на воспроизведение этого содержания памяти, является невозможным, так как человек, храня в памяти эту информацию, даже не осознает то, что ему нужно вспомнить другими словами, человек помнит, но не может вспомнить, что он должен вспомнить, так как то, что он должен вспомнить, не является содержанием его актуального сознания ни в какой момент текущего настоящего.

Я сознательно отвлекаюсь от обсуждения вопроса о том, что происходит с мнемическими следами с течением времени, каким образом и в каких связях с другими смысловыми мнемическими они продолжают существовать. Ранее я вводил понятие "поле", согласно которому смысл существует независимо от своих областей. Кроме этого, смысл может существовать в различные области других смыслов. Очевидно, что смысловая информация, хранящаяся в памяти, может ассоциироваться с уже ранее запомненной информацией, обобщаться, редуцироваться и т.д. Это все правильно, и

Парадокс забывания. Доказательство **тотальной** сохранности мнемических следов.

хочу отметить следующее: в каком бы виде и каким бы образом ранее запомненная информация в памяти ни хранилась, она никогда никуда из памяти не исчезнет, даже несмотря на то, что после момента запоминания пройдет очень продолжительное время. Безусловно, "время лечит", и, как я знаю по собственному опыту, лечит весьма эффективно. Но, тем не менее, даже время не может вылечить окончательно, так как память о любом событии **жизни** сохраняется независимо от того, осознаем мы это или нет. Зачастую, вспоминая те или иные эпизоды из прожитой жизни, человек, находясь в новой точке своего жизненного пути, относится к ним совсем иначе, чем в тот момент, когда они имели место в жизни. Воспоминание, скорее всего, - это активная когнитивная деятельность, в рамках которой не репродуцируется, а реконструируется прожитый опыт. Но это ни в коей мере не противоречит тому, что образованный когда-то мнемический след не может быть стерт в памяти. А именно это я и пытался доказать.

Я предвижу множество возражений со стороны тех чьи аргументы будут строиться со ссылкой на такие хорошо известные явления, как реминисценция, ультракратковременная память (иконическая и эхоическая) а также, пожалуй, на развитую у многих, прежде всего в **подростковом** возрасте, эйдетическую способность. Относительно природы сенсорной и эйдетической памяти до сих пор не существует единого мнения. Многие просто относят эти явления к феноменологии восприятия и говорят об **иконических** эхоических и эйдетическом образах как о **последовательных** образах, которые, естественно, невозможны **без предварительного** опыта восприятия того объекта, образам которого они являются. Что касается реминисценции, то хотя это явление есть явное исключение из вышеописанного правила, однако, оно не демонстрирует абсолютное исчезновение следов памяти. Реминисценция **обязательно**

Парадокс забывания. Доказательство **тотальной** сохранности мнемических следов.

ВМ-ТО вызвана. За счет чего происходит консолидация **мнемических** следов в интервале удержания, равном 2 • псам, это предмет отдельного разговора. Я ставил перед собой единственную задачу: доказать, что стирание, записи, исчезновение, потеря информации, которая одна оказалась в психической сфере, невозможны. И считая **то** мне удалось, пусть и в исключительно примитивной форме, доказать тотальную сохранность мнемических следов. Естественно, мне очень важно знать, в чем я ошибся. Пока никто не указал мне на принципиальные изъяны описанного хода рассуждения.

Глава 4. ЗАГАДКА ПРОИСХОЖДЕНИЯ СОЗНАНИЯ В АНТРОПОГЕНЕЗЕ

Для чего человеку дано нечто, именуемое "сознанием"? Как возникает сознание в процессе антропогенеза? ВС оно возникает в онтогенезе?

Если допустить (а начальные допущения неизбежны) что сознание предназначено для порождения смыслов в процессе познавательной деятельности и их реализации в различных человеческих формах взаимодействия с миром: поведение, общение, деятельность, то в чем заключаются **условия** необходимые для возникновения у человека сознания? Вследствие чего рождается сознание? Обладает ли сознанием только человек? Или же им наделены и другие виды существа? Если на последний вопрос давать утвердительный ответ, то почему тогда человеку понятен толчок к собственному сознанию, и принципиально неведомо содержание любого возможного сознания?

Надо признать, что по сей день нет удовлетворительных ответов на эти вопросы. Если сознание порождает сознание, то оно должно существовать до своего возникновения, что абсурдно. Вместе с тем, трудно предположить

вить себе, что происхождение человеческого сознания носит случайный, недетерминированный характер, что оно не имеет эволюционного оправдания, или что его функциональные цели установлены непостижимым для нас сознанием, реализуемым на других биологических или иных носителях. Если действительно человеческое сознание производно от сознания более высокого порядка, то тогда следует признать невозможным вариант научного решения вопроса. В любом случае природа субстрата возможного, нечеловеческого сознания человеком не может быть понята, иначе мы бы имели дело с тем же сознанием, носителями которого являемся сами.

Что же послужило доминирующей причиной возникновения сознательных форм жизни? Какие эволюционные задачи этим решаются? Подобные "проклятые" вопросы, по всей видимости, всегда будут стимулировать движение философской и научной мысли. Одно предельно ясно: продуктами сознательной деятельности могут быть образы (первичные, вторичные), переживания, мысли, и т.д. А поскольку это не только результаты работы сознания, но и частные формы последнего, можно сказать, что сознание порождает само себя, но ... уже будучи существующим.

1.

Объяснения возникновения сознания на основе биологической целесообразности, понимаемой как эволюционная необходимость, которая диктуется требованиями приспособления к изменению средовых условий, вызывают известные сомнения и их едва ли можно признать удовлетворительными. Хотя, такие объяснения достаточно популярны и принимаются многими, в том числе и крупными психологами (здесь достаточно назвать имя Джемса, который расценивал сознание в качестве средства адаптации). Традиционно последовательную позицию при обсуждении вопроса о возникновении сознания занимает Э. Фромм: "Появление человека можно определить как возникновение

I точки в процессе эволюции, где инстинктивная адаптация свелась к минимуму. Но человек появился с новыми действиями, отличающими его от животного: осознание себя как отдельного существа; способностью помнить прошлое, предвидеть будущее и обозначать предметы действия символами; разумом для постижения и понимания мира и воображением, благодаря которому он выходит далеко за пределы своих ощущений.¹ То есть, другие действия, вместо ослабленных инстинктивных способностей адаптации, у человека возникают механизмы сознательного отражения и регуляции своей деятельности. Но, если не имея таких механизмов, "дочеловек" не может приспособиться к изменениям окружающего мира, биологическое выживание перед усложнением средовых воздействий, то за счет чего возможно выживание? Ведь сознания, как аппарата адаптации еще нет, а биологические возможности приспособления уже исчерпаны. Э. Фромм, определяя человека "самое беспомощное из всех животных", почему-то именно в этом обнаруживает основу его силы, момент сознания новых возможностей, подчеркивая, что именно биологическая слабость ... служит первой причиной рождения его специфических свойств². Как биологическая слабость, сказочным образом, устанавливает причины возникновения сознания не только непонятно, но и в высшей степени представляется фантастичным. Кроме этого следует задаться вопросом: почему именно человек пользуется этим приоритетным правом - быть носителем сознания? Почему морская свинка или дождевой червь не погибли из-за отсутствия сознания? "Животные ... прекрасно приспособлены к среде, - отмечает В.М. Аллахвердов, - они могут формировать сложные образы, выявлять закономерности и т.д." I не удивляемся, что слонов не надо обучать пить воду.

¹ Фромм Э. Человек для себя. / Бегство от свободы. Человек для себя. М.: Минк, 1998. С. 416-417.

² Фромм Э. Указанное сочинение. С. 417.

Загадка происхождения сознания в антропогенезе помощью хобота, ласточку - строить гнезда, медведя - впадать в зимнюю спячку, ... а всех вообще живых существ - совершать дыхательные движения еще до появления на свет (например, сердце человеческого эмбриона начинает сокращаться задолго до рождения, когда еще нет крови, которую надо перекачивать)."¹ Другими словами, не имея сознания и руководствуясь наследственно заложенными программами поведения, животные не утрачивают приспособительные функции, и отсутствие сознания несколько не мешает животным быть вполне адаптивными. Поэтому, при объяснении механизмов формирования сознания на основе биологической необходимости приспособления к средовым изменениям, апелляция к тому, что, мол, сознание позволяет выжить человеческой особи, не может быть признана логическим основанием доказательства. Здесь стоит привести мнение Ю.М. Бородай, высказанное относительно феноменологического подхода Э. Гуссерля "...Истина в том, что общество - это не стадо, акт сознания - не рефлекс, человек - не обезьяна. Что сверх того - то олукаво."² Так или иначе, происхождение сознания в биологической эволюции я бы поставил под вопрос.

2.

Но человек не только является представителем биологического вида, он не только животное, а если и животное то, по известному определению Аристотеля, "животное общественное". Социальный атрибут человека вне всяких сомнений отличает его от любой твари, сколь бы разумна она ни была, однако, происхождение человеческой психики и возникновение сознания из сферы социальных отношений представляется весьма проблематичным. Если судить о человеке далекого исторического прошлого, уже включенного в социальные отношения, то невозможно понять характера

¹ Психология. Под ред. А.А. Крылова. М., 1998. С. 98.

² Бородай Ю.М. Эротика - смерть - табу: Трагедия человеческого сознания. М., 1996. С. 16.

Загадка происхождения сознания в антропогенезе

социального взаимодействия при том, что люди не общаются сознанием. Хотя, надо отметить, это обстоятельство по крайней мере в отечественной психологии, явно не принимается во внимание. Более того, традиционно считается, что именно в совместной деятельности, в деятельности своего характера производительной, а значит трудовой человек приобретает свои подлинно человеческие качества. Леонтьев полагает, что это настолько очевидно, что его мнению, иначе и не может быть осмыслено. Считаю автоматическим положение Энгельса: "труд создал само общество века", Леонтьев не имеет ни тени сомнения в том, что люди должны верить в очеловечивающую силу трудовой деятельности. "Как известно (кому известно? - А.А.), проблемой, которая лежит в основе очеловечивания животных предков человека, является возникновение трудовой деятельности на его основе человеческого общества. Труд создал и сознание человека."¹ Вероятно, Леонтьев не знает, каким образом возник труд как специфически человеческая деятельность, то есть деятельность мотивированная (а мотив, как известно, есть осознанная потребность) и это не известно. Возьму на себя смелость утверждать, что и самому Леонтьеву это не было понятно, по крайней мере, в "Проблемах развития психики" нет даже намека на решение загадки происхождения сознания на основе трудовой деятельности, совершаемого бессознательными существами. Леонтьев, приняв за аксиому вышеприведенное утверждение, с поразительной легкостью развивает свою теорию антропогенеза. Итак, человека еще нет, но уже есть труд, человек в отличительном, уникальном качестве, то есть в качестве носителя сознания, рождается в недрах трудовой деятельности. Затем совершенствование труда влечет за собой развитие мозга и органов чувств, что, в свою очередь, оказывает обратное стимулирующее воздействие на развитие форм трудовой деятельности и языка. Хотите

¹ Леонтьев А.Н. Проблема развития психики. М., 1972. С. 263 - 264.

Загадка происхождения сознания в антропогенезе

верьте, хотите - нет. Вот логика, которой придерживается Леонтьев. Чтобы смягчить весьма сильное утверждение относительно первичности труда и производности сознания, Леонтьев одну из важнейших предпосылок возникновения труда и основанного на труде общества (замечу: на сознании и основанной на сознании социальности. - А.А.) видит в существовании "весьма развитых... форм психического отражения действительности" у высших представителей животного мира¹. Все аргументы Леонтьева мало убедительны, так как все равно остается непостижимо, люди, еще не обладающие сознанием, уже способны к труду, а значит, и к совместной коммуникации. Естественно сам Леонтьев свою позицию считает неоспоримой, поскольку, по его собственному признанию "психическая тайна сознания" остается закрытой для любого метода, за исключением метода, открытого Марксом.² Леонтьев хорошо усвоил уроки своих учителей, которые обладали эзотерическим знанием о том, как труд превращает обезьяну человека. Вот лишь несколько показательных тезисов, истинность которых, по всей видимости, необходимо безоговорочно верить с тем, чтобы открылась "психическая тайна сознания". "Сначала труд, а затем и вместе с ним (та *затем*, или *вместе?* - А.А.) членораздельная речь двумя самыми главными стимулами, под влиянием которых мозг обезьяны постепенно превратился в человеческий мозг..."³ "Сознание... уже с самого начала есть общественный продукт, и остается им, пока вообще существует."⁴ И, наконец каноническое: "Не сознание людей

¹Леонтьев А.Н. Указанное сочинение. С. 267.

²Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1977. С. 13.

³Энгельс Ф., Энгельс Ф. Избранные произведения. В 3-х томах. Т. 3.

Маркс К., 1985. С. 73.

⁴Маркс К., Энгельс Ф., Фейербах Л. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений. / Избранные произведения

В 3-х томах. Т. 1. М., 1985. С. 22.

Загадка происхождения сознания в антропогенезе

их бытие, а наоборот, их общественное бытие определяет их сознание."¹

Цели трудовой деятельности, социальные паттерны поведения могут быть поняты человеком только в случае, если он уже обладает сознанием. Никакая собственно человеческая, трудовая (что, по сути, является тавтологией) деятельность невозможно представить даже самых умных обезьян. Деятели трудовой деятельности, которая мотивирована и регулируется посредством воли, предполагает ожидаемый результат, имеет свою стратегию и тактику, которая вписана в более широкий жизненный контекст (особи) деятельность не может быть организована вне социального пространства социальной коммуникации. Только сформированное индивидуальное сознание способно отражать потребности других людей. Именно благодаря сознанию человек понимает свои социальные функции и раскрывает свои роли в системе социальной коммуникации. Традиционные социальные императивы, общественные интересы, социальные нормы, образцы приемлемого поведения и общепринятые ценности и маются только в силу того, что человек является носителем сознания, субъектом познания и осмысленной деятельности. Кости. Социальное не причина, а эффект существования сознания. Само социальное предполагает в качестве необходимых условия опыт сознания, сознания с его когнитивными механизмами, позволяющими отражать социальные потребности и самоопределяться в социальном пространстве. Деятельная деятельность - деятельность, по определению осмысленная (что не всегда означает, что она разумна), поэтому осмысленность социальным образованием и придает только люди с достаточно развитым сознанием. В уже упомянутой работе указывается, что если бы в начале истории человечества еще не имеющие сознания люди уже умудрялись каким-то образом вступать

¹ К. К. критике политической экономии. / Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. В 3-х томах. Т. 1. М., 1985. С. 536, 541. ...

социальные отношения, беседовать между собой и т. п. все равно остается загадочным, зачем этим, и так уже между собой людям, потребовалась способность нечто осознавать." На самом деле, зачем?

3.

Согласно еще одной точки зрения на проблему происхождения сознания, сознание (душа, дух) является венцом божественного творения, эманацией божественной души в мир. Бог (Абсолют, Логос, Мировая Душа) - есть источник разумности человека, demiург его внутреннего мира. Понятно, что такой взгляд на вещи не требует обоснования, так как является принципиально неверифицируемым. Правда, это не означает, что подобные не имеют какой-либо ценности (этической, эстетической или, например, для кого-то эвристической), но или опровергнуть справедливость утверждений, опирающихся на религиозные или теологические основания, средствами логики невозможно. Поэтому не стоит искать черную кошку в темной комнате, тем более, когда не рациональных оснований допускать, что она там есть.

Отношения человека с Богом (что, собственно, и составляет сущность религии), не могут являться предметом позитивного знания. В силу этого, возможны разного допущения, которые в той или иной степени несут в себе иррациональное начало. Одно такое допущение общеизвестным и в рамках христианской традиции то в качестве одного из важнейших догматов. Речь о сотворении мира и о сотворении человека Богом. Естественно обсуждать, как было на самом деле. Это не нужно, в это можно только верить. Но если возможно верить в канонические истории церкви, то возможно и в то, что не согласуется с учением церкви, так как способность веры не определяет предмет веры, иначе бы

все люди верили в одно и то же. На самом деле мы не получаем обратную картину: кто-то верит в Бога, кто-то не верит в себя, а кто-то верит, что не верит ни во что. Я полагаю, что не Бог создал человека, а человек создал Бога. Это справедливо как в отношении первых людей, так и каждого живущего человека. Будучи необходимо свободным человек волен выбирать (хотя, могут быть разные основания этого выбора, разный жизненный путь, ведущий к этому выбору, различные условия выбора) жить ему в мире с Богом или без. Не имеет значения, какая философская доктрина повесила бы свою этикетку на высказанное мнение, в психологии важно одно: как чувствует, представляет, мыслит каждый отдельный человек в своем собственном мире, мире, в котором Бог может рождаться только влияниями самого человека. Каждый человек, возводя здание своего мира, находится в процессе непрекращающегося обновления. То, что сегодня невозможно, будет исполнено завтра. Поэтому событие рождения Бога может случиться с каждым. И по этой же причине легко потерять Бога себе, так как его существование держится на духовности человека. В течение жизни отмирают чувства, мечты, надежды, обиды... Может умереть и Бог.

При обсуждении проблемы возникновения сознания в антропогенезе, безусловно, мы сталкиваемся с исключительно серьезной эпистемологической проблемой. В настоящее время является вполне признанным, что человеческая история, то есть, история развития не просто человеческого вида, а, как указывает Б.Ф. Поршнев, "справедливая история" восхождения человечества начала - 2 миллиона лет назад. Люди со всей полнотой человеческой специфики появились 40-35 тысяч лет тому назад. Конечное оформление вида Homo Sapiens произошло

Загадка происхождения сознания в антропогенезе 25 - 20 тысяч лет тому назад¹. Тем самым, фактически не менее 1,5 миллионов лет, по мнению палеонтологов, длился подготовительный период, во время которого формировались предпосылки возникновения сознания. Надо снова отметить, что сознание, происхождение которого объясняется на основе биологических факторов, есть не что иное, как функция мозга. Однако, как выше уже неоднократно говорилось, сознание в психологии не может быть иначе расценено, как феномен психического, а значит по отношению к этому феномену неприменимы редукционистские трактовки. Почему и как возникло сознание? Для чего это стало необходимым (ведь все, что обнаруживает себя в потоке жизни, является необходимым)? - Это такие вопросы которые пытается решить само сознание. Здесь вопрошающего человека пытается найти источник себя или, иначе, пытается понять себя в отношении причинности себя, то есть, вскрыть самопричину. При этом, возможность такого поиска, существуя в каждый момент сознательной жизни, есть, вместе с тем, возможность самого сознания. Вот в чем, на мой взгляд, состоит принципиальная сложность выявления умопостигаемых причин рождения сознания. Сознание возможно в возможности сознания, и актуальном состоянии сознания смысловое содержание сознания неразрывно связано с возможностью своего присутствия. Стремление понять происхождение сознания есть ни что иное, как стремление определить возможное сознание, ведь возможность должна быть возможной или невозможной. А если она возможна, а он безусловно, возможна, так как факт присутствия сознания - центрической системе неопровержим, тогда любые интенции понимания возможности возможности ориентируются на поиск первичных, предельно исходных причин происхождения. Но, как уже было сказано, эти первичные причины заложены в качестве возможности сознания в к

¹Поршнева Б.Ф. О начале человеческой истории. М., 1974.

Загадка происхождения сознания в антропогенезе

Вый момент сознательного психического настоящего. Таким образом, оказывается, что сознание в вопросе о возможности своей возможности возвращается к самому себе. Тогда вопрос о происхождении сознания трансформируется в вопрос о самом сознании, о том, как оно устроено, каким образом оно есть то, что оно есть. Похожее и рассказывал А.М. Пятигорский, отмечая, что мы не знаем такое сознание как таковое, и исходим из того, "что такого, подобного сознанию, нет". И в этом смысле, указывает Пятигорский, сознание - не единственный феномен, который не может быть "объектом непосредственного знания". "Смерть, по - видимому, не может быть описана. Она может быть описана в силу того тривиального обстоятельства, что для ее описания надо быть живым, а, будучи живым, описать свою смерть невозможно."¹ Аналогично Пятигорский усматривает в онтогенезе языка, сформулировав, что практически невозможно осознать, как человек в первые 3-4 года осваивает языковую стихию: "... практически и получается так, что наступает время, когда он уже владеет элементами языка, и все попытки детерминировать ситуацию овладения языком" какой-то начальной, исходной ситуацией, кажутся... абсолютно бесплодными". И говоря, когда язык есть, он уже есть, когда смерть пришла, она уже наступила; до этого момента говорить о сознании в терминах вероятного существования или, как выше упоминал, в терминах возможности возможности едва ли окажется рациональным. Когда сознание есть, как возможность себя; возможность этой возможности должна существовать во временном отношении к себе, а, следовательно, а priori сознательному опыту. И, следовательно, сознание не способно осознать то, что предшествует сознанию, то, что не может являться содержанием сознания.

¹Пятигорский А.М. Три беседы о метатеории сознания (совместно с Мамардашвили). / Избранные труды. М., 1996.С. 66.
²Пятигорский А.М. Указанное сочинение. С. 67.

нания. Другими словами, не "я мыслю, следовательно существую" ("я осознаю, следовательно, существую"), а в силу чего "я мыслю, следовательно, существую" (в силу чего "я осознаю, следовательно, существую"), послужило бы ходным базовым постулатом эпистемологии. Одна это было бы нелепо, так как в основаниях может заложено только нечто несомненное, обладающее достоверностью

(замечу: не конвенциональностью, а достоверностью). На мой взгляд, все теории сознания, какого бы толка они были, должны начинаться с признания того факта, что сознание - есть уже нечто существующее, не пытаюсь искать генетические корни сознания в "не сознании". Сознание является таким предметом исследования, который бы независим от сознания исследователя. Надо принять знание за наличествующее актуально знание о самом себе. И в пространстве этого знания нет смыслоотложений, относящихся к знанию о том, каковы причины самих знаний. Эти знания находятся по ту сторону сознания. Дано ли выйти за предустановленные границы? Возможно ли это? Если "да", то к чему это приведет? Если сознание оставаясь сверхзагадочным, формулировать сложнейшие проблемы, в том числе и фундаментальную проблему собственного происхождения, может быть, когда-то найдены соответствующие масштабу поставленных проблем, столь же сложнейшие (а, возможно, наоборот, и ключительно простые), решения. Однако, не стоит особенно обольщаться: такие решения, которые, например, позволили бы разгадать тайну возникновения сознания, могут быть выработаны коллективно, а единственно годаря личным усилиям отдельных носителей сознания. Станет ли такое знание понятным социальному сообществу, в частности, научному, предугадать невозможно. Или иначе, у явления должна быть причина. Это настолько очевидно, как и то, что в настоящее время причина происхождения сознания нам не дано знать. Вместе с

знание живет пониманием, и если нечто осознанно в качестве необходимости понимания, это не может не направлять ход сознательной жизни. "Дано знать или не дано?" - в чем вопрос. Есть ли надежда поймать неуловимое явление на заре человечества сознание? Загадка...

Глава 5. МОДЕЛИ СОЗНАНИЯ

Категории "смысл", "сознание", "психика" принадлежат к фундаментальным абстракциям (равно как психология, так и философским). Но наука, как известно, оперирует абстракциями. В силу этого единицей научного реологического анализа должен выбираться идеализированный объект. И нельзя не выразить согласия с Аллахвердовым, который, вслед за Б.С. Грязновым, считает, что "научная теория - это гротеск, шарж, а не натуралистическое описание"¹. Той же точки зрения придерживается Ф. Франклин, настаивая на том, что наука "не может себе позволить, -"но и обязана выносить на рки многомерность реальности, отграничивать реальность... Поэтому проекция (с реальности), - отмечает Франклин, - более чем оправдана. Она необходима. Ученый должен сохранять видимость, будто он имеет дело с многомерной реальностью"². Другими словами, научное познание не является зеркальным отражением действительности, а представляет собой такое модельное знание, которое фиксирует важнейшие общие закономерности, которые охватывают частные наблюдаемые случаи. Но построены модели, о чем уже не раз говорилось, предполагают единицы анализа, которая также должна быть выделена предельно абстрактным понятием и, вместе с те

¹ Аллахвердов В.М. Опыт теоретической психологии. СПб., 1993.

² по: Розин В.М. Психология и культурное развитие человека. М., 1993, с. 50.

находится в отношении соподчинения с предельной целостностью, которая реконструируется в научном познании. Это есть той целостностью, которая и составляет единство научного предмета научного психологического исследования, а именно - человеческой психикой. Все основополагающие понятия, предложенные в качестве базовых в теоретическом статусе единицы анализа. (А.А.) д. психологической теории, не имеют в качестве денотированных объектов. Потому все они - будничные рефлексы, установленные или "живыми движениями". Они могут служить основанием теоретической онтологии. Однако, по причине абстрактного характера научных психологических понятий, выражающих предмет анализа в психологии, возникает на мой взгляд существенная методологическая проблема определения этих понятий. Если бы был прав Витгенштейн, считавший, что "то, что вообще может быть сказано, может быть сказано ясно, а о чем молчать, о том же, что сказать невозможно, молчать". Психология как наука была бы невозможна, если бы не было психики, что есть сознание. Ни в какой дефиниции не удастся. Во всяком случае, та психика, которая носителем сознания является, не имеет одного значимого определения. Но этим конечно же пользуются ни моя психика, ни мое сознание. И ну давать себе отчет в том, что все сказанное о психике и сознании никогда не будет исчерпывать тему. Я уже говорю о сознании, то судя по количеству попыток понять этот загадочный, безусловно, неисчерпаемый, охватывающий себя для взыскательного человеческого сознания, оно всегда остается чем-то другим. Это прекрасное

было сконцентрировано вокруг тайны человеческого сознания. Он указывал: "...сознание - это весьма странное явление, которое есть и которое в то же время нельзя ухватить, представить как вещь".¹ Поэтому Мамардашвили рекомендует опираться при анализе сознания на уже существующий опыт рассуждения о явлении. Такого же мнения придерживается и А.М. Пятигорский, полагая, что сознание "для нас... не может быть никаким объектом. Мы говорим, что работаем с сознанием, что занимаемся пониманием сознания именно потому, что, очевидно, описывать сознание, работать с самим сознанием, а не с его пониманием невозможно."²

Вот лишь несколько мнений относительно того, что является сознание:

Сознание в целом имеет смысловое строение. С. Выготский. Проблемы сознания. Собрание сочинений. Т. I: "Вопросы теории и истории психологии." М., 1982.

Сознание - это просто одно из многих понятий, используемых психологией обычно под каким-либо другим названием, подходящим для обобщения наблюдений. (Э.Г. Боринский). История интроспекции. / История психологии: Тексты. Под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. Екатеринбург, 1999.

Сознание - некоторая семиотическая знаковая система, отражающая мрачного отображения воспринятого. (В.Ф. Петренко). Человечность человека - основа его картины мира. / Модели сознания. Под ред. Д.А. Поспелова. М., 1997. С. 13.)

Сознание - это высшая, свойственная только человеку функция, связанная с речью функция мозга, заключающаяся в обобщении, оценке и целенаправленном отражении и конструировании. И. Мамардашвили.

¹ Аллахвердов В.М. Указан

² Л. Эллер говорил, что дефиниции - это гробики для

мысли

Мамардашвили М.К. Сознание как философская проблема. // Вопросы философии. 1990. № 10. С. 3.

Пятигорский А.М. Три беседы о метатеории сознания (совместно с Мамардашвили). / Избранные труды. М., 1996. С. 65.

пшено - творческом преобразовании действительности, в предварительном мысленном построении действий и предвидении их результатов, в разумном регулировании и самоконтроле поведения человека. (Спиркин А.Г. Сознание и самосознание. М., 1972. С. 83.)

Под сознанием мы понимаем знания о событиях или стимулах окружающей среды, а также знания о когнитивных явлениях, таких как память, мышление и телесные ощущения, (Р.Л. Солсо. Когнитивная психология. М., 1996. С. 111.)

Сознание - ... самое общее свойство человека как субъекта познания. (Б.Г. Ананьев. Избранные психологические труды. В 2-х томах. Т. I. М, 1980. С. 70.) Сознание есть общий эффект конвергенции труда, общения и познания. (Ананьев Б.Г. Указанное сочинение, С. 166.)

Сознание - высший уровень не только фило- и социогенетического, но и онтогенетического развития психики. (Л.М. Веккер. Психика и реальность: Единая теория психических процессов. М., 1998. С. 605.)

Сознание - это... отношение, причем это единственное в своем роде отношение и к своей самости (самосознание), ко всему остальному (сознание другого). Это отношение сознания к чему бы то ни было уникально, сознание ко всему относится так, как оно относится к своей самостности. (А.Е. Шерозия. Психика. Сознание. Бессознательное. К обобщенной теории психологии. Тбилиси, 1979. С. 67 - 68.)

...Сознание порождается предметной деятельностью субъекта. (А.Н. Леонтьев. Проблемы развития психики М., 1972. С. 100.)

И, наконец, самое красивое решение проблемы:

Можно не пояснять, что понимается под сознанием это и так совершенно ясно. (З. Фрейд. Цит. по В.М. Аллахвердов. Опыт теоретической психологии. СПб. 1993. С. 125.)

В психологии имя Джемса связывают не только с его теорией личности, но и с одной из первых моделей сознания. Следует подчеркнуть, что несмотря на то, что в его поздних работах Джемс фактически отрицал существование сознания, он остался в истории как один из немногих, кто достаточно ясно выразил свою позицию в отношении психологии сознания. Можно в чем угодно упрекнуть Джемса, но только не в том, что он невнятно формулирует свою мысль (см. пример обратного - определение Столинского выше). По Джемсу, о феномене сознания можно говорить, опираясь на следующие базовые положения: Сознание - это основной факт психологии. Каждому человеку свойственно убеждение в том, что в его внутреннем мире происходят какие-то сознательные процессы. Это первичный, конкретный факт¹. То есть, по Джемсу, бытие сознания и не осознавать присутствия сознания несовместимо.

Состояния сознания непрерывно сменяют друг друга. Поэтому Джемс считает, что "подобно тому, как мы выдыхаемся беслично: "светает", "смеркается", мы можем и эти состояния охарактеризовать всего лучше безличным глаголом "умирается"². Джемс полагает, что ни одно состояние сознания не может повториться, или, иначе, не может быть воспроизведенным в опыте. Ни ощущения, ни образы восприятия, ни состояние ума никогда не бывают абсолютно тождественны. Это в концепции Джемса настолько очевидный характер, что, видимо, не желая утруждать себя лишними доводами, он по-простому заключает: "Это ясно, как божий день"³. Однако, сказанное не означает, что состояние сознания не имеет продолжительности. Но, независимо от того, какова длительность того или иного состояния сознания, само состояние следует, согла-

¹ Джемс В. Психология. М., 1991. С. 57.

² Джемс В. Указанное сочинение. С. 58.

³ Джемс В. Указанное сочинение. С. 62.

Модели сознания

но Джемсу, рассматривать как завершенное целое, которое уже никогда в опыте не повторится. "...Анализ цельных конкретных состояний сознания, сменяющих друг друга, • по мнению Джемса, - есть единственный правильный психологический метод"¹. Таким образом, каждое состояние сознания неповторимо, хотя разные состояния могут являться результатом отражения одного и того же объекта. "Тождественен воспринимаемый нами объект, а не наши ощущения."² Человек стремится удостовериться в том, что та или иная вещь перед его глазами - есть нечто определенное и в функциональном или ином отношении тождественная тому, что имело место в прошлом опыте. Для того, чтобы установить такое тождество, могут быть использованы любые ощущения, если они пригодны для того, чтобы узнать эту вещь. Если последнее удастся, человек расценивает ощущения, а не объекты тождественными друг другу. Но, и как было уже сказано, ничто в сознании не может быть продублировано. Если можно так выразиться, человек по Джемсу в каждый момент времени психически девственным. "То, что казалось призрачным стало вдруг реальным. И то, что прежде производило впечатление, теперь более не привлекает. Друзья, которыми мы дорожили, превратились в бледные тени прошлого; женщины, казавшиеся нам когда-то неземными ми, звезды, леса и воды со временем стали казаться скучными и прозаичными... Но разве в произведениях Гете так много таинственной глубины? Разве уж так содержательны сочинения Дж. Ст. Милля, как это нам казалось прежде?" Содержание сознания меняется в каждый момент времени. Неудивительно, что люди часто меняют свое мнение относительно предмета своих размышлений порою на противоположное. То, что вчера казалось скучным, сегодня

¹Джемс В. Указанное сочинение. С. 62, 63.
²Джемс В. Указанное сочинение. С. 60.
³Джемс В. Указанное сочинение. С. 62.

Модели сознания

представляется исполненным таинственной глубины, что одна веселит, завтра может повергнуть в печаль.

Каждое состояние сознания имеет тенденцию быть частью личного сознания. Согласно этому положению, сознание может принадлежать только отдельному, конкретному индивидууму. "Состояния сознания, которые мы

встречаем в природе, суть непременно личные сознания - мы, личности, определенные и конкретные "я" и "вы"¹. Ес-

ли в жизни одного человека состояния сознания не повторяются, то уж тем более, содержание эго - сознания никак • может быть "объектом мысли другого сознания". Джемс

указал, что не просто мысль, восприятие или ощущение являются первичными фактами психической жизни челове-

а именно "я мыслю", "я слышу", "я чувствую", иначе Юрия, акты индивидуального сознания. Если я правильно понимаю Джемса, он не мог признать существование так бываемого "общественного сознания"².

Сознание работает в режиме принятия решения. Отвергая одни объекты и выбирая другие, сознание постоянно

выполняет избирательную функцию. По сути дела, то, что выбирается сознанием и составляет жизненный опыт чело-

века. "Вещь может попадаться на глаза человеку сотни раз, • замечал Джемс, - но если он упорно не будет обращать на

нее внимание, то никак нельзя будет сказать, что эта вещь вошла в состав его жизненного опыта... В то же время,

Джемс В. Указанное сочинение. С. 59.

невозможно сказать, что понятие "общественное сознание" для психолога имеет • не всякого смысла. Если психология занимается изучением явления внутреннего мира человека, то есть, феноменологией психического,

никакое "общественное сознание" не может быть предметом психологического исследования. В этом смысле термин "социальная психология", используемый для обозначения самостоятельной области психического знания, также является внутренне противоречивым.

Сознание не имеет своей психологии, ее имеет отдельный индивидуум; сознание не имеет сознания, носителем сознания является действующий

индивидуум не имеет своей психологии, ее имеет отдельный индивидуум; сознание не имеет сознания, носителем сознания является действующий и познающий человек, а не социальное объединение.

вещь, увиденная раз в жизни, может оставить неизгладимый след в нашей памяти"¹.

В вероятностной теории смыслов, предложенной В.В. Налимовым, сознание рассматривается как текст, состоящий из вероятностно взвешиваемых смыслов. Текст, по определению В.В. Налимова, "характеризуется дискретной (семиотической) и континуальной (семантической) составляющей"². Надо сразу отметить, что понятие "текст" Налимов использует не только в отношении определения сознания, но также и в отношении описания любого рода реальности, биосферы, социосферы и т.д. В его теории эволюционирующий мир представляется множеством различных текстов. Текст - носитель смыслов. В силу этого, смысл; Налимова имеет не психический статус, а космологический и, тем самым, приобретает силу миронеобходимого начала. При описании ноосферы текстами становятся сознания людей. Эти тексты имеют индивидуальные и коллективные проявления. Таким образом, Налимов описывает сознание как иерархическую систему, которая имеет несколько уровней. Первый уровень - уровень логического мышления. Смыслы на этом уровне сознания раскрываются через аристотелевскую логику. Второй уровень - "это уровень предмышления, где вырабатываются те исходные постулаты, на которых базируется собственно логическое мышление". Третий уровень, согласно Налимову, образован коллективным бессознательным, где "осуществляется встреча с архетипами". Эти первые три уровня и есть уровни собственного сознания. Таким образом, второй и третий уровни сознания в модели Налимова, фактически отождествленные с бессознательным, включены в структуру индивидуального сознания. Четвертым уровнем сознания, выходящего

¹Джемс В. Психология. М., 1991. С. 78.

²Налимов В.В. Спонтанность сознания. М., 1989. С. 107.

Налимов В.В. Указанное сочинение. С. 103.

делами психического мира человека, является телесность, которая выступает носителем индивидуального сознания. Третий уровень - это уровень метасознания, который принадлежит уже не индивидуальному, а трансличностному космическому сознанию. По мнению Налимова, именно на DM уровне происходит порождение тех творческих идей, которые затем воспринимаются на уровнях индивидуального сознания. Именно благодаря этому уровню Ювек способен устанавливать взаимодействие не только с объектами и другими людьми, но и с миром в целом, расширяя тем самым границы своего сознания и вступая в контакт с творческим началом мира. Шестой уровень - это пятый слой космического сознания. Как отмечает Налимов, одним из самых важных уровней является второй уровень, так как происходящее там и есть "внутренний антитестический облик человека". В то время, когда первый уровень логического мышления представляет собой сознание, существующее только в рамках формальной логики, к которому имеющее редуцированный к правилам вывода мышление не берусь обсуждать представления Налимова о природе сознания. Его теория не является психологической моделью сознания, тем более, что в своих описаниях Налимов модели смешивает различные языки: язык математики, философский язык, язык психологии, метафорический язык. В силу этого, сама модель приобретает эклектический характер. Тем не менее, важно отметить в подходе Налимова к его пониманию сущности смысла. Сознание как пространство смыслов, по Налимову, - это не просто суммирование атомарных смыслов, между которыми существуют какие-то связи, смысл не дискретен, а представляет собой размытое семантическое поле. Любой знак, по Налимову, полисемантивен. "...Мера над семантическим континуумом задается через плотность вероятностей, отсюда следует, что вероятность появления точечного смысла

равна нулю"¹. Природа смысла, согласно автору, не может быть понята обособленно от характера всего текста и языка, то есть семантическая триада: смысл, текст, язык, является универсальной структурой понимания любого явления, в том числе индивидуального сознания. Любая знаковая система может восприниматься как язык в том случае, когда есть наблюдатель - носитель сознания. Поэтому в отношении собственного сознания человек оказывается в роли самоинтерпретатора текста, носителем которого он является. Причем текст является гибким, подвижным, способным к изменению, "все время создающийся заново". Эта непроходящая новизна сознания обусловлена тем, что сами смыслы являются динамическими образованиями, поэтому хотя и существуют возможности, предоставленные языками человеческого общения для формализации смысла, неизбежная редукция, то есть их произвольное огрубление при анализе, выполненном в рамках любой теоретической репрезентации знания. Но, как справедливо указывает Налимов, "за строгость мысли приходится дорого платить: потеря гибкости в переоценке смыслов, легко описывается в бейесовской логике (бейесовской логикой процесс смыслопорождения на втором уровне сознания. А.А.), теряется в надводной, видимой нами части сознания (первый уровень сознания. - А.А.)..."². В итоге любая попытка строгого определения того, чем является смысл, не может быть признана удачной. В подтверждение своей позиции В.В. Налимов приводит слова философа ЯЗ. Голосовкера: "Смысл мы понимаем. Попытка определить наш мир, лишить смысл приводит к ограничению и оплощению понимания смысла." (Голосовкер ЯЗ. Логика мифа. М., 1987. С. 148.) На основании этого сознание может быть описано только с точки зрения своей структуры, так как строение сознания неизменно при любом изменении

¹Налимов В.В. Указанное сочинение. С. 111.

²Налимов В.В. Указанное сочинение. С. 119.

■ Сделать же качественный же анализ самих смыслов не [Вставляется возможным. Смыслы вообще не могут быть непосредственно наблюдаемы, то есть, они не являются объективно воспринимаемой реальностью. Поэтому зафиксировать смысл таким, какой он есть, абсолютно невозможно. При взаимодействии человека с миром, реализуя активность в русле общения с другими людьми и своего поведения, той или иной деятельности, осуществляя познание и оставляя продукты своей познавательной деятельности, субъект всегда только означает свои смыслы.]
 ■ Внешние выражения смысла не есть сам смысл, как выражение грусти не есть сама грусть, выражение мысли не есть сама мысль, выражение мнения об ощущаемом не есть ощущение¹.

■ В духе традиции, заложенной идеями Выготского, А.Н. Леонтьева, Н.А. Бернштейна, свое понимание феномена сознания предлагает В.П. Зинченко. Он выделил два слоя сознания. Это так называемый бытийный слой и слой рефлексии. Бытийный слой структурирован такими образующими, как "чувственная ткань" и "бидинамическая ткань" действия. Понятие "динамическая ткань" действия Зинченко вводит для объяснения эффектов чувствительности "живого движения" в процессе его реализации. Для того, чтобы действие не оказалось "слепым", необходимо, по мысли Зинченко, чтобы

■ Фуко, анализируя теоретические проекции человека, или, иначе говоря, которые используют в системе гуманитарных наук, отметил, что человеческое поведение проявляется в своей нацеленности на выявление чего-то, и все, даже самые незначительные жесты, вплоть до незнанных механизмов и ошибок, получают смысл; все то, что окружает человека - объекты, ритуалы, привычки, речь, - вся эта сеть, которую он оставляет за собой, складывается в связанный алгебраический в систему знаков." (Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994. С. 376.) Таким образом, значащая система есть то, в чем смысл находит свое выражение, но им на самом деле является.

оно было восприимчиво в каждый момент времени. Биодинамическая ткань как раз и обеспечивает обратную связь, позволяя осуществлять текущую коррекцию этого действия. Такая открытость действия к внешним влияниям позволяет субъекту быть гибким в реализации программы действия. По мнению Зинченко, процесс такой настройки действия не рефлексивен сознанием, а является истинным бытием сознания в процессе взаимодействия с внешним миром. Рефлексивный слой сознания состоит, по мнению Зинченко, из значений и смыслов. Значение определяется как культурная образующая рефлексивного сознания. Значения есть конвенции, усвоенные в процессе социализации. "Понятие значения фиксирует обстоятельство, что сознание человека развивается не в условиях робинзонады, а внутри культурного целого, в котором исторически кристаллизован опыт деятельности общения и мировосприятия, который индивиду необходимо не только усвоить, но и построить на его основе собственный опыт". Зинченко выделяет три вида значений: рациональные, предметные и вербальные, причем устанавливает их связь с другими компонентами сознания. Предметные значения относятся к биодинамической ткани, предметные соотносятся с чувственной тканью, а вербальные связаны со смыслом. Чувственная ткань придает определенность образу, "представляет собой строительный материал образа". При построении образа всегда используется некоторая часть чувственной ткани, так как (и об этом Зинченко говорит во многих своих работах) любая психическая структура имеет всегда избыточное количество свободной пены свободы, и образ всегда является более многогранным, более емким, чем объект отражения. Чувственная ткань образа и биодинамическая ткань действия, по мнению Зинченко, могут трансформироваться друг в друга:

Зинченко В.П. Миры сознания и структура сознания. // Вопросы психологии. 1991. №2. С. 23.

... в течение времени движение... трансформируется в... образ пространства, как бы лишенный координат времени... своей очереди, пространственный образ может развертываться во времени рисунок движения."¹ Взаимодействие биодинамической ткани действия и чувственной ткани образует их взаимопроникновение, таким образом, обеспечивается взаимнообратимость пространства и времени. А для того, чтобы это происходило, необходима исключительно скоординированная работа сознания. Избыточность в работе этих взаимосвязанных систем устраняется в осуществлении сенсомоторной координации. В силу того, что такие координации становятся жесткими, однообразными, субъект способен решать "смысловую задачу". Только это, по мнению Зинченко, придает разумность действиям. Только преодоление этой избыточности обеспечивает эффективность деятельности. Такой ход рассуждений Зинченко вводит к весьма оригинальной мысли: для того, чтобы человек был способен адекватно ситуации реализовать программу своих действий, "образ действия должен сливаться в образ мира или в образ нужной для осуществления поведения его части"². В другой работе³ это соотношение образа мира и образа ситуации Зинченко иллюстрирует следующей метафорой: "чтобы преодолеть избыточность мира, нужно уже иметь образ искомого, притом неслышимый, а, при всей его собственной избыточности высшей степени определенный, иначе выплеснешь с водой ребенка. Работа внимания может быть уподоблена работе ультратора, который отсекает от "дикого камня" все лишнее, кроме того, что он видит внутри него. Когда же ультратор ошибается, отсекая что-то от своего образа, он испытывает физическую боль. Значит, в глыбе мрамора,

Зинченко В.П. Указанное сочинение. С. 25.

Зинченко В.П. Указанное сочинение. С. 25.

Зинченко В.П. Послесловие к: Дармашев Ю.Б., Романов В.Я. Психология внимания. М., 1995. С. 313.

находится искомый образ, а в этом образе находится сам скульптор. Он не ищет образ в глыбе, а освобождает его (и себя) из нее." На мой взгляд, такая фантастическая сложность сопоставления образа мира (модели мира) с образом действия возможна только благодаря тому, что действие реализует уже известные психике смысловые программы. Не лишним будет вспомнить слова Н.А. Бернштейна, который несомненно понимал лучше других природу человеческого действия. Он отмечал, что сенсомоторное действие представляет собой решение смысловой двигательной задачи, которая во внешнем плане и решается посредством такого действия¹. Вместе с тем, известный принцип Рубинштейна, согласно которому сознание и деятельность образуют единство, помогает понять возможности расширения диапазона моторных программ. Сознание в той же степени, проявляется в действии (и пусковым механизмом такой внешней реализации, объективирования сознания является сличение результатов отражения ситуации со следами памяти, что, по сути, и есть согласование образа мира и образа действия), в какой и формируется в русле деятельности. Понятие "смысл" указывает на факт "укорененности индивидуального сознания в бытие человека... Сознание есть не только знание, но и отношение,"² поэтому понятия "смысл" призвано подчеркнуть то, что знание, которым обладает человек как носитель сознания, не является безличным. Вот позиция Зинченко. Самое основное противоречие, которое в ней заключено, связано с весьма размытым определением понятий "значение" и "смысл", а следовательно, с довольно произвольным использованием этих понятий в различных контекстах. И в первую очередь это касается употребления Зинченко термина "значение". Если значения являются образующими сознания, то очевидно

то они - психические элементы. Но если внимательно познакомиться с работами Зинченко, включая и его, возможно, одну из лучших монографий: "Психологическая педагогика. Часть I. Живое знание." (Самара, 1998), то делать такой вывод было бы поспешно. Так, автор указывает, что значение находится в сфере языка, а смысл - в сфере предметной и коммуникативной деятельности, в том числе и в сфере речи". (С. 52). Речь, деятельность, общение (или же, в терминах Зинченко, коммуникативная деятельность), без сомнений, являются видами психической активности субъекта. И то, что содержательно эта активность имеет смысловое наполнение, у меня не вызывает ни малейших возражений, и, более того, - полное согласие. Что же тогда такое "значение"? Если это семантическая единица языка, то в этом случае, значение никак не может выступать образующим психики, ну и, понятно, сознания, так как язык не психичен, - психична речь, и уж, надо полагать, с этим Зинченко не стал бы спорить. Если все же значения наряду со смыслами составляют содержание психического, то они, как не могут относиться к сфере языка, так как (и об этом Юм, по причине своей банальности, даже несколько невольно говорить) одна и та же сущность не может быть одновременно и психической, и не психической. Человек из этого извлекает смысл, в то время, когда ничто, кроме человека этот смысл не имеет. Это парадоксально, таинственно, и здесь не может быть простых решений. Ссылка на то, что "значения" "подключают" индивидуальное сознание в сфере выработанных в истории культурных норм и общечеловеческих конвенций, несколько не помогает понять природу значения. Во всяком случае, необходимо объяснить то, как выработанные культурой значения, оседающие в языке, усваиваются индивидуумом, а это и есть проблема осмысления. По всей видимости, Зинченко, как ученик школы Леонтьева, оказывается в плену традиционных ус

тановок, так как данное противоречие в явном виде присутствовало в теории сознания у его уважаемого учителя.

В.А. Ганзен придерживается той позиции, что построение научной психологической теории должно удовлетворять общеметодологическим критериям выбора базиса описания изучаемой реальности, то есть, иначе, иметь общенаучные основания. В качестве такого общенаучного базиса Ганзен рассматривает структуру фундаментальных общенаучных категорий: субстрат, пространство, время, информация, энергия. Субстратом в данной структуре может выступать все, что является предметом познания. Это не единственный базис описания, который может быть использован при анализе психических явлений. Так, в качестве базиса может, например, рассматриваться набор понятий, характеризующих отношения в структуре гармонического целого: единство, уравновешенность, повторяемость, соразмерность, соподчиненность¹. Общенаучные базисы описания можно считать своего рода основаниями явлений. Это те плоскости, на которые проецируется предмет анализа. Могут иметь место и собственно психологические базисы, которые объединяют основные понятия (образуя определенное понятийное ядро психологии), характеризующие различные стороны психики. "Под психологическим базисом понимается система понятий, лежащих в основе описания психических явлений."²

В.А. Ганзен предлагает описание функциональной структуры сознания³, опираясь на представления о двух ведущих функциях психики, а именно: отражении и регуляции. Именно взаимосвязь этих функций обеспечивает целостность

¹В.А. Ганзен. Системные описания в психологии. Л., 1984. С. 45.

²В.А. Ганзен. Указанное сочинение. С. 67.

³В.А. Ганзен говорит о функциональной структуре психики, заключая, что "явления сознания делятся на осознаваемые и неосознаваемые" (С. 65), он фактически описывает организацию сознания.

психики в норме, "единство всех психических процессов". Благодаря взаимообусловленности этих функций возможна интеграция человека со средой. Таким образом, функциональная структура сознательной психики может быть описана в общенаучных категориях:

Группируя множество понятий, которыми описываются явления психической жизни человека, Ганзен выделяет следующие базовые триады, которые соответствуют формам регулирования и отражения, а именно:

приемция + ощущение + восприятие - функция реактивного отражения;

мышление + представление + речь - функция активного отражения;

аффект + эмоция + чувство - функция реактивного регулирования;

воля + мотив + действие - функция активного регулирования.

Двое понятие в этой триаде является объединяющим для остальных. Так, например, "аффект (здесь - целостная психическая реакция) существует в двух формах - эмоции и чувства"¹. Объединяющее понятие таким образом выражает психический процесс, который реализован в явлениях,

¹В.А. Ганзен. Указанное сочинение. С. 63.

описываемых двумя видовыми понятиями. Функцию интеграции выполняет сознание. В свою очередь, сознание включает в себя внимание и память в качестве сквозных процессов, без которых интеграция невозможна; память интегрирует информацию в едином хранилище, внимание интегрирует человека со средой. Таким образом, образуется пятая триада:

сознание + внимание + память - функция интеграции.
 На основе такой группировки Ганзен переходит к построению модели описания в психологических категориях:

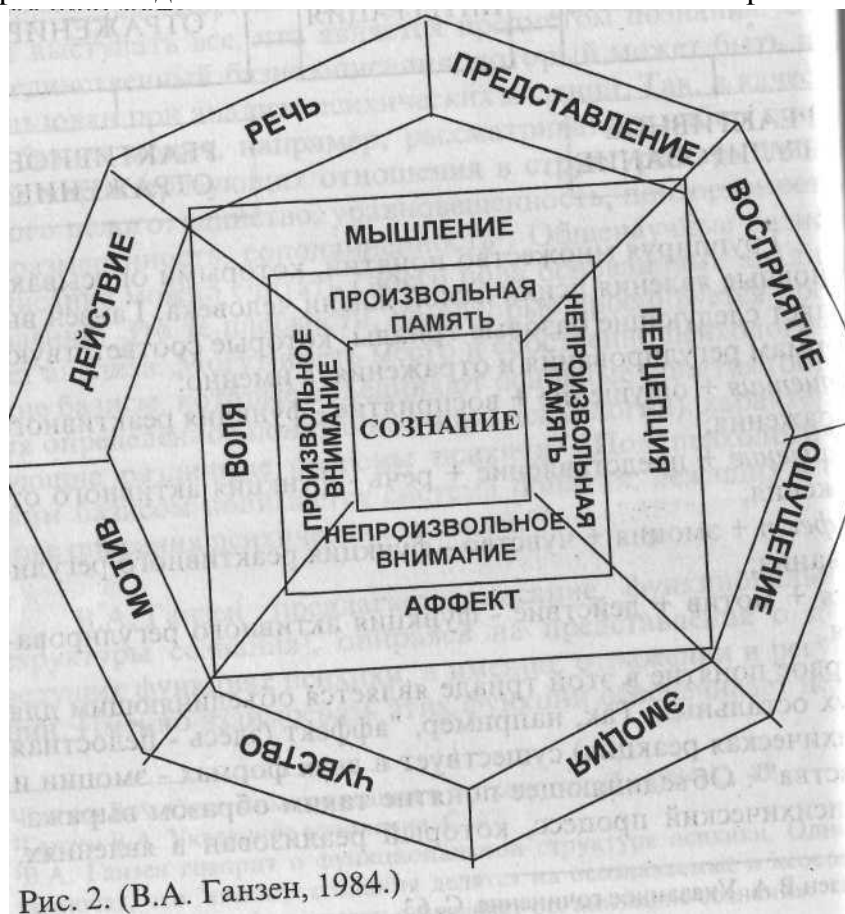

Рис. 2. (В.А. Ганзен, 1984.)

По мнению Ганзена, удерживают эту функциональную структуру, придают ей целостность - память и внимание. Внимание, понимаемое как сосредоточенная направленность усилий для концентрации сознания на объекте, требует затраты энергии и осуществляется посредством воли. С другой стороны, направленность внимания является

пространственной характеристикой, которая обеспечивается перцепцией. Тем самым, Ганзен видит тесную связь между таким интегрирующим звеном сознания, как внимание, с волей и перцепцией. Специфика памяти определяется главным образом, способностью сохранения прошлых впечатлений во времени. Сами же эти впечатления, чем они ни были, являются информацией, поэтому Ганзен считает, что память должно определять "как сохранение информации во времени". Таким образом, внимание соотносится с категориями "пространство" и "энергия", в то время как память - с категориями "информация" и "время". В данной модели нетрудно обнаружить два независимых структурных блока: аффективно - волевою сферу и познавательную сферу.

Я думаю, что предложенная Ганзеном модель описания сознания наиболее полно и многоаспектно отражает феноменологию сознания, включая в себя как процессы, так и моменты сознания. Кроме того, данное описание позволяет прийти к выводу о том, что в случае наличия сознания человека все психические процессы и состояния не могут рассматриваться безотносительно к факту наличия сознания. И тогда уже речь идет не только о мышлении, восприятии, но и о сенсорной и эмоциональной чувствительности. Сам Ганзен к такому заключению приходит, однако предложенная им модель предполагает иной вывод. И тогда проблему можно сформулировать так: важно даже не то, что представляет из себя ощущение, образ, мысль или действие, а то, чем они являются.

М обели сознания

ся в отношении к факту существования сознания. То есть, в какой мере они есть то, что они есть, если есть сознание, ведь их обнаружение, их относительная независимость в опыте возможны благодаря тому, что они распознаются сознанием. Тогда вопрос заключается в следующем: как это распознавание влияет на характер ощущаемого, воспринимаемого, мыслимого и т. д. ? Несколько подробнее об этом я постараюсь сказать в следующей главе.

Сознание как мультипликативный самоинтерпретирующий

5.1. СОЗНАНИЕ КАК МУЛЬТИПЛИКАТИВНЫЙ САМОИНТЕРПРЕТИРУЮЩИЙСЯ ТЕКСТ

"Сознание есть такой текст, который возникает актом чтения этого текста, который сам себя обозначает, который отсылает к самому себе."

М.К. Мамардашвил

■ Сказать, что такое сознание, то есть определить сознание позитивно, не представляется возможным в том смысле, что нельзя указать на сознание, как на явление или событие, существующее в мире. Тем не менее, любой человек во всяком случае, не страдающий психическими заболеваниями, способен, безусловно, констатировать у себя присутствие сознания. То есть, с одной стороны, сознание для нас понятная и самая близкая, в самом буквальном смысле, соприродная человеку реальность, с другой стороны, самая непостижимая, и с большой неохотой поддающаяся пониманию. Еще Э. Гуссерль указывал: "сознание либо есть нечто разумеющееся само собой. И, однако же самое время нечто, в высшей степени непонятное". Возможно осознание? Как мы знаем, что мы знаем интуитивно то, что ответы на эти вопросы обладают безусловной очевидностью, которая блокирует всякий интеллектуальный поиск лишь до момента самого вопроса. Как только возникает вопрос о природе сознания, тотчас оказываемся в абсолютно неизведанной области. Фразируя Эйнштейна, можно было бы сказать: "Человек и сознание - непонятно. И это самое непонятное."

Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. В сб.: Язык и интеллект. М., 1996. С. 72.

Познание как мультипликативный самоинтерпретирующий

Каждый согласится с тем, что сознание в своей познавательной активности не оперирует объектами внешнего мира. Объекты отражения - не есть отражение объектов. Это хорошо понятно. Поэтому сознание принимает и обрабатывает информацию независимо от того, где локализован источник этой информации - во "внешнем" или "внутреннем" мире, внутри собственного пространства. Здесь кроется, пожалуй, самая пугающая, и, вместе с тем, интригующая, проблема человеческого познания: если дан психике как модель этого мира, то каким образом модель становится человеку понятной, то есть отнесенной своей предметной наполненности к внешнему относительно себя миру, или, иначе, как человек понимает, что то, что отражается, что является предметом его отражения, тем и менее, ему не принадлежит, но и не существует в качестве объекта познания вне его познавательных интенций?

Сознание - это не просто отражение или не только отражение. И ранее я определил сознание как понимание. Понимание включает в себя отражение в качестве необходимого условия, но ни коим образом не является его эквивалентом. Картина мира является осмысленной благодаря самопониманию сознания. Картина мира - внутреннее изображение внешнего, где роль внутреннего изображения выполняет механизм его порождения. То сознание можно было бы определить (если бы что-то определяли) как осознание своего содержания их как "аутопонимание". Поскольку сознание работает с собственным содержанием (только это дает возможность субъекту знать, что дерево растет не на сетчатке, а на видимой лужайке), значит оно и строит собственные тексты вместе с тем, оно же их и понимает. Приведу пример Х. Плеснера, в которых заключена мысль, конгениальная всем моим размышлениям о природе сознания: "все, что человек, - А.А.) узнает, он узнает как содержимое созн

Г с ознание как мультипликативный самоинтерпретирующий текст

а потому как нечто не в сознании, но вне сознания с... Человек знает о себе как душе и теле, о других лицах, существах и вещах непосредственно только как в них или содержаниях сознания, а через их посредство являющейся реальности."

Текстов, которые строит сознание, может быть много: восприятие, представление, мышление, аффективная сфера, равно как могут иметь место и различные формы понимания, реализуемые параллельно. В ходе мышления

Человек не перестает осмысленно воспринимать внешнюю и осознаваемое, одновременно с этим, сознание "читает"

написанный на языке эмоций, чувств, настроениями

который, пожалуй, единственный существует в сознании

И всегда, когда оно есть. Об этом говорил еще Вундт

я эффективность одной из образующих сознания. Я полагаю,

что человек понимает не только благодаря внутреннему

Понимание - постоянный атрибут сознания, мышление как

мышление - событие не частое. По крайней мере, как ни странно,

в этом сходятся почти все современные психологи (естественно,

сами в том не признаваясь), что осознание проблемной ситуации -

есть начальная стадия мышления. Понятно, что при такой позиции мышление не

является широко распространенным явлением психического

Сознание же никогда не может быть потенциальным Оно всегда

присутствует актуально, когда оно есть. Если же его нет, человек

не знает, что его нет, так как объективно. Сознание может

только само сознание. Рассмотрим простейший пример частной

формы сознания, а именно перцептивный акт. Сам образ на

сетчатке, тем более перевернутый, не может быть достаточным основанием для определения: 1) этого образа как образа конкретного объекта, например, лошади, то есть

определения того, что это (лошади, а не образ дерева; 2) того, что лошадь принадлежит

внешнему, относительно образа, миру; 3) того, что это

что восприятие, предметность образа которого обусловлено на воспринимаемым, принадлежит "Я" как субъекту познавательной активности, что это мое восприятие, а раз это мое восприятие, то оно не может принадлежать мне некая потенциальная способность; восприятие всегда феноменально, а феноменологический анализ обязывает где всего оценивать восприятие с позиций того, что и как явлено в нем, то есть, с учетом его предметного содержания. Это, конечно же, сверхпарадоксально. Обладая приятием, человек не обладает тем, что образует предметный план восприятия (в восприятии мне дана лошадь (дерево, стол и т.д.), и это восприятие, как единство формы содержания, принадлежит мне, но, несмотря на то, что лошадь составляет реальный объект моего видения, которое рого перцептивный образ лошади не смог бы существовать (надо до конца еще раз осознать всю сложность этого парадокса: без лошади не может существовать перцептивный образ лошади, то есть, не может существовать такого химического продукта, как образ), сама лошадь, Лошадь относится к внешнему в системе "Я - не Я" миру). Лошадь равно как и все другое воспринимаемое, не может быть держанием восприятия, так как образ психичен, а лошадь нет, в том смысле, что для наблюдателя она выступает каким же чувственно - отражаемым объектом, как и звезда на небе или рекламная вывеска. Родственный взгляд на Гуссерлю роду восприятия можно обнаружить в феноменологии восприятия серля, который поясняет свою мысль о смысле восприятия на примере, где вместо лошади фигурирует дерево, конечно же, одно и то же. "Само дерево, вещь природы говорит Гуссерль, - не имеет ничего общего с этой воспринятостью дерева как таковой, каковая, как *смысл* (курсив А.А.) восприятия, совершенно неотделима от соответствующего восприятия. Само дерево может сгореть, разделиться на свои химические элементы и т.д. Смысл

мысл этого восприятия, нечто неотделимое от его сущности, не может сгореть, в нем нет химических элементов, нет, нет реальных свойств."¹

"Видеть" - означает обладать на расстоянии", - отклик М. Мерло - Понти². Однако, обладать - означает иметь". Воспринимая, я "обладаю" объектом восприятия, поскольку это восприятие принадлежит мне, также как моему чувству, мысли, установке и т.д., хотя я и не имею этого объект в качестве своего собственного психического содержания, он - не я. Но его инаковость парадоксальным образом все-таки присутствует в моем акте восприятия.

Мне, чтобы разрешить вышеописанный парадокс (напротив, сознание, в отличие от нас, легко с ним справляется), сознанию требуется, как минимум, построить такой понятный для себя текст, в котором были бы различимы для понимания следующие моменты: эго-сознание - действительно эго; лошадь - не лошадь. Иначе говоря, сознание всегда должно "знать", что оно есть, то есть осознавать себя.

В противном случае, сознание размывается (деструктурируется текст) или исчезает. По всей видимости, это происходит

в глубоких медитативных состояниях или в тех случаях, когда велика концентрация внимания, ведь внимание в некотором смысле регулирует режим работы сознания, специфицирует или аттенюирует понимание. В этой связи интересно то обстоятельство, что если концентрация внимания превышает некоторый критический уровень, сознание как бы опустошается, выхолащивается его содержание

содержанием его, как мы помним, являются смыслы). Таковы, например, П.Ф. Каптерев считает, что сильное страдание и наслаждение, которые сопровождаются концентрированным вниманием к предмету переживания, в ряде случаев

Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. В сб.: Язык и интеллект. М., 1996. С. 76.
Мерло - Понти М. Око и дух. М., 1992. С. 19.

могут приводить к растворению в собственном переживании и через это - к исчезновению последнего. Этим, возможно, объясняется наступающая апатия после долгого страдания. Внимание, становясь **однопредметным**, предельно фокусируя сознание на чем-то одном, заключается, по мнению Каптерева, "в простом переживании известного состояния со всецелым погружением в него. Человек **вск** уходит в переживание положения и более ничего не **делает**, ни о чем не думает не только постороннем переживаемому состоянию, но даже и о том, что переживает, что поглотило его внимание." (П.Ф. Каптерев, 1889)¹

Сознание себя обнаруживает через самопроявленность. И эта самопроявленность - есть результат функции понимания. По всей видимости, в каждом состоянии сознания заложена способность сознания к самовоспроизведению. Сознание одновременно является и понимаемым, понимающим, само-себя-понижающим сознанием. **самому** приводил метафорический образ ударяющего по **иллюст** себе молотка, который **К.Г.** Юнг использовал для **предмета** рации своей мысли о тождественности субъекта и **устрой** психологии². Так вот, сознание и есть такое хитрое **созна**ство, которое феноменально в отношении самого **созна**. Вместе с тем, непрекращающееся самопорождение **созна**ния означает и его самопричинность. Сознание свободно

по: **Дармашев** Ю.Б., Романов В.Я. Психология внимания. **Цит.** 1995. С. 234.

наиболе уж сознание определять через поэтический образ, то **Если** точная дефиниция заключена в словах О. Мандельштама: "Я и садик, я же и цветок, / В темнице мира я не одинок." (Из сб. "Камень" 1910. Мандельштам О. Сочинения в 2-х томах. Т. 1. М., 1990. **Указанн** Или, у того же Мандельштама: "Ткань, опьяненная собой". **солн** сочинение С. 70). Возможны и другие сравнения, например: согревающее себя; конь и наездник в одном лице; картина, рассма **ва**вающая себя; и раб, и господин одновременно; изображающее изображение и т.п.

■ как известно, одним из самых корректных философских **пределений** свободы является утверждение: быть свободным - это быть причиной себя. Еще и в силу этого понять **Юзнание** - это понять совершенно невероятную вещь - **де**терминанты свободной (читай: психической) активности.

Тексты сознания, построенные в различных познавательных **ельных** контурах, имеют смысловой состав. Только это **слает** возможное понимание, вследствие которого **проис**одит дифференциация: Я - мир. Имеет ли понимание в **ормах** образной репрезентации мира процессуальный характер, или же образ имплицитно включает в себя понимание. Как преодолевается избыточное количество степеней **ободы** понимания? Что происходит с отвергнутыми альтернативами понимания? Что отвечает за выбор установленного в сознании понимания? Каким образом происходит понимание слабоструктурированных или размытых **кстов**(например, при восприятии музыкального произведения)? И самый важный вопрос - правомерна ли поставка перечисленных вопросов?

Но я не без некоторой радости обнаружил, что не **люк** в своем понимании природы сознания. Один из легендарных мыслителей, ставший, в некотором роде, исключительным явлением в истории философии, выразил свое **оставление** о сущности сознания следующим образом: **Истина** сознания есть самосознание, и это последнее **п.** основание сознания, так что, в сущности, всякое сознание **не** другого предмета есть **самосознание"**¹. Все, что есть в **К,** то есть то, что "имеет объективность", присутствует в **снании** также, как этому же сознанию принадлежит "Я". **тими** словами, все, на что человек направляет свою **пательную** активность, представлено в его сознании и **редством** этого же сознания оно себя самообнаруживает. **Каждый** объект я постигаю как звено в системе того,

■ Г. - В. - Ф. Философия духа. Сочинения. Т. III М., 1956. С. 214.

что есть я сам, - коротко говоря, что в одном и том же
 нании я имею и "я", и мир..."¹ Как я понимаю, имен
 этом мыслил и М.К. Мамардашвили и аналогичное
 мание он отмечал у Р. Декарта. (В данном случае
 идет о том, как на самом деле понимал Декарт или
 Мамардашвили, а о том, как понятно самому
 швили его собственное понимание, и как через это
 ние он приходит к пониманию мысли Декарта. Аналогична
 этому, понимание логики рассуждений Мамардашвили
 это в первую очередь мое понимание, и только
 это мое понимание, оно может совсем не совпадать с
 что действительно имел в виду Мамардашвили. Но
 как раз и состоит свобода понимания. А свободны
 тер активности, как известно, есть критериалг
 психики.) Мамардашвили в "Картезианских
 психики.) Мамардашвили в "Картезианских
 размышлениях" подчеркивает необычайно важный по его мнению в
 философии Декарта пункт, который, несомненно, побуждая
 искать в конструкции познавательной ситуации, в
 включает человека, третью инстанцию, одинаково
 ную по отношению как к миру, так и к сознанию человека.
 Послушаем Мамардашвили: "Если в мире есть небо, и
 вижу, то в этой фразе, утверждающей существование
 содержится картина, незаконно удваивающая мир.
 есть кто-то еще, какой-то наблюдатель, который
 небо, и мое сознание, в котором есть идея неба, и
 твоём сознании идея неба, так вот - небо существует.
 отразилось в твоём сознании."² Но очевидно, что
 ние существование "третьего глаза" противоречит
 только здравому смыслу, но и предполагало бы
 о четвертом глазе и т.д., что привело бы к дурной
 нечности в последующих допущениях, следовательно
 шение проблемы нужно искать в устройстве самого

Сознание как мультипликативный самоинтерпретирующийся

текст

я. Собственно, об этом и говорит Мамардашвили, опре-
 яляя сознание "как единственное начало для какой-либо
 итологической позиции в метафизике и эпистемологии".
 I силу этого сознание всегда включает в себя рефлексию.
 поэтому Мамардашвили определяет сознание как самосоз-
 нание: "сознание меня не как эмпирического субъекта, а как
 знание сознания. Сознание, сознающее себя. И поэтому
 по избавляет нас от предположений и допущений о каком-
 либо конкретном, определенном физическом носителе это-
 I сознания."² (Ранее мною уже высказывалась мысль, что
 ичины психических явлений и, конечно же, явлений, про-
 ходящих в сознании не могут быть помещены по ту сто-
 рону психики. Биологическое относительно процессов соз-
 нания - есть условие, а не причина последних.) Итак, Ма-
 мардашвили формулирует очень важную проблему теории
 знания (известно, что еще Витгенштейн считал, что "тео-
 II познания - это философия психологии"³), которая за-
 нимает в себе положение о существовании постоянно дей-
 ствующего когнитивного механизма, который опосредует
 внешние воздействия. И этот механизм встроен в саму
 структуру познавательного акта. Любой акт сознания без
 когнитивного механизма распадается, и, тем самым, декрystalли-
 зуются сам текст сознания, с которым оно работает. В этом
 смысле рефлексия - это, конечно же, не то, что принято
 традиционно считать в психологии: не обращение мышле-
 ния на внутреннее содержание сознания. При такой трак-
 товке, рефлексия ничем принципиально не отличается от
 собственно мыслительного процесса. Мамардашвили гово-
 рит конечно же, не о такой рефлексии. А о той, без кото-
 I сознание вообще не существует. Ранее уже говорилось,

¹Гегель Г. - В. - Ф. Указанное сочинение. С. 214.

²Мамардашвили М.К. Картезианские размышления. М., 1993 С. 267. I

Мамардашвили М.К. Указанное сочинение. С. 262.

Мамардашвили М.К. Указанное сочинение. С. 262.

Витгенштейн Л. Логико - философский трактат. / Философские рабо-
 I М., 1994. С. 24.

Сознание как мультипликативный самоинтерпретирующийся текст

что, для того, чтобы нечто осознать, требуется участие памяти. Причем, не знаю, насколько я сумел точно выразить эту мысль: память в аспекте сохранения информации - есть бессознательное содержание психики. Таким образом, сознание должно проделать колоссальную работу, непременную по своему объему: сличить смысл, актуально существующий в сознании, со всем содержанием, хранящимся в памяти. И, конечно же, удивительно, что это происходит фактически мгновенно, ведь в памяти хранится неизмеримо мое количество информации. Тем не менее, сознание справляется с такой задачей. Так вот, для того, чтобы раз, мысль была сознанием обнаружена, то есть получила свою завершенность, были гештальтированы, необходима предварительная работа сознания по осмыслению значений: внешних, относительно аппарата понимания, воздействий работа, которая производится сознанием в отношении понимания собственного текста, который, в свою очередь может быть осмыслен только благодаря памяти. Мамардашвили считает в корне неверной трактовку главного постулата Декарта: "я мыслю, следовательно, существую" связанную с представлением о человеке как о мыслящем существе. Он указывает, что Декарт считал, что ощущения, эмоции, образы - все, о чем человек знает непосредственно, относится к мышлению в той степени, в которой мышление отождествляется с сознанием. "...Сознаваемое ощущение - есть сознание или мысль. Оно - идея в той же мере, в какой я непосредственно знаю, что ощущаю."¹ Мамардашвили вслед за Декартом, и я вслед за ними, настаивают, что сознание - есть сознание осознаваемого. Только так сознание открывает мир для понимания. В некотором смысле, человек должен поселить сначала мир в себе и только потом - себя в мире, а это значит понять себя в отношении к миру, и только через это понять мир. Это

¹Мамардашвили М.К. Картезианские размышления. М., 1993. С. 263. И

Сознание как мультипликативный самоинтерпретирующийся текст

пыт "упаковывания" и "распаковывания" мира. Словом, плу своего устройства, человек как сознающее существо нуждается каждый раз заново выстраивать свой мир и тем самым восстанавливать действительный мир (или "мир" мира", в терминах М. Хайдеггера). Эта перманентная функция охватывает также и собственное "Я" человека - "Я" принадлежащее миру. Строя образ своего "Я", человек знает себя двойко. С одной стороны, он осознает себя "Я" познавательно нацеленным извне внутрь себя и, вместе с тем, глядя изнутри, осознает внезаходимость "Я". Следовательно: в самоотражении "Я", становясь "не-Я", не остается быть "Я".

В психологии трактовка сознания как самосознания (есть, признание этой тавтологии законной), встречается нередко. Укажу лишь известные мне мнения, которые в той или иной степени близки развиваемому мною подходу к сознанию... склонно мыслить себя и все остальное только как самосознание."¹ (А.Е. Шерозия). (См. также определение Шерозия, приведенное в Главе 5, стр. 202). Интерпретации представляют также размышления Д.И. Дубровского, который выделяет две основные характеристики сознания: бимодальность и бидоминантность. Под бимодальностью Дубровский понимает способность сознания одновременно отражать то, что принадлежит к "Я", и содержание, относящееся к "не-Я". "Сознание реального индивидуума, казывает автор, - в его содержательном аспекте есть "тот же настоящее"; это динамическая структура, в которой модальности "Я" и "не-Я" составляют динамическое единство."² Содержание сознания, которое актуально принадлежит действующему и познающему "Я", может становиться "иным", "не-Я". "Содержание, относящееся к модальности

¹Шерозия А.Е. Психика. Сознание. Бессознательное. К обобщению теории психологии. Тбилиси, 1979. С. 78.

²Дубровский Д.И. Информация, сознание, мозг. М., 1980. С. 148.

Сознание как мультипликативный самоинтерпретирующийся текст

сти "не-Я", сохраняет свою определенность лишь постольку, поскольку оно соотносится с модальностью "Я"; каждая из модальностей не имеет смысла вне соотнесения с противоположной", - поэтому, заключает Дубровский, - знание - есть двуединая информация о "Я" и "не-Я". В своей очереди, бидоминантность - это такое структурное отношение между "Я" и "не-Я", которое образуется в рамках текущего реального. Бидоминантность, по мысли Дубровского, реализуется аутокоммуникацию "Я", в ходе которой осуществляется ценностная регуляция содержательных процессов: "текущего настоящего" и формируются векторы активности сознания"². Во многом схожей позиции придерживаются и некоторые психологи, которым не чужды методологические проблемы³.

Таким образом, сознание всегда "знает" о том, что является его содержанием, и выступает в отношении к собственному содержанию активно действующим. Сознание выдвигает гипотезы о внешнем мире, предвосхищает вечные результаты в своих экспериментальных исследованиях, оценивает эти результаты в процедурах, возвращается к прошлому и забегает в будущее, строит по своим собственным установлениям, разрушает эти миры, когда меняет принятые для себя законы, ошибается, демонстрирует чудеса точности, ищет путь к истине и заставляет человека сомневаться в сделанном выборе... Сознание позволяет радоваться, испытывать страх, творческие муки озарения. И все это совершается сознанием, сознающим себя.

Я предвижу возражения тех, которые могут сказать, что мною сознание, сводимое к самосознанию,

¹ Дубровский Д.И. Указанное сочинение. С. 148.

² Дубровский В.М. Читаю и обдумывая Мамардашвили. // Психологический журнал. Том 20, № 2. 1999. С. 126.

³ Розин Журнал. Том 20, № 2. 1999. С. 126.

Сознание как мультипликативный самоинтерпретирующийся текст

ется не как инструмент познания мира, а как средство познания. Психика, сознание отражают реальный мир. Это отражение возможно только как следствие сознательного самоотражения. Мы слишком часто попадаем под влияние используемых слов, и, зачастую, слова искажают смысл, который они призваны выразить. Например, быстро можно услышать: "Мне в голову пришла мысль". "Надо думать головой", хотя, любому (?) понятно (?) мысли, сознание, процесс принятия решений, понимания не локализованы в телесном организме, и поэтому эти феномены, которые могут существовать в каком-то телесном органе, например, в мозге. Напомню по этому поводу выразительные слова Мамардашвили: "... В области образования сознания понятие нейронов является чуждым, поскольку ни в каком вообразимом сознательном существе эти процессы, вызывающие, как мы знаем, активность сознания, не могут стать элементом сознательного опыта. Мы отгорожены как раз от того, что фактически обуславливает наше сознание, отгорожены экраном Цога сознания (экраном, образующим горизонт событий внешнего мира)." Да, мы говорим, что думать надо головой, хотя знаем, что мышление не есть функция головного мозга. Да, мы говорим, что, например, что-то забыли, хотя прекрасно помним, что именно забыли. Так вот, моя мысль говорит в следующем: хотя мы и говорим, что психика с помощью аппарата сознания отражает мир, мы не знаем, как это происходит. А когда мы не знаем, мы склонны самозабвенно утверждение: "психика отражает внешний мир" принимать констатацию действительного положения дел, то есть теряем язык, который провоцирует нас идти по ложному пути. Попробую пояснить. Знание о том, что Солнце вращается вокруг Земли (да -да, я не ошибаюсь), знание <

Мамардашвили М.К. Классический и неклассический идеал рациональности. Тбилиси, 1984. С. 28.

явлении, которое заключается в движении Солнца относительно наблюдателя, который находится в определенной точке Земного шара, - это знание на уровне нашего визуального восприятия. Оно для нас доступно. Но наблюдаемое явление понимабельно, в силу того, что мы обладаем истинным знанием, а именно: знанием о том, что Земля вращается вокруг Солнца, и только поэтому для нас объясним тот факт, что видим мы, все-таки, движение Солнца, а не движение Земли. Так вот, мы знаем, что сознание отражает мир, но не знаем истинную природу этого отражения. Другими словами, мы не обладаем тем знанием, которое давало бы возможность понять, почему мы знаем, что сознание отражает мир. Профаническое (житейское, обыденное) знание состоит в том, что сознание человека отражает объекты и явления окружающей его действительности. Абсолютная достоверность кажимости такого отражения словлена эффектом самоотражения сознания. Мы осознаем мир и самих себя благодаря тому, что являемся носителями само-себя-сознающего сознания. Еще раз хочу подчеркнуть, что все познавательные формы активности, направленно на действительный мир, являются познавательными только по причине того, что сознание способно к самоинтерпретации, причем это интерпретация текста, который формируется внутри самой процедуры интерпретации. Тем самым понимание является "преимущественным атрибутом" сознания. Хотя в психологии самосознание традиционно считают значительно более поздним продуктом развития сознания¹. В этом смысле действительный мир или, как часто еще говорят, объективный мир для человека (а только это

¹ Вот, к примеру, достаточно традиционное мнение С.Л. Рубинштейна: "Самосознание является относительно поздним продуктом развития сознания, предполагающим в качестве своей основы становление субъекта практическим субъектом, сознательно отделяющим себя от окружающей действительности." - "Основы общей психологии. В 2-х т. Т. И. М., 1989. С. 240.

важно интересоваться психологией) представлен как модель, которую строит сознание. Иначе говоря, человеку объективный мир дан как знание об этом мире. А знания, конечно же, могут быть ограничены, несовершенны, иллюзорны и т.д. Субъективация объективного - необходимое условие познания. Трудно представить себе ту катастрофическую ситуацию, при которой человек смог бы знать "вещи в себе", так как это привело бы к отказу от свободы. Знать истинное положение вещей, иначе говоря, не иметь возможности ошибаться, означало бы крайнюю детерминированность человека. В силу этого, объективное знание - это то, к которому человек стремится в познании, но при этом никогда его не достигает. Сходную мысль высказывал и Рубинштейн, считая, что объективное не может быть противопоставлено субъективному¹. Объективное знание конструируется в ходе субъективного познания. Тем самым определяется не обратная, а прямая пропорциональность: чем более активен субъект в своей познавательной деятельности, тем более объективным становится знание. И лишь когда со стороны субъекта есть акт творческой деятельности, его объект - самостоятельный мир, объективное бытие."²

В онтологическом плане или, в терминах Зинченко, в отношении своем слое, сознание - есть совокупность текстов, построенных в различных познавательных контурах. Каждый момент психического настоящего в актуальности существующих контурах может строиться не более одной линией. Но, как уже указывалось, человек легко может осуществлять напряженную мыслительную работу и, вместе

в другом случае я с Рубинштейном согласен, хотя это тот же самый Рубинштейн, представления которого о самосознании я, конечно, не разделяю.

² См. по: Абульханова - Славская К.А., Брушлинский А.В. Философско-психологическая концепция С.Л. Рубинштейна. М., 1989. С. 24.

тем, выполнять не связанную с предметом мыслительность, которая предполагает осмысленное восприятие условий и средств ее реализации, то есть сознание работает одновременно с некоторым набором текстов. Тексты состоят из смыслов, но сознание в актах пониманий стремится обнаружить смысл всего текста, то есть поведать его путем формирования новых смысловых областей, так как смысл текста в тексте не содержится. Важно также отметить, что *тексты сознания формируются актами понимания*. То есть, ситуация выглядит не так, что существует некий текст, а к нему приложимы операции понимания, нет. Понимание этот текст конструирует. Понимание это тоже сознание, но со своей гносеологической стороны. Процесс понимания и является по существу процессом смыслообразования, или, иначе, понимание как функция сознания есть смыслопорождающий акт. В силу этого, сознание можно описать как множественный самоинтерпретирующийся текст, как понимающее себя эго-сознание. Использование понятия "текст" в отношении структуры сознания носит условный характер. Следует напомнить, что первоначальное значение слова "текст" имело более расширенный характер; латинское *textum* означало "связь, соединение".

В психологии традиционно принято разграничивать уровни психического отражения, то есть описывать психическое с точки зрения иерархического строения. В духе существующей традиции Б.Ф. Ломов выделяет три основных уровня психического отражения. Это: сенсорно - перцептивные процессы; представления; речемыслительные процессы, понятийное мышление, интеллект¹. При этом подчеркивает, что эти уровни психического отражены, вместе с тем, и уровни онто - и филогенетической

¹Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии М., 1984. С. 164.

развития. Внутри этих уровней, по мнению Ломова, возможно выделение подуровней. Можно предполагать, что три этих подуровней Ломов смог бы выделить еще подуровни, но нам важно сейчас не это. Три вышеперечисленных познавательных контура - есть три совершенно различные формы репрезентации действительного мира. В контурах строятся модели одного и того же мира. Но модели принципиально отличны друг от друга, и их падение невозможно не потому, что они с различной степенью полноты и конкретизации, то есть с различной степенью адекватности, репрезентируют реальность, а потому, что это абсолютно независимые друг от друга сферы знания о мире. Чтобы субъекту познания оценить истинность своей модели мира, то есть принять решение об адекватности соответствия своей модели действительному миру, он вынужден согласовывать между собой (вероятно на соответствие друг другу) модели мира, полученные в различных познавательных контурах. Но я уже отмечал, что установить такое соответствие принципиально невозможно, можно путем прямого сличения образа с образом, образа с мыслью и т.д. И, что самое важное, нельзя даже вести сравнение построенных моделей мира внутри иго познавательного контура в разные моменты времени. Поэтому абсолютно необходимо предположить, что

происходит сличение и опознание - до сих пор не вполне ясно. Да [собой представляют сами эти процессы? Обсуждая в литературе различные симультанного и сукцессивного видов опознания, авторы, в большинстве случаев, обращают внимание на то, как происходят эти различные действия, а не на то, чем они являются. Что с чем сличается? что опознается? Даже для такого признанного авторитета, как Шехтер, по всей видимости, здесь не существует чего-либо принципиального. Так, Шехтер с непогрешимой уверенностью определяет процесс как "процесс взаимодействия между следом (какова природа следа? - А.А.) и поступающей афферентной информацией (чем является? - А.А.), в результате которого выясняется, соответствуют

Сознание как мультипликативный самоинтерпретируемый процесс сличения производится в психике не между продуктами психической активности, то есть не личными видами психических гешталтов, а которыми, если воспользоваться терминами относятся к форме интегральных продуктовных процессов как означаемое к означающему. Я полностью отвлекаюсь от рассмотрения вопроса, каким образом происходит сличение смыслов в психической. вполне возможно, что такое сличение производится в соответствии с различными принципами. Во всяком случае, литературе опознание, которое невозможно объяснить, исходя из таких принципов, как прототип², гешталты³ и т.д. Процесс опознания, в данном случае, нам интересен не сам по себе, а как феномен, демонстрирующий те сложности, которые возникают при объяснении процесса построения модели мира. Итак, я сказал, что установление соответствия моделями мира, которые строятся в различных познавательных контурах, единственно возможно в том случае если эти модели в своей содержательной части (в плане сначаемого) репрезентируют один и тот же фрагмент действительного мира. Если смысловая область пересечения этих моделей достаточно широка (понятно, что критерий, гласно которому устанавливается удовлетворительная степень совпадения, может быть задан самими модели оцениваются как в достаточной степени адекватные отражаемому миру. Другими словами, в одном познавательном контуре производится независимая проверка моделей, построенных в других познавательных контурах, они друг другу или не соответствуют." (Шехтер М.С. Психологические проблемы узнавания. М., 1967. С. 40.)

В.М. Опыт теоретической психологии. СПб., 1993. С. 246.
 1 Аллахвердов Р.Л. Когнитивная психология. М., 1996. С. 90.
 2 Солсо Р.Л. Указанное сочинение. С. 81.
 3 Солсо Р.Л. Указанное сочинение. С.

Сознание как мультипликативный самоинтерпретирующий процесс сличения производится в психике не между продуктами психической активности, то есть не личными видами психических гешталтов, а которыми, если воспользоваться терминами относятся к форме интегральных продуктовных процессов как означаемое к означающему. Я полностью отвлекаюсь от рассмотрения вопроса, каким образом происходит сличение смыслов в психической. вполне возможно, что такое сличение производится в соответствии с различными принципами. Во всяком случае, литературе опознание, которое невозможно объяснить, исходя из таких принципов, как прототип², гешталты³ и т.д. Процесс опознания, в данном случае, нам интересен не сам по себе, а как феномен, демонстрирующий те сложности, которые возникают при объяснении процесса построения модели мира. Итак, я сказал, что установление соответствия моделями мира, которые строятся в различных познавательных контурах, единственно возможно в том случае если эти модели в своей содержательной части (в плане сначаемого) репрезентируют один и тот же фрагмент действительного мира. Если смысловая область пересечения этих моделей достаточно широка (понятно, что критерий, гласно которому устанавливается удовлетворительная степень совпадения, может быть задан самими модели оцениваются как в достаточной степени адекватные отражаемому миру. Другими словами, в одном познавательном контуре производится независимая проверка моделей, построенных в других познавательных контурах, они друг другу или не соответствуют." (Шехтер М.С. Психологические проблемы узнавания. М., 1967. С. 40.)

Аллахвердов В.М. Опыт теоретической психологии. СПб., 1993. С. 246.
 Аллахвердов В.М. Указанное сочинение. С. 246.
 Аллахвердов В.М. Указанное сочинение. С. 246.

производного познавательного контура, при условии абсолютной независимости (а на этом Аллахвердов настаивает) исходных познавательных контуров. Для независимости проверки результатов познавательной деятельности не требуется никаких дополнительных, производных контуров. А объяснение того, как осуществим путь сенсорного к моторному, и наоборот, следует искать в плоскости связей между смыслами психической сферы соответствующими им паттернами реакций, действий, поведения. Как мне кажется, об этом бы и хотел сказать Аллахвердов, но затем, почему-то пожелал, чтобы его правильно поняли. Так, он пишет, что в сенсо - моторной сфере "моторные образы подгоняются к сенсорным, устанавливается словарь сенсо - моторных связей, а зафиксированное в словаре отождествление сенсорной и моторной моделей (как это возможно, если они независимы? - А.А.) проверяется тем, что всякий раз, когда под воздействием сенсорной информации актуализируется данная сенсорная модель, осуществимы все те действия, которые совместимы с отождествленной в словаре с этой моделью моторной моделью". Но это как раз и означает соответствие определенных типов реагирования определенным смысловым образованиям. Актуализация смысла является пусковым механизмом для исполнительных действий. В ходе и в результате действия корректируется смысловая модель поведения чего возможна в свою очередь и коррекция действия. В противном случае было бы трудно объяснить в действии избыточного количества степеней кинематической свободы.

Аллахвердов В.М. Указанное сочинение. С. 246.

Глава 6. О МЕХАНИЗМЕ ПСИХИЧЕСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ

Психологами давно отмечено то довольно распространенное явление, суть которого заключается в том, что человек очень часто не способен выполнять определенную деятельность, которая должна выражаться в том, что ее не только выполнять. Это имеет место в случае, когда человек поставлен в такие условия, при которых ему следует сконцентрировать свое внимание на выполняемой деятельности имеющей свою цель и одновременно с этим игнорировать всякие внешние воздействия, не относящиеся к текущей деятельности, воздействия, которые провоцируют человека на совершение нерелевантных действий. Еще в древности было хорошо известно, что энергия следует за целью. Поскольку любые продукты психической деятельности образы, мысли, конечно же эмоции, заряжены энергией в этом обстоятельстве нет ничего удивительного. Еще Кант считал, что активность - это "причинность причины". Герес в данном случае представляет не то, что образ мысли или эмоция ищут своей разрядки в действии, а то, являясь субъектом какой-то одной деятельности, человек одновременно с этим является субъектом как минимум 10% деятельности, из которых вторая заключается в игнорировании всего того, что не предусмотрено программой той деятельности. Таким образом, задача, которую постоянно решает человек, будучи включенным в определенную предметную или познавательную ситуацию, связана с тем, что нечто в текущий момент времени делать не надо. Именно этими словами, эффективность выполнения такой определенной деятельности зависит от того, насколько человек успешно справляется с задачей ее невыполнения. Наиболее

ярко этот феномен обнаруживает себя при выполнении называемых совмещенных заданий. По всей видимости, наиболее демонстративным примером этому служит называемый "Струп - феномен". По сей день "Струп - феномен" является одной из самых оригинальных экспериментальных методик, диагностирующих особенности познавательной сферы, а именно такую ее характеристику, как "гибкость - ригидность познавательного контроля". Стимулами являются "Струп - тесте" являются слова, обозначающие различные цвета, например, красный, зеленый, синий, желтый. Каждое отдельное слово окрашено в цвет, не соответствующий тому цвету, который обозначается словом. Так, слово "желтый" окрашено в синий цвет, слово "зеленый" - в желтый, слово "красный" - в зеленый и т.д. Перед испытуемым ставится одна из задач: или, как можно быстрее, назвать в который окрашены стимульные слова, или читать абстрагируясь от цвета, в который они окрашены. При выполнении любого варианта задания, испытуемый выполняет два совмещенных задания, одно из которых регламентировано инструкцией, и второе задание - игнорирование или значения стимульных слов, или, в другом варианте, игнорирование цвета, в который окрашены эти слова. Величина психической интерференции при выполнении "Струп - теста" оценивается по количеству сделанных ошибок и по времени, затраченному на выполнение экспериментальной задачи. Практика применения "Струп - теста" показывает, что независимо от психологических особенностей испытуемых, интерференционный эффект наблюдается всегда и его величина прямо зависит от эффективности выполнения испытуемым задания на игнорирование. Чем лучше испытуемый справляется с выполнением задания, суть которого заключается в том, что выполнять не надо, тем меньше величина интерференционного эффекта. Как показывают личные наблюдения, некоторые испытуемые вообще не могут выполнять, на

гляд, очень легкое задание "Струп - теста". Психическая интерференция, которую вынужден преодолевать испытуемый в процессе выполнения тестового задания, зависит от степени сходства (и это прежде всего смысловое сходство основного и дополнительного заданий, где в качестве дополнительного выступает латентное задание на игнорирование). И при всем огромном желании самого испытуемого не способен элиминировать из своего сознания актуальный смысл, относящийся к задаче игнорирования.

В настоящее время разработаны различные модифицированные "Струп - теста", однако в классическом варианте предложенном Струпом, регистрируемая величина интерференционного эффекта всегда оказывается больше, нежели при использовании модифицированных вариантов. Кроме "Струп - феномена" известны и другие эффекты, относящиеся к интерференционным явлениям, например "эффект Ли", "рефракторный период". Интерференция часто обнаруживается даже в тех случаях, когда ни испытуемый, ни экспериментатор о ней не подозревают. Например, использование "черно - красных таблиц Шульце", предназначенных для диагностики переключения внимания, по наблюдениям, у каждого третьего испытуемого во время выполнения задания эффект интерференции. Напомню, что в третьей серии экспериментального задания испытуемый должен осуществлять совместный подбор черных цифр в порядке возрастания и красных цифр в порядке их убывания, чередуя черную и красную цифры. Из распространенных ошибок, которую совершают испытуемые при выполнении такого задания, связана с ошибочной цветовой идентификацией, то есть правильно обнаруживая цифру, испытуемый путает цвет. Например, актуально ориентируясь на поиск цифры 20 "ряда черных цифр", он показывает цифру 20, но другого цвета, при этом очень часто не замечает

Хвердов В.М. Опыт теоретической психологии. СПб., 1993. С. 222

чая сделанной ошибки. При требовании экспериментатора исправить ошибку, неизбежно увеличивается время выполнения задания, а, как известно, временной показатель отражает уровень сформированности диагностируемого параметра при использовании любых тестов интерференции. Таким образом, хотя толерантность к помехам и не имеет прямого отношения к переключению внимания, она не может не влиять на конечный результат, которому оценивается диагностируемое свойство. Это, несомненно, снижает валидность теста как измерительного инструмента.

В психологии понятие интерференции используется достаточно широко, хотя, как известно, это понятие заимствовано из физики, где оно применяется для обозначения эффектов наложения волн, близких по частоте, но разных по амплитуде. Понятием "психическая интерференция" предложеным А.А. Крыловым, описываются различные психологические явления очень широкого круга. Говорят о перцептивной интерференции, мнемической интерференции, интерференции навыков, интерференции как механизме обучения, и даже об интерференции картин мира и культуры. Однако, до сих пор не вполне ясно, по каким критериям следует судить об эффектах интерференции и каким образом выделяется диапазон, в пределах которого выражена интерференционная картина. Кроме этого, чаще всего говорят о психической интерференции как факторе, влияющем на выполнение той или иной деятельности. Является ли интерференция, в литературе чаще обсуждается негативный интерференционный эффект. Например, П. Линдсей и П. Норман именно с интерференцией связывают процесс забывания. Однако, интерференция, безусловно, имеет и позитивный эффект, и если уж говорить о мнемической интерференции, то часто воспоминание является как раз следствием

Линдсей П., Норман Д. Переработка информации у человека. 1974. С. 326 - 327.

интерференции. "Если надо помочь человеку что-то вспомнить, - пишет Р.М. Грановская, - целесообразно побудить его к рассказу со свободного рассказа о событии. Такая форма интерференции визуализирует сопутствующие ассоциации, облегчая тем самым воспоминание деталей". Многие мнемонические приемы, способствующие лучшему запоминанию, пользуются тем же названием мнемотехник, как то: локальная привязка, использование словесных посредников, разбиение на группы, метод ассоциаций, так или иначе предполагают интерференционный эффект. И, как это ни кажется парадоксальным, очень часто именно для того, чтобы что-то эффективно запомнить, необходимо запомнить значительно больше информации, чем требуется для достижения цели запоминания. И, как ни странно, такое дополнительное усложнение мнемической задачи открывает дополнительные возможности доступа к искомому содержанию памяти, тем самым повышая эффективность воспоминания. Здесь достаточно вспомнить Шеришевского, который для того, чтобы запомнить, например, очень длинный список слов, нужно было использовать метод локальной привязки, который предполагает соотнесение того, что запоминается, с определенным местом (Шеришевский использовал мнемические слова "расставлял", как правило, по улице в Москве). Тем самым, информация, которую необходимо было помнить, как минимум, увеличивалась в два раза, и это произвольное увеличение объема информации использовалось для того, чтобы эффективно запомнить то, что необходимо было запомнить. На самом деле, Шеришевскому было необходимо было запомнить по инструкции, те места, с которыми пространственно соотнесены референты стимульных слов, а также запомнить, какие места каким словам соответствуют, то есть запомнить саму связь, само соотнесение. Все это обеспечивало условия для позитивной интерференции, которая и приводит к эффективному воспоминанию.

Грановская Р.М. Элементы практической психологии. Л., 1988. С. 131.

Более подробный анализ интерференционных явления дан в работах В.М. Аллахвердова¹.

Не обсуждая возможные факторы, влияющие на пень интерференционной толерантности², постараюсь обратиться с таким загадочным проявлением сознания, которое выражено в феномене психической интерференции. Исходя из логики сформулированных основоположений сознания, независимо от форм своей реализации, имеет ну инвариантную функциональную цель - понимание. Активность сознания - это, по сути, активность понимания. Как будет показано в следующей главе, человек, получив приоритетное право обладать сознанием, не способен понимать. Понимание предполагает существование априори до самого эффекта некие гипотезы, некие предположения, то есть те ожидания, которые зафиксированы в ответственности смыслах. Об этих ожиданиях чаще всего представляется возможным судить лишь в тех случаях, когда они не подтверждаются. Выходя из дома, человек спрашивает себя, действительно ли воспринимаемые скамейка, дерево или качели во дворе дома являются скамейкой, деревом и качелями. Он может даже не заметить

¹Аллахвердов В.М., Осипов Л.Е. Струппфеномен: Новый взгляд на природу перцептивной интерференции. // Категории, принципы и методы психологии. Психические процессы. Ч. I. Тезисы научных докладов к VI Всесоюзному съезду Общества психологов СССР. М.: 1987. С. 72-73. См. также Аллахвердов В.М. Опыт теоретической психологии. СПб., 1993.

²Традиционно к таким факторам относят сложность основного задания при выраженном дополнительном задании на игнорирование, как уже указывалось, смысловое сходство между основным и дополнительным заданием. "...Интерференция оказывается неизбежной, две деятельности разделяют одни и те же или тесно связанные речические механизмы сенсорного входа и моторного выхода." (Дарвин Ю.Б., Романов В.Я. Психология внимания. М., 1995. С. 155) по всей видимости, перечень таких факторов далеко не полон. Можно предположить, что определенные личностные качества также модулируют подверженность к интерференции.

С чем сталкивается как с привычными явлениями в течение продолжительного времени. Однако, едва ли, выйдя из дома, человек не обнаружит привычную скамейку у подъезда. Если ее только что покрасили в ярко желтый цвет, то понимание всегда отдает приоритет той информации, приходящей из внешнего мира, которая обладает новизной. Как понимание привычного имеет свой ресурс, связан с широтой спектра тех ожиданий, которые сознание проверяет в актах понимания. В этом смысле психическая деятельность является проверочной деятельностью. Это • у зрения разделяют многие когнитивные психологи. Можно вспомнить позицию Брунера относительно природы зрительного восприятия, а также мнение Аллахвердова, который полагает, что психическая деятельность • не что иное, как проверочная деятельность, а "сознание активно проверяет собственные гипотезы, ставя реальные эксперименты и оценивая результаты тех действий. В бытии оно самостоятельно управляет". В эффектах психической интерференции проявляется решение сознанием задачи на понимание того, действительно ли то, что я слышу, мыслю и делаю, есть то, что я вижу, слышу и в не нечто иное. При этом, для того, чтобы понимать, водимо отвергать в каждом акте понимания иные альтернативы понимания, так как понимание связано с ограничением возможных когнитивных выборов в пользу иной природы понимаемого объекта. Интерференция имеет место в случае очень тесной корреляции между двумя стратегиями понимания. Если понимание предполагает свою реализацию в действии, то конкурирующее понимание также реализует соответствующие ему действия, которые с точностью следствия стратегии адекватного ситуации понимания являются ошибочными. В этом смысле ошибочные действия являются следствием когнитивного конфликта при интерференции. Под ред. А.А. Крылова. М., 1998. С. 132; См. также: Аллахвердов В.М. Опыт теоретической психологии. СПб., 1993.

ции понимания. Человек без труда пройдет по бревну, расположенному на высоте 1 м. от земли, но весьма маловероятно, что затея удачно осуществится, если это бревно будет расположено на высоте в несколько десятков метров над землей, например, перекинуто между окнами двух блистательных высотных домов. В первом случае в сознании человека мысль о падении не присутствует, поэтому это понимание не провоцирует падения. Во втором случае элиминировать мысль о падении невозможно, так как это понимание вполне соответствует той ситуации, в которой актуально находится человек. Каждый раз вводя в свое сознание эту мысль ("как бы не упасть", "не упаду ли я?", "надо быть осторожным, а то упаду", "нет, я точно упаду" и т. п.), он, тем самым, сам инициирует соответствующее этой мысли действие. Иначе говоря, он тратит огромную часть познавательных усилий на преодоление психической интерференции, на решение задачи на игнорирование, то есть той задачи, напомню, которая заключается в том, что ее и следует решать. Ведь, действительно, от человека требуется только пройти по бревну, аналогично тому, как если бы это бревно было расположено на высоте 1 м., и, с точки зрения целей этой деятельности, ему абсолютно не требуется думать о том, упадет он или нет. Успешность прохождения по бревну, таким образом, прямо зависит от способности человека не думать о падении. Но в том-то и состоит парадокс, что психически здоровый человек об этом не может не думать, точно также как не может не думать о "желтой обезьяне", если его попросят какое-то время о ней не думать. Л.С. Выготский считал наилучшим педагогическим приемом упорное введение в сознание воспитанника мыслей о тех поступках, которые он не должен совершать. "Золотая поведь: "Не делай чего-нибудь" - есть уже толчок к совершению этого поступка в силу того, что она вводит в сознание мысль о подобном поступке, а, следовательно, тенденцию к его осуществлению. ...Мысль, все время находившаяся

в сознании, все время реализуется в действии. Нет лучшего средства заставить ребенка разбить стакан, как не только раз сказать ему: "Смотри же, не разбей его" или "Л непременно его разобьешь." По этой же причине Выготский считает нецелесообразным подробное объяснение описания того, как и почему люди кончают жизнь самоубийством, хотя такие объяснения и встречаются у авторов некоторых педагогических публикаций. На данный факультет обращает внимание Э. Аронсон, говоря о суициде, который часто бывает спровоцирован рассказами о нем². К нему можно добавить также, что, по всей видимости, одной стороной наркомании является внедрение в сознание подростков желания испытать действие наркотика, которыми так старательно пугают. Эскалация агрессии, негативные настроения, деструкция нравов - то есть все это образует идеологию катастрофы, составляет содержание ежедневных газетных публикаций и телерепортажей и давно очевидно, что знание о язвах жизни не только не обладает целебной силой, но и увеличивает порочность общества, так как постоянное погружение сознания в соответствующую информационную среду стимулирует человека совершение действий, релевантных содержанию сознания. И, кроме того, вследствие такой ежедневной приемы, уменьшается чувствительность к чужому горю и состраданию, поскольку, как уже говорилось, сознание восприимчиво к тому, что имеет элемент новизны.

Механизм психической интерференции лежит в основе называемой парадоксальной интенции - одной из эффективных психотерапевтических техник. Техника парадоксальной интенции была разработана В. Франклом и является одним из приемов логотерапии. Суть ее заключается в следующем: клиенту запрещается делать то, что и

Выготский Л.С. Педагогическая психология. М., 1996. С. 154.

Аронсон Э. Общественное животное. Введение в социальную психологию. М., 1998. С. 83.

вызывает невротическое желание, то есть как раз то, что ему и хотелось бы делать успешно. Так, например, Франкл рекомендует лечить импотенцию (если она не вызвана органическими причинами) табуированием половой жизни, бессонницу - запретом спать и т.д. Тем самым, снижается интерференционный эффект, связанный не с самим действием, а с его последствиями (аналогично тому, как это происходит в ситуации прохождения по бревну: "упаду - упаду?"). Человек, страдающий от бессонницы, вводит свое сознание, что он опять может не заснуть, точно так же как больной импотенцией допускает мысль, что у него тоже может "не получиться". Неспособность выполнить задание на игнорирование (не думать о том, что не получится) приводит к тому, что человек не может выполнить основное задание (заснуть; успешно совершить половой акт). Франкл считает, что эффективным является устранение самих условий, при которых происходит психическая интерференция, так как устранение этого интерференционного эффекта, по крайней мере в описанных примерах с бессонницей и импотенцией, само собой не может. Психическая интерференция в этом случае может быть нейтрализована только путем ключения человека из самой ситуации, в которой она происходит. Понятно, что если человек не будет ложиться спать, то он и не будет испытывать бессонницы, поэтому ложиться рекомендуется не тогда, "когда надо", а тогда, когда усталость уже не позволяет не спать. "Если желание делает засыпание невозможным, - поясняет В. Франкл, - то желание не спать парадоксальным образом вызывает сон".¹ Тогда человек, как минимум, уже больше не будет бояться бессонницы, вместе с тем, он еще и приобретет возможность вызывать сон.¹ Многочисленные клиентские случаи, когда парадоксальная интенция была использована в кач

¹Франкл. В. Человек в поисках смысла. М., 1990. С. 356.

- терапевтического приема, описаны Франклом в его работе.

Интерференция, по всей видимости, является одним из наиболее ранних принципов, согласно которому происходит ослабление значений стимулов внешней среды, вне зависимости от того, каков характер этой внешней стимуляции. В том, что человек всегда принимает решения, в процессе формирования смысла, он вынужден осуществлять выбор, так как принять решение можно только на основе свободы выбора. В противном случае, само понятие "принятие решения" является ничего не значащим. А это значит, что в каждый момент времени существует возможность поливариантного способа осмысления значения, что, «о очередь, делает неизбежным влияние отвергнутых альтернатив на актуальный выбор. Ранее уже было сказано, что содержимое сознания состоит из таких смыслов, которые не могут быть изолированы от сферы смыслов познавательного. Смыслы, явленные в сознании, предельно Иены в "как" своей данности, специфизированы только благодаря тому, что это смыслы, существующие в контексте бессознательного. В силу того, что смысл имеет множество своих областей, в каждый момент психического назначения сознание рассматривает разные возможности построения (построения) смысла, исходя из различных контекстов, в которые этот смысл вписан, контекстов, которые различаются множеством областей смысла.

Безусловно, проблема психической интерференции остается еще очень мало разработанной. Между тем, это одна из самых важных проблем, которые следует решать с целью понять устройство сознания.

А теперь, уважаемый читатель, постарайся в течение одной минуты не думать о том, о чем только что читал. Парадоксально то, что, действительно, выпол-

¹Франкл В. Указанное сочинение. С. 340 - 358.

О механизме психической интерференции
 ная это задание ("не думать о прочитанном"), не думать о прочитанном невозможно.

Глава 7. ФЕНОМЕН ПОНИМАНИЯ

"Самое непонятное в этом мире то, что он понятен."

А. Эйнштейн.

"Происходит всегда не то, что мы видим происходящим, не там, где мы это видим, и не тогда, когда мы это видим."

М.К. Мамардашвили.

Структурно - функциональное единство психики данной работе описывается через триаду: "смысл - текст - понимание", где "смысл" выполняет роль материала, из которого строятся психические структуры (Аксиома 1), "текст" составляет онтологический план сознания (Аксиома 2), а понимание отражает его гносеологическую функцию (Аксиома 3). Нетрудно заметить, что предлагаемый подход к анализу сознания и психики в целом является герменевтическим. Если смысл психической сферы (имеющей смысловое содержание) в самой психической сфере не содержится (это следует из Аксиомы 3, Следствие 1), значит этот смысл должен находиться вне психики, то есть в мире, моделью которого психика является. Однако, осмысленность предполагает факт сознания. И, согласно Аксиомы 3, Следствия 3, смысла психики, как целого, не существует. Если психика моделирует действительный мир, то функциональной целью, на достижение которой направлена психическая активность, является познание во всей совокупности своих форм. Специфика человеческого познания определяется

наличием сознания. Учитывая этот факт, психическое отражение, трактуемое как интенциональная познавательная активность субъекта, реализуется в формах понимания текста носителя сознания, имеющего смысловое строение. Иначе говоря, человек не просто отражает мир, строя модель мира, но, отражая его, он, вместе с тем, понимает мир сквозь призму своей модели (чтобы видеть мир сквозь призму", понятно, что необходимо сначала видеть призму). Понятия "смысл" и "понимание" предполагают друг друга и не могут рассматриваться обособленно друг от друга. "Вне понимания также нет смысла, как и понимание есть усвоение некоторого смысла". Таким образом, моделирование действительного мира человеком возможно благодаря пониманию сознанием собственного текста. Это привело нас к следующему логическому заключению: если словесу мир дан как его модель (а в психологическом плане у человека есть ТОЛЬКО то, что составляет его психическое содержание), то познание мира, реализуемое в актах внимания, - это понимание собственной модели мира. Опыт осознания мира - есть опыт понимания в мире, а событие понимания - есть событие самого сознания. Следовательно, понять мир - это понять себя в отношении к этому миру, понять Другого - значит понять себя в отношении к Другому, понять свое "Я" - это понять себя в отношении к Я". Такой вывод оправдан только в том случае, если с психике придавать гносеологический статус. Ранее мы говорили о том, что изначально в онтогенезе смыслы психической сферы возникают не сами по себе, а только вследствие отражения, которое становится возможным, благодаря врожденной способности человеческой особи построить первые акты отображения внешних воздействий. Таким образом, стартовый онтогенетический опыт моделирования

Менчинская Н.А. Понимание. В кн.: Психология. Учебник для пединститутов. Под ред. А.А. Смирнова, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна и М.Теплова. М., 1962. С. 155.

Феномен понимания

действительности является эффектом отражения. Это положение вполне согласуется с традицией; так, к примеру, Б.Ф. Ломов указывал: "психический процесс развертывается изначально не по логике деятельности, а по логике отражения"¹. И совершенно справедливо Ломов видит стратегическую задачу психологии не в том, чтобы исследовать адекватность отражения реальному миру (ведь для этого бы требовалось знать о том, каким мир является на самом деле), а в "исследовании законов процесса психического отражения, его динамики, его механизмов"². Иначе говоря, как субъект строит свою модель мира (как он наполняет себя смысловым содержанием) и каким образом понимает, что критерии, выбранные для оценки соответствия мира и его модели, заданы точно, даже вопреки ошибочному миропониманию, которое очевидно в сознании других людей. Если теоретическое рассмотрение проблемы перевести в эмпирическую плоскость, то сказанное можно проиллюстрировать следующим примером: некий юноша абсолютно убежден в преданности и взаимном чувстве девушки, по отношению к которой он испытывает любовную страсть. На самом деле девушка не питает к нему ни малейших чувств, а поддерживает отношения с ним ради сугубо корыстных целей или в силу каких-то других причин, не имеющих отношение к тому, что принято называть любовью. Действительные мотивы девушки хорошо известны знакомым, друзьям, которые понимают всю иллюзорность надежд юноши. Однако, несмотря на то, какие настоящие чувства имеет девушка ("мир такой, какой он есть"), в текущий момент времени в сознании юноши ("модель мира") уверенность в том, что его на самом деле любят, носит неопровержимый характер ("...Сердце не врет, если сердце твое не орет, а поет." П. Кашин). И, как выше указывалось,

¹Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984. С. 158.

²Ломов Б.Ф. Указанное сочинение. С. 159.

Феномен понимания

I задачи психологии не входит понимание того, что из себя представляет мир в своей онтологической основе, а исключительно то, как человек этот мир моделирует и что из себя представляет модель мира. В надуманном примере представления юноши относительно действительных мотивов своей возлюбленной не могут быть оценены как истинные • ли ложные, ошибочные или адекватные; не это составляет предмет психологического исследования. На основании этого он формирует свои представления, и что обуславливает Г критерии его выбора в пользу вывода о том, что его представления истины, - вот что должно занимать психолога. Как уже отмечалось, реальность мира подтверждается для человека в факте очевидной данности содержания сознания, являющегося смысловой копией отражаемого мира. Поскольку психическое содержание образуют не застывшие мертвые "схемы" или "карты", в строгом соответствии которыми осуществляется миропонимание, а "живые смыслы", находящиеся в эволюционном развитии, изменение модели мира есть неизбежное следствие развития человека во всех его жизненных сферах. В описанном примере внимание замыкается на определенную точку временного континуума. Понимание локализовано во времени. Это ограничение в разных контекстах неоднократно вводилось «данной работе. Текст сознания и понимание рассматриваются с точки зрения их актуального "здесь и сейчас" существования. Это естественное следствие того, что саму психическую систему я изначально вижу содержательно наполненной. Поскольку содержание актуального сознания непрерывно изменяется, логика теоретического анализа должна заключать в себе те ограничения, которые накладываются фактором времени. Моделирование действительности непрерывно. Поэтому модель мира - это в той же степени процесс, как и временное состояние.

Понимание чаще всего связывают с мыслительной деятельностью и рассматривают этот феномен с точки зре-

ния эффектов мышления. Мышление, без сомнения, является важнейшим процессом, относящимся к сфере сознания. Это общепризнанное положение. Без понимания мышление было бы непродуктивным, но когда мы это утверждаем, мы имеем в виду то понимание, которое является завершающей фазой мыслительного процесса, собственно, самим результатом мышления, и игнорируем процессуальный характер понимания, ведь сам мыслительный процесс невозможен вне динамики понимания. Более того, ниже будет показано, что человек, обладающий сознанием, при всем огромном желании не способен реализовывать в своей познавательной активности акты непонимания. И как познание является сущностью психического, так понимание - есть сущность познания. Понятие "понимание" в контексте данного рассмотрения проблемы гораздо шире, чем это принято считать в психологии мышления. Понимание - это родовая функция сознания, которая реализуется не только в сфере мышления, но и посредством других познавательных форм активности. Иначе говоря, понимание - это та сущность, которая являет себя в перцепции, представлении, мышлении, рефлексии. И это в той же мере результат познавательных процессов, как и сами эти процессы в своей основе. Это в той же степени единство процесса и результата, как восприятие - единство процесса восприятия и перцепта, как представление - единство динамики формирования образа и самого вторичного образа, как мышление - единство мыслительного процесса и мысли, его интегрального продукта. Эта аналогия лишь тогда отражает действительные отношения между пониманием и формами познания, когда само понимание оценивается не в аспекте побочных продуктов работы сознания, а исходя из базового закона, которому подчиняется в своей деятельности весь когнитивный аппарат психики: понимание как основа познания заключает в себе положительную цель всей сферы психического. В этом русле познавательные процессы мо-

гут расцениваться как средства реализации и достижения понимания.

В психологии восприятия, характеризуя природу образных явлений, в первую очередь говорят о свойствах перцептивного образа, выделяя как вторичные по отношению к пространственно - временным, модальностным и интенсивностным характеристикам такие свойства, как целостность, обобщенность, предметность и константность. В то же время, не рассматривается вопрос о том, чем является сам образ как носитель этих свойств. То же самое можно сказать об исследованиях образов представления. По моему мнению (я предполагаю, с этим мало кто согласится), к перцептивные, так и вторичные образы, в отношении строения своего содержания, являются смысловыми структурами. Иначе говоря, смысл выступает той скрепой, которая удерживает постоянство в структуре свойств образа, и определяет постоянство каждого отдельного свойства. Так, четыре указанных вторичных свойства перцептивного образа можно определить следующим образом:

константность - постоянство (неизменность) смыслового содержания образа при изменении условий восприятия;

целостность - постоянство осмысленной структуры целого при изменении частей этого целого (структурная константность);

обобщенность - постоянство отнесения смысла образа к родовым областям смысла при изменениях, не разрушающих саму родовую область смысла;

предметность - неизменность самого смысла, как релевантного определенному объекту восприятия (семантическая константность).

Перцептивный акт не может рассматриваться как исключительно отражение внешней стимуляции. Если это и отражение, то отражение двойного рода. В образе восприятия, представленном как пространственно - временные характеристики объекта восприятия, с одной стороны, так

Феномен понимания

и прошлый опыт, иначе, мнемические смыслы субъекта восприятия. Перцепция есть всегда апперцепция, так как, если бы отражение внешнего объекта не было бы опосредованным прошлым опытом и не включало в себя в качестве непременного условия ожидание, предвосхищение, то сами объекты оказались бы неузнаваемыми, так как лишились бы для субъекта всякой осмысленности. Как указывает Брунер, "прежде всего, восприятие - это процесс принятия решения. Независимо от характера задачи, стоящей перед индивидом, он... приходит к решению, что воспринимаемый объект - есть та, а не иная вещь окружающего мира. Отрезок оказывается длиннее или короче эталона, конкретный объект - змеей, а не упавшей веткой; неполное слово *л-нит* в контексте *скульптор л-нит голову* - это, конечно, *лепит*, а не *лунит*". Перцептивный образ всегда есть синтез эффектов отражения внешней стимуляции и эффектов отражения внутренней стимуляции. Он интегрирует в себе смысловое содержание, которое является психической проекцией актуально значащего объекта восприятия. Вне смыслопорождающих актов сознания, перцептивная деятельность не происходит. Как объекты отражения имеют свою "физику", так и образ этих объектов имеет свою семантику. Выше уже говорилось о том, что СМЫСЛ в совокупности своих областей есть и условие понимания, и, во временной перспективе, следствие реализованных актов понимания. Вообще говоря, смысл есть то, что делает понимание возможным.

Наиболее близкими высказанной здесь позиции я считаю представления Г. Гельмгольца о природе зрительного восприятия. В своей концепции "бессознательных умозаключений" он высказывал мысль о том, что психические акты зрительного восприятия, аналогично мыслительной деятельности, заканчиваются выводом касательно тех объектов, которые мы видим. "Ощущения органов чувств яв-

Брунер Дж. Психология познания. М., 1977. С. 29.

Феномен понимания

ются для нашего сознания сообщением, и от нашего ин-
 лекта зависит, как будет понято их значение", - указывал
 Гельмгольц¹. Такое понимание значения сообщений, кото-
 рыми снабжают сознание органы чувств, он считал "бес-
 сознательным умозаключением" на том основании, что та-
 кой вывод не является результатом выполненных в мышле-
 нии логических операций. "Бессознательное умозаключе-
 ние" симультанно. И хотя, воспринимая объект, мы не
 мыслим для того, чтобы его воспринять, наше восприятие
 осмысленно. В свою очередь, В. Вундт полагал, что "психи-
 ческий процесс восприятия принимает форму логического
 вывода, только будучи переведенным на язык сознания"².
 Поэтому, можно полагать, что "бессознательные умозак-
 лючения" являются психическим актом вне сознательной
 регуляции лишь в той степени, в какой сознание отождест-
 вляется с мышлением. Если же перцепцию включать в
 функциональную структуру сознания, значит само понима-
 ние восприятия как "бессознательного умозаключения" те-
 мет всякий смысл. Р.Л. Грегори, один из хорошо извест-
 ых специалистов в области психологии восприятия, счита-
 ет, что теория бессознательных умозаключений является
 заслуженно забытой и выражает недоумение, почему
 представления Гельмгольца не стали популярными среди
 психологов. Идее того, что Гельмгольц назвал "бессозна-
 тельным выводом" на уровне перцепции, фактически по-
 ящена вся книга Р.Л. Грегори "Разумный глаз"³, уже в
 предисловии к которой он категорично утверждает: "пони-
 мать - значит видеть вещи определенным образом, но нель-
 зя "видеть", не понимая"⁴. Собственно, об этом же писал и
 Гельмгольц, считая, что, хотя на самом деле регистрируют-

¹ Цит. По: Рок И. Введение в зрительное восприятие. Кн. 1. М., 1980. С. 32.

² Цит. по: Бассин Ф.В. Проблема бессознательного. М., 1968. С. 20.

³ Грегори Р.Л. Разумный глаз. М., 1972.

⁴ Грегори Р.Л. Указанное сочинение. С. 7.

ся нервные стимулы, вызванные воздействием, мы видим внешние объекты. Иначе говоря, само воздействие, которое регистрируется органами чувств, есть только основание для вывода о причине этого воздействия. И участие сознания, полагал Гельмгольц, не требуется для ответа на вопрос, который задается сенсорными данными. У Гельмгольца есть, на мой взгляд, очень важное для целей нашего анализа положение, которое не получило в психологии заслуженного развития: "бессознательные заключения ... непреодолимы; от них нельзя избавиться путем более глубокого понимания действительного положения вещей"¹. Это можно понимать не в том смысле, что сознание не может влиять на акт зрительного восприятия (а именно так полагал Гельмгольц), а что в актах восприятия осуществляется понимание, и только в силу этого предметная картина видимого становится осмысленной. И эта осмысленность не есть привнесенное мышлением в образ восприятия содержание, а суть сам образ в своем содержании. Другими словами, восприятие осмысленно не потому, что в процессе формирования перцепта участвует мышление, и не потому, что субъект посредством мышления делает образ осмысленным, а единственно потому, что сама перцептивная деятельность представляет собой одну из форм познавательной активности, одну из форм понимания. Здесь можно вспомнить основателя "описательной и расчленяющей" или, иначе, "понимающей" психологии В. Дильтея, который феномену понимания отводил центральное место в своей психологии, психологии, которую, напомним, он считал основой наук о духе. Так, Дильтей отмечал: "пониманием мы называем процесс, в котором душевная жизнь познается через свои чувственно данные проявления"². Трудно

¹ Гельмгольц Г. О восприятиях вообще. // Общая психология. Тексты. Вып. II. Основные теоретические подходы к изучению познания. Часть 1. Под ред. В.В. Петухова. М., 1997. С. 47.

² Dilthey W. *Gesammelte Schriften*. Bd. 5. S. 332.

согласиться с мнением Е.К. Быстрицкого, который считает, что понимание может обнаруживать себя не только при оперировании с языковым материалом, "но, в не меньшей степени, и в мировосприятии - видении и ощущении: в ртах узнавания, идентификации, осмысления видимого и осязаемого мира"¹. Для того, чтобы оценить прикосновение горячего предмета к рецепторному участку кожи или воспринимать находящийся в перцептивном поле объект, требуется затрачивать мыслительную энергию, равно как и абсолютно лишним является участие мышления в процессе построения образа представления. Вместе с тем, сенсорные, первичные и вторичные образы несут в себе осмысленную информацию об отражаемой реальности. "Задача на смысл" решается человеком всегда. Решение этой задачи как раз и предполагает ответ на вопрос: "Что и каким я ощущаю, воспринимаю и представляю?" Таким образом, понимание носит многоуровневый характер, и мышление - это только один из уровней, на котором происходит понимание. Как указывает Н.А. Менчинская, "на самом низком уровне понимание сводится к обозначению предмета без всякого указания его существенных признаков"², "В элементарной форме... понимание сливается с узнаванием"³. Видеть и не понимать невозможно. Можно не снимать, что ты видишь, однако, нельзя не понимать, что ты видишь. "Положительно нигде, - констатирует И.Н. Волков, - даже в самой искусственной экспериментальной ситуации, активное восприятие не может перестать быть ответом на вопрос, не может обойтись без своеобразного суждения. Зрительные суждения образуют важнейшее

¹ Быстрицкий Е.К. Понимание и практическое сознание. / Загадка человеческого понимания. Под общей ред. А.А. Яковлева. М., 1991. С. 35.

² Менчинская Н.А. Понимание. В кн.: Психология. Учебник для пединститутов. Под ред. А.А. Смирнова, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, М. Теплова. М., 1962. С. 117.

³ Менчинская Н.А. Указанное сочинение. С. 263.

ядро активного зрительного восприятия"¹. Подобное мнение высказывает В.А. Ганзен, который отмечает смысловую природу зрительного восприятия. "Установление смысловых связей при восприятии носит многоуровневый характер: это установление соответствия между различными уровнями стимула и уровнями отражения человека. Простейшей формой установления смысловых связей является узнавание (на уровне элемента, образа, понятия)."² Он также подчеркивает, что для того, чтобы смысл стал возможным, необходима сознательная работа по выделению информации из шума; именно поступающая извне информация является материалом для смыслообразования. "Непонятное воспринимается как шум, не содержащий информации."³ Однако, я полагаю, что для того, чтобы установить отсутствие информации, сознанию необходимо понять это отсутствие, то есть, понять, что в том, что воспринимается, информации не содержится. Другими словами, в любом случае, существует акт понимания, внутри которого и заложена возможность разделения на "информацию" и "шум". Ганзен указывает, что "смысл - есть обнаружение значения. Результатом обнаружения смысла человеком является понимание". Но отсутствие значения может быть осмыслено тоже как значение. Иначе говоря, смысл проявляется как следствие понимания, независимо от того, осмысливается значение стимула, или осмысливается значение, которое есть отсутствие значения стимула.

Человек может в один и тот же момент времени и осмысленно воспринимать объекты, находящиеся в перцептивном поле, и мыслить относительно тех вещей, которые не только не заключены в актуальное перцептивное пространство, но и вообще феноменологически ненаблюдаемы. И при этом ни мышление, ни восприятие не лишаются ре-

¹Волков Н.Н. Восприятие предмета и рисунка. М., 1950. С. 377.

²Ганзен В.А. Восприятие целостных объектов. Л., 1974. С. 125.

³Ганзен В.А. Указанное сочинение. С. 125.

изуемого и достигаемого понимания. В данном случае может идти речь о параллельной, независимой друг от друга актуализации областей смыслов, репрезентированных сознанию субъекта в один и тот же момент через различные познавательные контуры, что должно приводить к выводу о том, что сознание в аспекте понимания способно "читать" одновременно несколько текстов, хотя по всей видимости, эффективность работы сознания определяется при этом механизмом внимания.

Необходимо также допустить, что внутри отдельного познавательного контура сознание способно работать в более, чем одном режиме. Подтверждением тому может служить эксперимент, выполненный в русле исследований избирательности внимания. Приведу дословное описание того, без сомнения, красивого эксперимента¹. "...Вслед за которыми словами, предъявляемыми на контролируемое внимание ухо, следовал удар тока. Повторное предъявление этих слов вызывало изменения КГР. После выработки словной кожно - гальванической реакции, испытуемых просили отвлечь (обратить внимание, - А.А.) одно из сообщений. Неожиданно слово, на которое была выработана словная реакция, предъявлялось по игнорируемому каналу. Оказалось, что когда это случалось, появлялась КГР. В одном из экспериментов (фон Райт и др.) изменение КГР происходило в результате предъявления не только условного слова, но и его синонимов и омонимов." О чем, собственно, свидетельствуют результаты такого эксперимента? Если работу сознания всецело связывать с функцией внимания, то результаты описанного, а также других экспериментов, выполненных в рамках когнитивной психологии внимания (например, эксперименты А. Трейсмана), было бы объяснить весьма затруднительно. В приведенном примере представляется интересным следующий факт: о содержании игнорируемого сообщения испытуемый ничего не может

¹Юлсо Р.Л. Когнитивная психология. М., 1996. С. 123.

сообщить. То есть, при инструкции: "Обращать внимание только на одно из сообщений", сообщение, проходящее по неконтролируемому каналу в качестве "фигуры на фоне" не выделяется. Это уже было хорошо известно первым экспериментальным исследователям внимания, например К. Черри. То, что работа сознания регулируется механизмом внимания, является общеизвестным положением, во всяком случае в психологии познавательных процессов. Однако, до сих пор остается неясным, каким образом внимание ограничивает опыт сознания, и как совместные проявления свойств внимания (избирательность, концентрация, распределение, переключение) обуславливают способность субъекта к осознанию. В связи с этим возникает немаловажный вопрос: "А что считать критерием осознания (и, в определенном смысле, критерием понимания)? Если способность к запоминанию - то, как хорошо известно из классических исследований Сперлинга по иконической памяти, субъект способен запоминать значительно большее количество стимульного материала, чем то, которое может воспроизвести. Явление реминисценции демонстрирует возможность эффективного воспроизведения спустя определенное время после экспериментального воздействия, в то время, когда такое воспроизведение в период времени, непосредственно следующий за моментом запоминания, было невозможным. Кроме всего, по всей видимости, нет эффективной процедуры для установления наличия или отсутствия в памяти субъекта интересующего! исследователя содержания, так как проверить сохранность этого содержания в памяти можно только благодаря оценке эффективности воспоминания. А, как уже было сказано, возможность или невозможность воспроизведения еще не служит основанием для заключения, что некоторое содержание из памяти бесследно исчезло. Как отмечают авторы весьма содержательной монографии, посвященной использованию психосемантических методов диагностики и кор-

рекции¹, "память непрерывна в том смысле, что никоим образом нельзя искусственно уменьшить ее содержимое, стереть что-либо." Авторы настаивают на положении, согласно которому на современном этапе развития психологической науки не существует средств, которые бы позволили стереть ту или иную зону памяти, или, иначе, "вызвать амнезию в полном смысле слова, амнезию абсолютную"². Таким образом, апелляция к мнемическим процессам при установлении события сознания не может исчерпывающим образом охарактеризовать природу осознания. Наверное, по этой причине большой интерес вызывает использование психофизиологических методов в исследовании феноменологии сознания, так как психофизиологические реакции могут служить достаточно надежными индикаторами психических процессов³. В приведенном выше примере, если верить экспериментальным данным, испытуемый сознательно не только сообщения, предъявляемые по релевантному каналу, но также и сообщения, на которые по инструкции не требовалось обращать внимания, то есть то, которое проходило по игнорируемому каналу. И, хотя испытуемый ничего не мог сказать о содержании игнорируемого сообщения, что абсолютно согласуется с результатами, полученными Черри, то есть не мог воспроизвести содержание того, что он слышал, тем не менее, есть все основания судить о том, что слова игнорируемого сообщения обрабатывались сознанием. А это и означает, что они осмысливались в тексте сознания, в том числе и с учетом той акцентуации области смысла, которая была вызвана под-

(Смирнов И.В., Безносюк Е.В. Журавлев А.Н. Психотехнологии: Компьютерный психосемантический анализ и психокоррекция на неосознаваемом уровне. М., 1995. С. 65.

¹Смирнов И.В., Безносюк Е.В. Журавлев А.Н. Указанное сочинение. С.

²Агафонов А.Ю., Айдакин В.И., Пашкина Е.Н. Лаврова О.В., Пятин В.Ф. Руководство к практическим занятиям по психологии. Самара, 1999. С. 143.

креплением электротоком соответствующего слова - мишени. Данное объяснение было бы неубедительным, если бы КГ - реакцию (по всей видимости, измерялась амплитуда фазической КГР) вызывало то слово, которое и подкреплялось в подготовительном этапе эксперимента, то есть сам слово - мишень, равно как и его омоним. Однако, изменения КГР вызывали синонимы этого слова, то есть те слова, которые входили в область смысла подкрепляемого слова. Кожно - гальваническая реакция - это не просто реакция потоотделения. Потоотделение как раз побочный результат изменений в психической и, главным образом, в эмоциональной сфере человека. Чтобы произошла КГ - реакция в момент восприятия слова - синонима, находящегося в игнорируемом канале, испытуемый должен идентифицировать смысл, релевантный этому слову, установить смысловую связь, то есть произвести сличение со смыслом, который соответствует значению слова - мишени, и диагностировать смысловое сходство, то есть опознать слово - синоним как эмоциогенный стимул на основании родственной смысловой близости со словом - мишенью, которое ранее получило негативное подкрепление. В противном случае, выделение этого слова как "информации" из "шума" неконтролируемого вниманием сообщения, не могло произойти. Но описанная последовательность когнитивных операций как раз и свидетельствует о том, что сознание способно реализовывать понимание вне поля фокусированного внимания¹, и такое понимание не может быть обнаружено ме-

¹Понятия "объем внимания" и "поле внимания" часто используют как взаимозаменяемые. Очевидно, что нелегко себе представить технологию определения объема внимания. То есть, никогда нельзя указать, сколько элементов в актуальном времени составляют объем внимания, и что следует считать такими элементами. Как справедливо указывает Л.М. Веккер, объем внимания "имеет количественно - пространственное и - поскольку психическое пространство органически связано с психическим временем - тем самым пространственно - временной характер". (Веккер Л.М. Психика и реальность: Единая теория психиче-

тодами воспроизведения, узнавания, то есть методами, призванными установить факт осознания в ходе процедуры оценки продуктивности воспоминания.

Очевидно, что в рассмотренном примере возрастание амплитуды КГР в ответ на предъявление слова, которое имеет тесную семантическую связь со словом-мишенью, возможно только вследствие осознания. Иначе говоря, изменение амплитудных характеристик КГР - есть побочный эффект работы сознания. А, как уже было ранее сказано, активность сознания инициирована стремлением к пониманию. Сколь бы разные подходы к проблеме сознания мы ни рассматривали, мы не можем не признать то обстоятельство, что, независимо от характера трактовок феномена сознания, практически все сходятся во мнении, что осознать и означает "понять". Иными словами, там, где удается

- том или ином виде диагностировать понимание, можно [уверенно говорить о свершившемся событии сознательной жизни. Преимущество психофизиологических методов исследования индивидуальной психосемантики заключается в том, что у испытуемого не требуется спрашивать о том, что он переживал в предшествующие моменты времени. То есть, испытуемый не должен произвольно вспоминать то, что хочет узнать экспериментатор. Поэтому я полагаю, что ресурс психофизиологических методов при изучении смысловой архитектуры внутреннего мира человека еще далеко не использован. Однако, в контексте обсуждения проблемы понимания, интерес представляет не анализ технологий экспериментального исследования семантики, а тот факт, что явления сознания имеют место даже тогда, когда сам человек в результате ретроспективного анализа не может о них судить как о явлениях, происходивших в его психике! Хочу сразу подчеркнуть, что такие явления, которые

ских процессов. М., 1998. С. 589). Однако, указать на изменения пространственно - временных координат внимания в процессе психической деятельности не представляется возможным.

Феномен понимания

не обнаруживаются в ходе ретроспективного отчета (о них нельзя произвольно вспомнить) в момент их случая являются продуктами сознательной деятельности. Парадокс в том, что сознание человека в момент своей актуальной работы "знает" обо всем, что происходит в сознании, а человек в последующие моменты времени даже не способен произвольно вспомнить о том (то есть, иметь содержание прошлых состояний сознания в качестве актуального содержания сознания), что он помнит. Тем не менее, есть основания утверждать, что человек несомненно об этом помнит. В качестве эмпирических доказательств здесь можно привести эффект "двадцать пятого кадра" Фишера. Традиционно считается, что при восприятии двадцать пятого кадра информация принимается и перерабатывается на неосознаваемом уровне, и в качестве аргумента ссылаются на то, что человек не способен воспроизвести эту информацию постфактум. Тем не менее, если бы осознание в момент восприятия двадцать пятого кадра не происходило, то человек не мог бы после этого иметь сознательные намерения поступать в соответствии с тем, что эта понята информация ему предписывает. Известно, что в настоящее время методы так называемого подпорогового воздействия используют для ускоренного обучения, а также в рекламных целях. Формирование соответствующих смыслообразований в психике человека одинаково успешно можно осуществить как в рамках зрительной, так и слуховой модальности. В литературе можно найти данные, позволяющие считать, что спектр применения специальных психотехнологий, предназначенных для введения нужной информации в память человека, весьма и весьма широк.

"С целью защиты от краж: в супермаркетах на фоне транслируемой музыки замаскировано на неосознаваемом уровне звучат слова "держи вора", звуки свистков и сирен полицейских машин, лай собак. Таким образом, у намеревающихся что-то украсть резко возрастает тревога и неуве-

Феномен понимания

ренность. Это приводит к значительному снижению потерь от краж.¹

Для того, чтобы у человека "возросла тревога и неуверенность", он с необходимостью должен был ранее осознать смысл, соответствующий значению тех аудиальных стимулов, которые несли в себе угрозу наказания. Человек может не осознавать истинную причину, по которой он отправляется в бар кинотеатра после просмотра кинофильма и покупает там банку "Кока - колы", хотя, в момент просмотра кинофильма несколько раз предьявлялся вмонтированный двадцать пятый кадр с изображением торговой марки "Кока - колы" и надписью, призывающей пить только "Кока-колу". При этом, если спросить после просмотра кинофильма, заметил ли человек какую-либо рекламу, то он, естественно, станет утверждать, что ничего подобного не видел, а покупку "Кока-колу" будет объяснять своим желанием. В настоящее время с помощью различных приемов удается маскировать речевые сообщения, которые адресованы сознанию слушающего, хотя после слухового восприятия этих сообщений человек не в состоянии рассказать не только о содержании этих сообщений, но даже о том, что он что-либо слышал. Как правило, на тихую речь, адресованную слушателю, записывается громкая музыка. Ни в момент слухового восприятия, ни после этого человек не отдает себе отчет в том, что он воспринимает речь. Тем не менее, действия, которые человек впоследствии совершает, или те изменения, которые обнаруживают себя (например, при обучении иностранному языку), нельзя объяснить, не принимая во внимание испытанное ранее воздействие. Если кто-то считает, что осмыслить значения слов способно бессознательное, я бы очень хотел узнать, как он будет строить свою аргументацию.

¹ Смирнов И.В., Безносюк Е.В. Журавлев А.Н. Психотехнологии: Компьютерный психосемантический анализ и психокоррекция на неосознаваемом уровне. М., 1995. С. 351.

Феномен понимания

Подводя итог сказанному, следует сделать следующее заключение: все содержание сознания в рамках текущего настоящего нельзя отождествлять с тем содержанием, которое открыто для анализа, переживается как непосредственно данное в сознании, как то содержание, к которому в последующие моменты времени открыт сознательный доступ. Именно о таком содержании сознания человек сообщает как о том, что он пережил и запомнил. Как раз это содержание, оставаясь в бессознательной психике субъекта, заполняет первую и вторую мнемические зоны (см. Часть 2, главу 3, стр. 184). Такое содержание актуального сознания (еще раз напомним, что сознание всегда актуально) можно назвать *явленным содержанием*. Вышеописанные факты дают все основания говорить, что сознание имеет также и латентное содержание, о котором не представляется возможным судить ни в какой момент времени, следующий за моментом его существования в сознании. Однако, в момент существования этого содержания в сознании, безусловно, самим сознанием это содержание осознается. Если человеку это содержание и не явлено в сознании, так или иначе понимание происходит, а раз понимание происходит, следовательно, в этот же самый момент происходит и соответствующее смыслообразование (напомним, сознание понимает тот собственный текст, который выстраивается в ходе процедуры понимания). Это латентное содержание сознания также остается в памяти и, наряду с прочими смыслообразованиями, обуславливает работу сознания в психическом настоящем, так как бессознательное предопределяет работу сознания в настоящем. Поскольку ни в какой момент времени невозможно произвольное воспроизведение этой информации, хранящейся в памяти, следует считать, что она хранится в третьей мнемической зоне, куда, во всяком случае в обычном состоянии сознания, доступ блокирован. Что происходит в измененных состояниях сознания с этим содержанием памяти - это предмет отдельного разговора, и

Феномен понимания

1 я бы не хотел сейчас останавливаться на этом.

1 Когда сознание есть, оно не может не понимать, а по-
1 нимает сознание собственное содержание. Если явленное
1 содержание сознания и обнаруживает себя в актуальном
1 времени, то нельзя говорить, что кроме этого содержания в
1 сознании больше ничего нет. Многочисленные эксперимен-
1 тальные исследования показывают, что эффекты понима-
1 ния регистрируются независимо от того, может ли об этом
1 субъективно судить человек или нет. Осознание своего ла-
1 тентного содержания сознание производит мгновенно, и, в
1 некотором смысле, это вневременные события. Если бы
1 можно было остановить мгновение, наверное мы бы смог-
1 ли измерить длительность этого мгновения, но, увы, чело-
1 век может очень многое, но даже он не способен остано-
1 вить время.

Более впечатляющими свидетельствами деятельности
• сознания в аспекте понимания являются результаты экспе-
1 риментов, проведенных В.Ф. Петренко и В.В. Кучеренко.
1 Испытуемому в состоянии гипноза давалась установка, за-
1 прещающая видеть определенного человека, который в
1 данный момент времени находился в комнате. Испытуемый
1 не обнаруживал присутствие этого человека, хотя тот на-
1 ходился в поле его зрения. Еще более интересно то, что ко-
1 гда "невидимка" включал электробритву, испытуемый не
1 мог понять, откуда доносится звук, хотя человек с рабо-
1 тающей электробритвой в руках никуда не исчезал из поля
1 зрения. Если он вставал на пути испытуемого, уже вышед-
1 шего из состояния гипноза, но получившего постгипноти-
1 ческую инструкцию, то испытуемый останавливался перед
1 стоявшим человеком, не пытаясь пройти сквозь него, и при
1 этом впадал в трансное состояние. Петренко, к большому
1 моему сожалению, не предлагает никакого объяснения это-
1 го во многом таинственного феномена, ограничиваясь за-
1 мечанием: "существует два пласта отражения: видение и

Феномен понимания

осознание"¹. Конечно, такое "развернутое" объяснение дает мало шансов на понимание описанных результатов. Но нельзя строго судить В.Ф. Петренко, так как отсутствие объяснения имеет уважительную причину. По собственному признанию Петренко, "суета дня сегодняшнего стимулирует более конъюнктурные исследования"². То есть, вероятно, это надо понимать так: у Петренко, как у ученого, который в течение десятилетий занимается проблемами сознания, несомненно нашлись бы объяснения этому феномену, но "суета дня" требует от него участия в других исследованиях, результаты которых свое объяснение получают, так как эти исследования "конъюнктурны". Но, так или иначе, описанный Петренко эксперимент демонстрирует поразительную сложность одновременной работы сознания в различных режимах. Попробуем проанализировать описанный феномен. Получая запрет на зрительное восприятие, испытуемый усваивает инструкцию сознательно, так как он должен понять смысл того, что ему предписывается словами внушения. После этого он должен сохранять смысл в памяти, то есть, должен всегда помнить, что из воспринимаемого ему нужно не видеть. Но, чтобы это произошло, он должен, воспринимая, сознательно опознать тот объект, который требуется не воспринимать. Только в этом случае испытуемый мог бы не видеть то, что ему видеть запрещено. "Видение" и "осознание" - это не разные пласты отражения, как полагает В.Ф. Петренко. Факт видения в той же степени предполагает осознание, как и осознание предполагает видение (если осознание происходит в пределах зрительного контура), потому как в каждый момент восприятия "невидимки" испытуемый осознавал его в качестве того объекта, который видеть не надо. В данном примере мы имеем дело с работой сознания в двух различ-

¹Петренко В.Ф. Личность человека - основа его картины мира. / Модели мира. Под. ред. ДА. Пospelова. М., 1997. С. 12.

²Петренко В.Ф. Указанное сочинение. С. 12.

Феномен понимания

ных режимах, причем работа в этих режимах осуществляется одновременно. Испытуемый в один и тот же момент времени и осознает без видения, и видит без осознания. Но как было уже сказано, видение без осознания возможно только в том случае, если само сознание "понимает", что надо видеть, а что - нет. Как уже выше говорилось, сознание отражая действительность, понимает происходящее только в силу достигаемых эффектов понимания собственного текста. Содержание сознания, в свою очередь, приобретает текстовое строение только благодаря имеющемуся в распоряжении психики смысловому материалу памяти. Иначе говоря, осознание **зависит** всецело от того, какова разрешающая способность текста сознания, что допустимо, а что запрещено самим же сознанием для миропонимания. Теперь возвратимся к рассмотренному примеру. Мы уже **казали** о том, что для того, чтобы испытуемому не видеть, ему необходимо осознавать, что именно он не должен видеть. Поэтому в тексте сознания с необходимостью должен **Зыть** актуализирован тот смысл, в котором фиксирован запрет. Только в этом случае испытуемый мог бы знать, о **том**, что воспринимая, он не должен воспринимать. Таким образом, отражая, понимая происходящее, он все осознает, ю в соответствии с тем, что заложено в тексте сознания. В **том** случае, когда на пути движения испытуемого возникает **невидимый** человек, имеет место неразрешимый **парадокс** юнимания, с которым испытуемый не может справиться, ведь понимание неизбежно и оно в определенном смысле **вляется** неким обязательным регистром сознания. Поэтому **неудивительно**, что испытуемый, оказавшись в этой ситуации, **впадает** в транс. В актуальном времени в данном **лучае** соединяются два взаимоотрицающих образца **понимания**. Одно понимание, связанное с запретом "не видеть", другое понимание - с очевидностью видения. Испытуемый **не** видит, потому что ему "запрещено" видеть, и, вместе с **тем**, видит, потому что не может не видеть; ибо, если бы он

не видел, он, конечно же, столкнулся бы со стоящим перед ним человеком, не заметив его.

С тем, чтобы читателя лучше сориентировать в лабиринте рассуждений автора, которые составляют содержание следующей главы, предлагается подумать о том, что в описанном Петренко эксперименте представляется настолько сверхзагадочным, что иначе, как чудом сознания (а, следовательно, и чудом понимания) это явление не назовешь.

Итак, все сначала. Для того, чтобы "не видеть", необходимо:

- 1) Знать, что видеть запрещено, то есть, помнить об этом в каждый момент времени.
- 2) Видеть то, что видеть запрещено, так как только при этом условии можно идентифицировать объект и опознать его, как соответствующий такому объекту, который видеть не разрешено.
- 3) Осознавать, что воспринимаемый объект видеть запрещено.
- 4) Не видеть объект, находящийся в зрительном поле.

Рискну предположить (и это похоже на вымысел, хотя в истине всегда доверяют еще меньше, чем вымыслу), что все перечисленные когнитивные акты происходят мгновенно и одновременно. В противном случае испытуемый то видел бы, то не видел, а он не видит всегда, но для того, чтобы не видеть ему нужно не только видеть, но и понимать, что то, что он видит, видеть нельзя.

Прежде чем перейти к анализу понимания в мыслительном контуре, скажу несколько слов о феномене, который получил в психологии название "Плацебо" и который представляет собой демонстрацию понимания в отсутствие действительного объекта понимания. Что, в свою очередь, служит косвенным подтверждением ранее сформулированного положения, согласно которому отражение действительного мира, реализуемое в актах понимания, опосредо-

вано взаимодействием носителя сознания с собственным текстом сознания. Взаимодействием, которое в своей исходной основе осуществляется как интерпретация или реинтерпретация, то есть в качестве обязательного момента включает в себя понимание. Эффект "Плацебо" констатируют в том случае, когда человек знает или верит (в данном случае это одно и то же), что нечто существует и определенным образом действует на него в действительности, хотя на самом деле этого нет, и иллюзия возникает путем или внушения, или самоубеждения. По всей видимости, этот эффект чаще имеет место у гипнабельных лиц, а также лиц, которые имеют определенные личностные особенности, например низкий уровень интернальности¹. Некоторые исследователи отмечают, что независимо от характера терапии, и это при всем многообразии психо- и фармакотерапевтических подходов, показатели ее успешности различаются незначительно. Поэтому правомерно говорить и о том, что "ком-то общем факторе, определяющем эффективность терапевтических интервенций. Существует мнение, что эффект Плацебо прослеживается в психотерапевтических подходах с самыми разными ориентациями: похоже, успех лечения чаще всего определяется тем, насколько пациент и терапевт верят в его эффективность". Иллюстрацией такого мнения служит пример положительного исхода лечения больных фобией. Так, Каздин и Уилкоксон показали, что у больных фобией, которые испытывают непреодолимую боязнь змей, можно вылечить, "заставив их поверить, что на проецируемых на экран "пустых" диапозитивах имеется подпороговое изображение предмета их страхов"². Терапевтический эффект усиливается, если пациента знакомить с ложными записями физиологических реакций, которые якобы отражают позитивную динамику его выздоровления. Спрашивается, какое имеет отношение эффект Плацебо к

¹ Годфруа Ж. Что такое психология. М., 1996. Т. II, С. 192.

² Годфруа Ж. Указанное сочинение. С. 191.

феномену понимания? Мой ответ: эффект Плацебо может возникнуть только вследствие понимания собственного содержания сознания субъекта как такого смыслового содержания, которое отражает действительное существование некоторого явления в объективном мире. Не столь важно, как называть эффект этого понимания: знанием или верой, важно, что в сознании субъекта очевидность представленного содержания делает возможным такое **миропонимание**, при котором необходимым образом допускается наличие в действительном мире явлений, которые в психике имеют свою смысловую проекцию, при всем том, что эти явления, представленные в сознании, никак не объективированы.

По всей видимости, есть основания говорить о понимании как многооперациональном когнитивном действии, или, иначе, об операциональном составе понимания. Хотя, при этом, каждый отдельный акт понимания представляет собой самостоятельный, завершённый когнитивный интеграл. Бахтин, описывая процедуру понимания текстовых сообщений, выделял в едином целостном процессе понимания его отдельные акты - составляющие.

"В действительном реальном, конкретном понимании они неразрывно слиты в единый процесс понимания, но каждый отдельный акт имеет идеальную смысловую (содержательную) самостоятельность и может быть выделен из конкретного эмпирического акта. 1. Психофизиологическое восприятие физического знака (слова, цвета, пространственной формы). 2. Узнавание его (как знакомого или незнакомого). Понимание его повторимого (общего) значения в языке. 3. Понимание его значения в данном контексте (ближайшем и более далеком). 4. Активно - диалогическое понимание (спор - согласие). Включение в диалогический контекст. Оценочный момент в понимании и степень его глубины и универсальности."

¹Бахтин М.М. Человек в мире слова. М., 1995. С. 129.

Анализ операционального состава восприятия (обнаружение, идентификация, сличение, опознание) показывает, что операции, используемые в восприятии, есть не только этапы понимания в процессе формирования образа, но эти операции правомерно также рассматривать как самостоятельные виды понимания на уровне перцепции. Данную точку зрения разделяют и методологи. Так, например, Л.А. Микешина и М.Ю. Опенков отмечают: "...Поскольку любое восприятие предполагает предметную осмысленность сенсорных данных, постольку мы постоянно имеем дело с этим первичным уровнем понимания уже в самих исходных актах чувственного познания."¹

В психологии о понимании все таки чаще говорят в связи с рассмотрением вопроса об организации и функциях мышления. Какова специфика понимания как феномена мышления? Об этом - в следующей главе.

7.1. СПЕЦИФИКА ПОНИМАНИЯ В МЫСЛИТЕЛЬНОМ КОНТУРЕ

Как уже говорилось, понимание в данной работе трактуется значительно шире, чем это традиционно принято. Обычно понимание рассматривают как характеристику мысли, то есть характеристику интегрального продукта мыслительного процесса. Попробую определить **специфику** понимания как феномена мышления, в отличие от понимания, реализуемого в других познавательных контурах. Надо отметить, что проблеме понимания посвящено довольно

¹Микешина Л.А., Опенков М.Ю. Новые образы познания реальности. М., 1997. С. 23.

незначительное количество работ.

В числе первых к разрешению этой загадки мышления было обращено внимание К. Дункер, На основе экспериментальных исследований К. Дункер описывает понимание как одномоментный акт установления отношений между элементами проблемной ситуации, как инсайт. Это следует понимать так, что само понимание не имеет протяженности во времени, не является, по мнению Дункер, цепью аналитических ходов мышления, а реализуется как "синтетическое обнаружение" того, что в структуре проблемной ситуации содержало элемент неопределенности. Такое синтетическое обнаружение субъективно сопровождается чувством ясности, понятности, которое зачастую бывает трудно выразить, то есть формализовать в доступной для понимания другого форме. Дункер понимание объясняет как результат такого переструктурирования ситуации, при котором выделяется новая структура с характерными для такой структуры отношениями между элементами, и, как следствие этого, происходит обнаружение новых функций элементов ситуации: "синтетическое обнаружение возможно благодаря тому факту, что в ситуации, данной в определенной структуре, и характеризующейся определенными функциями (асpekтами) могут обнаруживаться новые функции (асpekты), когда эта ситуация, не претерпевая существенных изменений, включается в новые образования"¹. Подобного мнения придерживается Д. Бом: "понимание означает восприятие новой цельной структуры, в свете которой все прежние крупинки знания встают на свои места и обнаруживают естественную связь друг с другом, причем внезапно (курсив А.А.) обнаруживаются новые многочисленные, прежде не ожидавшиеся, взаимосвязи"². Согласно Ганзену, понимание как "необходимый результат отраже-

¹Дункер К. Психология продуктивного мышления. / Психология мышления. М., 1965. С. 166.

²Бом Д. Специальная теория относительности. М., 1967. С. 281.

ния целого на операторном уровне"¹ (на уровне мышления. - А.А.), представляет собой прежде всего "результат однократной обработки некоторого ограниченного объема информации"². Специфика понимания как одноактного улавливания сути проблемной ситуации состоит в том, что, будучи явлением одномоментным, оно подготавливается всем ходом предшествующего ему мышления, являясь, с точки зрения характеристики этапов мыслительного процесса, его завершающим звеном. Однако, понимание как результат мышления и, собственно, как характеристика самой мысли, следует отличать от самого процесса понимания, который составляет процессуальную природу мышления. Мышление, как процесс понимания, и мысль, как результат понимания, отражают различные - процессуальные и результирующие аспекти процесса отражения в мыслительном контуре. В сенсорно - перцептивном контуре и контуре представления понимание возникает в момент оформления определенного смыслового содержания в образ. Другими словами, сам процесс формирования перцептивного образа [или образа представления не требует той регуляции, которая необходима, чтобы "держать" мысль. Образ уже включает в себя предметное содержание, и, в силу своей смысловой наполненности, возможно одномоментное понимание предметной картины отображаемого. Для того, чтобы понимать, в восприятии и представлении не требуется специальных произвольных усилий, тогда как, чтобы достигнуть эффекта понимания в мышлении, необходимо, как минимум, предварительно понять, что требуется понять. То есть, понять себя в отношении к своему непониманию. Это означает, что необходимо понять смысл своего собственного непонимания. "Продуктивность непонимания, - констатирует Зинченко, - связана с тем, что оно влечет за собой по-

¹Ганзен В.А. Восприятие целостных объектов. Л. 1974. С. 124.

²Ганзен В.А. Указанное сочинение. С. 125.

Специфика понимания в мыслительном контуре иск смысла"¹. Само по себе, это требует мыслительных усилий. Не говоря уже о том, что мыслительный процесс стимулом для которого служит осознание проблемной ситуации, может протекать сколь угодно долго и в нем не заложена гарантия того, что понимание, к которому стремится мышление, состоится. Второе специфическое отличие мыслительной формы понимания должно быть обнаружено при анализе операциональных и операндных компонентов мышления. Операции - это те приемы или средства, с помощью чего возможно установление отношений между операндами, которые есть смысловое содержание мышления. Как указывает Веккер, "если реальные операции, выделяющие и соотносящие между собой элементы отображаемого содержания (то есть смыслы, - А.А.), не представлены в познавательном акте, то в нем не представлены и отношения между этими элементами как особый объект отражения. В данном случае отношения могут быть отображены на более общем и элементарном познавательном уровне (например, в первичном или вторичном образе), а мысль как отображение собственно отношений или, иначе, именно как понимание отношений, при отсутствии операций с соответствующими объектами оказывается невозможной."² Однако, наличие операциональных компонентов мышления еще не включает в себе специфику понимания, поскольку предметно - смысловое содержание образа также связано в своей единой интегративной структуре отношениями. Все, что воспринимается или представляется осмысленным, так или иначе предполагает связь, отношения внутри собственной структуры образа объекта отражения. Установление таких отношений может быть только результатом выполненных когнитивных операций, поэтому по-

¹Зинченко В.П. Психологическая педагогика. Часть I. Живое знание. Самара, 1998. С. 90.

²Веккер Л.М. Психика и реальность: Единая теория психических процессов. М., 1998. С. 234 - 235.

Специфика понимания в мыслительном контуре нимание вне применения операций по установлению отношений в структуре, будь то образа или мысли, происходить не может. В элементарном виде такое отношение устанавливается уже при выделении сигнала из шума без отражения структуры самого сигнала. Для того, чтобы нечто выделить как "фигуру" на "фоне", то есть произвести обнаружение стимула независимо какой природы, требуется выделить отношения "фигура - фон", и, как уже было сказано, такое отношение требует понимания различия между фигурой и фоном. Таким образом, использование операций в процессе мышления является необходимым, но не достаточным условием для определения специфики мыслительной формы понимания. Выделенное отношение между смысловыми компонентами мысли может противостоять выделенным операндам. Относительная независимость, инвариантность выделенного отношения между смыслами текста сознания при возможности изменения самих операндов, между которыми устанавливается такое отношение, то есть при вариативности самого смыслового содержания мысли - вот что выражает вторую специфическую характеристику понимания как феномена мышления. В этом случае выделенное инвариантное отношение само становится содержанием мысли, а в свою очередь, содержанием мысли может быть только смысл, следовательно, необходимо заключить, что с эффектом понимания сопряжено возникновение в тексте сознания такого смыслового образования, которое сохраняется неизменным при актуализации различных множеств своих областей. Поэтому, если смысл понят, он может быть выражен различными наборами средств при том обязательном условии, что смысловое отношение, фиксированное мыслью, остается неизменным. Как отмечает Веккер: "мера вариативности в рамках сохранения инвариантности отображаемого мыслью отношения содержит в себе возможности выделить не только качественный показатель, но и количественный критерий степени понима-

Специфика понимания в мыслительном контуре

ния"¹. Он также приводит пример, иллюстрирующий возможности сохранения смыслового инварианта при изменении суждений, выражающих выделенное отношение между операндами: "Определенное отношение между объектами "Земля" и "Солнце", являющееся содержанием мыслительного отражения, остается инвариантным при различных вариациях отображающих это отношение суждений и соответствующих им предложений: "Солнце освещает Землю", "Земля освещается Солнцем", "Землю освещает Солнце", "Солнцем освещается Земля"². В данном случае связь между операндами представлена самыми элементарными отношениями. Но это случается в мышлении далеко не всегда. Выделенное отношение может быть гораздо сложнее, и в гораздо меньшей степени допускать изменчивость в наборе тех смысловых образований, которыми можно "обыграть" это отношение. Поэтому, думается, что показатель глубины понимания не может ставиться в прямую зависимость от количества способов выражения смысла понимания. Мысль всегда особым образом интонирована, в том числе и эмоционально. Мысль содержит в себе всю полноту заключенного в ней смысла. Любое выражение последнего неизбежно приводит к потере какой-то части содержания мысли. "Сказанное слово, - подчеркивал М.М. Бахтин, - стыдится себя самого в едином свете того смысла, который нужно было высказать... Пока слово не было сказано, можно было верить и надеяться - ведь предстояла такая нудительная полнота смысла, - но вот оно сказано, вот оно все здесь во всей своей бытийно-упрямой конкретности - все, и больше ничего нет! Уже сказанное слово звучит безнадежно в своей уже-произнесенности; сказанное слово - смертная плоть смысла."³ "Мысль изреченная есть ложь" не

¹Веккер Л.М. Указанное сочинение. С. 237.

²Веккер Л.М. Указанное сочинение. С. 237.

³Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности. //Работы 1920-х годов. Киев, 1994. С. 194 - 195.

Специфика понимания в мыслительном контуре

только потому, что в объективации мысли в речи теряется ее специфика, ее эмоциональные нюансы и переживание ее неповторимости в сознании человека, а также по причине того, что само отношение, установленное в мысли, может иметь ограниченный арсенал средств для своего выражения. Нередко, достигая очень глубокого понимания, человек не способен объяснить, что он понимает, так как не имеет адекватных этому пониманию речевых или иных средств выражения (Распространенное: "Понимаю, но сказать не могу."). Правда, возможна и обратная картина, когда объяснение вовсе не является свидетельством понимания. Объяснить - еще не означает понять. Как заметил В.П. Зинченко, "способность объяснить нечто - это лишь один из критериев понимания, к тому же не самый главный"¹.

Количество средств для выражения смысла, зафиксированного в установленном пониманием отношениями между операндами мысли при вариативности как операций, в результате которых формируется это отношение, так и операндов, которые связываются этими операциями в специфические инвариантные отношения, может служить лишь эмпирической мерой понимания ("понимания для грутого"), но никак не составлять качественную сторону понимания. Качественный (содержательный) и количественный (формальный) показатель понимания - это различные, хотя и связанные между собой аспекты. Качество понимания, с одной стороны выражается в широте диапазона способов реализации инвариантного смысла, с другой стороны, обусловлено разрешающей способностью самого этого смысла. В любом случае специфика понимания как симультанного мыслительного синтеза определяется тем, что отношение, выделяемое в структуре мысли, само ста-

¹Зинченко В.П. Психологическая педагогика. Часть I. Живое знание. Самара, 1998. С 90.

Специфика понимания в мыслительном контуре

новится смысловым содержанием мышления¹. Это отношение, как смысловое образование, выделенное мышлением в эффекте понимания, позволяет снять исходную неопределенность в структуре проблемной ситуации и, таким образом, понять, в чем состоял дефицит информации. Понимание в отношении образных явлений не требует выделения отношений, становящихся предметом направленного понимания. В восприятии и представлении смысл, делающий возможным понимание, явлен в самой структуре воспринимаемого и представляемого, в то время, как смысл, заключенный в отношениях между элементами операндного состава мышления должен быть обнаружен в результате мыслительных усилий, которые, как еще раз отмечу, не могут производиться вне динамики понимания, но понимания не как симультанного эффекта, а как сукцессивного ряда актов мышления. Чтобы найти смысл, который должен быть понят как антиэнтропийный смысл, необходимо предварительная "понимательная работа" мышления. И на различных фазах мышления происходят свои симультанные синтезы, заключающие в себе эффекты понимания различных предварительных, пробных, ошибочных, случайных и т. п. "ходов мышления". Такое движение мысли от осознания проблемной ситуации к конечному решению и выражает собой динамику понимания. ("...Понимание как реальное движение в смыслах..."²) "Мелодия" мышления звучит на каждом шаге понимания, но итоговый смысл всей композиционной целостности "симфонии мышления" может заключаться только в установленном в мысли таком отношении, которое раскрывает смысл непонятого.

¹"Каждая не пустая мысль, - писал Г.Г. Шпет, - есть мысль о смысле." (Эстетические фрагменты. СПб, 1922. С. 11.)

²Швырев В.С. Понимание в структуре научного сознания. / Загадки человеческого понимания. Под общей ред. А.А. Яковлева. М., 1991. С. 17.

Специфика понимания в мыслительном контуре

В качестве третьей специфической характеристики понимания как эффекта мышления Л.М. Веккер выделяет такое его свойство как "обратимость" с языка предметно - пространственных структур на язык символический. Он указывает: "...исходная непонятность - есть выражение несогласования языков, а последующая динамика понимания определяется их нарастающим согласованием, которое на каждом этапе определяется мерой обратимой переводимости. За последней, в свою очередь, скрывается составляющая ее объективную основу инвариантность соответствующего искомого отношения."¹ И, таким образом, по Веккеру, обратимость фактически рассматривается мерой понимания. Однако, думается, что по той же причине, по какой нельзя поставить в линейную зависимость показатель глубины понимания с показателем, отражающим количество способов выражения инвариантного смысла, также мера обратимости межязыкового перевода не может исчерпывающе реализовать специфику качества понимания I в мыслительном контуре, так как известно, что в процедурах межязыкового перевода утрачивается специфика понимания, которое может быть удовлетворительным образом определено в одной языковой среде, и быть абсолютно непредставимым на другом языке. Например, на языке вторичных образов представлений. Это представляется вполне очевидным, когда предметами мышления является такая реальность, которая вообще имеет в психике образные формы репрезентации, а может быть понята только в ходе динамики мышления, то есть осмысленно, с помощью языка собственно мыслительного контура. Это, конечно же, не означает, что так происходит каждый раз и что образы представления не участвуют в мышлении в качестве операндных элементов мысли. Но необходимо отметить, что важным ограничением для вышеуказанной обратимости

¹Веккер Л.М. Психика и реальность: Единая теория психических процессов. М., 1998. С. 275 - 276.

Специфика понимания в мыслительном контуре I служит специфика самой проблемной ситуации, и, соответ- I ственно, специфика заключенного в мышлении смыслового I содержания, которое в различной степени допускает воз- I можности межязыкового перевода.

7.2. МЫШЛЕНИЕ: ПАРАДОКС "РЕМИНИСЦЕНЦИИ" ПОНИМАНИЯ. РЕФЛЕКСИВНЫЙ КОНТУР.

Как известно, отправным пунктом мышления является I осознание субъектом проблемной ситуации. Та ситуация, I по определению, считается проблемной, которая несет в I себе неопределенность, содержит дефицит информации. I Собственно, мышление и есть движение мысли от осозна- I ния неопределенности связей и отношений между элемен- I тами в структуре проблемной ситуации к пониманию как I результирующему эффекту мыслительного процесса. Таким I образом, снятие неопределенности, преодоление энтропии, I порождение с-мысла является конечной целью мышления. I Для того, чтобы понимание состоялось, необходимо ис- I ходное непонимание. Иными словами, без начального не- I понимания мышление невозможно. Оно определяет подго- I товительный этап мышления. Обнаружение собственного I непонимания можно расценивать как старт психической I активности мысли. Для того, чтобы этот старт состоялся, I нужно оказаться в непонятном, что также требует от чело- I века когнитивных усилий. Выявление, "опознание" своего I непонимания, в свою очередь, происходит только вследст- I вие его понимания. То есть, непонимание выступает в каче- I стве продукта акта понимания, как следствие понимания. I Не понимая что-либо, человек при этом всегда понимает I свое непонимание и только таким образом обнаруживает I последнее. Понимание такого вида назовем *негативным* I пониманием.

Сознание - есть механизм смыслопорождения. И те I смыслы, которые служат эффектами понимания (в том чис-

Мышление: парадокс 'реминисценции' понимания. Рефлексивный контур.
 | ле и смысл понимания того, что является непонятным),
 | представляют собой формы отражения мыслей в сознании
 | субъекта. Другими словами, если смысл обнаружен, то в
 | момент "завершения гештальта" субъект знает об этом. По-
 | этому понять - означает понять свое понимание. То пони-
 | мание, к которому стремится мышление (назовем его *позитивным*
 | пониманием), не приращаясь в ходе мыслительно-
 | го процесса, а возникая как "ага-переживание", как симуль-
 | танное целостное узнавание, как эврика, в качестве соот-
 | ветствующего искомому дефициту информации, принимается
 | вследствие его понимания как такого понимания, ко-
 | торое *адекватно* решению мыслительной задачи. Позитив-
 | ное понимание всегда узнается, или, иначе, понимается в
 | качестве такого. В чем же состоит парадокс? Ведь в формуле
 | позитивного понимания: "я понимаю свое понимание непонятного",
 | не содержится ни малейшего противоречия? Второй стороной
 | парадокса понимания является факт того, что всякая мысль,
 | рожденная в мышлении, является *новой* мыслью. В противном
 | случае мышление *не могло бы* состояться, если бы не требова-
 | лось разрешать проблемную ситуацию, которую разрешить
 | можно только *новым* способом, иначе бы она не была *проблемной*.
 | Если позитивное понимание - понимание качественно новое,
 | каким образом субъект может узнать его (ведь он понимает,
 | что он понимает) и, следовательно, признать пригодным? Если
 | позитивное понимание в качестве понимания субъектом пони-
 | мается, значит это понимание существовало априорно, и уже
 | до момента его узнавания было человеку знакомо. Вместе с
 | тем, позитивное понимание должно быть неизвестным, совер-
 | шенно новым образцом понимания. Иначе, для чего же мыш-
 | ление искало выход из проблемной ситуации ?

Наверное, всем *хорошо* известно, что Платон мышле-
 | ние рассматривал как мнемический процесс, а мысль чело-
 | века - как результат воспоминания идей. Анализ парадокса

Мышление: парадокс "реминисценции" понимания. Рефлексивный контур понимания встречается в работах М.К. Мамардашвили, который усматривает в этом феномене одно из самых загадочных проявлений человеческого сознания: "... у нас в голове какая-то мысль. Откуда она? Она в нашей голове, но откуда она появилась? Из ничего? Вот то, что мы называем обычно *новым* (курсив М.К.), - какое-то открытие, изобретение... Почему, каким образом возможна новая мысль, ведь, чтобы *принять* (курсив М.К.) ее как мысль, мы должны ее узнать в качестве той мысли, которая разрешает какую-то проблему. Не узнав, ее нельзя иметь, какая бы она ни была. А если узнали, то уже знали. И что - значит, тогда вообще мыслить нельзя?!" Но, естественно, здравый смысл не позволяет принять такой пессимистический взгляд. Да и практика повседневной жизни показывает, что продуктивное, творческое мышление, мышление, открывающее иногда человеку яснейшее понимание сути вещей, является возможным. В то же время, субъекту познания новые смыслы и новый опыт понимания даны в сознании как приобретения, а не репродукция известного в новых условиях. Раз решим ли этот парадокс? Не является ли он, подобно многим греческим апориям, логически (а не эмпирически!) неразрешимой загадкой? На самом ли деле феномен *выгляди* так, как я пытаюсь его здесь описывать, или истинная природа понимания не имеет ничего общего с предлагаемой моделью?

Уже говорилось о том, что понимание может быть реализовано внутри различных познавательных контуров, когда одновременно актуализованы в сознании различные области различных смыслов. Запомним данное предположение и постараемся еще раз разобрать ситуацию с пониманием в результате мышления как нового понимания, которое узнается в качестве такового, а значит понимаете) как то понимание, вследствие которого открывается смысл

Мамардашвили М.К. Картезианские размышления. М, 1993. С. 83 - 84.

Мышление: парадокс "реминисценции" понимания. Рефлексивный контур. Этого, что в проблемной ситуации было не определено. Если понимание существует априорно факту его проявления в сознании, значит становится бессмысленным само обсуждение вопроса, как человек способен приобретать новые знания.

По всей видимости, понимание собственного понимания происходит в один и тот же момент времени, то есть синхронно актом искомого понимания, и никак не после, и, что само собой разумеется, не до. Если бы понимание того, что субъект действительно понял, осуществлялось после, то позитивное понимание не могло бы быть обнаружено. Человек не может сначала понять, а только затем • понять, что он понял, поэтому, с необходимостью, понимание и понимание этого понимания происходят одновременно. Но это разные виды понимания, хотя можно было бы • полагать, что эти виды понимания реализованы в одном познавательном контуре, а именно: в мышлении. Однако, [есть основания считать, что это не так. Человек не может в • один и тот же момент времени находиться в двух различных перцептивных пространствах, равно как не может иметь одновременно два образа представления, и не способен направлять свое мышление одновременно на два и более объекта мысли. Это справедливо не потому, что согласуется со здравым смыслом и повседневной практикой, а, [прежде всего, потому, что является логическим следствием всей ранее построенной теоретической конструкции. Согласно моим прежним рассуждениям, в каждый актуальный • момент времени в сознании актуализированы определенные области смыслов, составляющие текст сознания. Позже [было сказано, что сознание одновременно может работать с несколькими текстами, то есть реализовывать одновременно различные программы понимания, при этом введя [ограничение, что сознание не может одновременно работать с текстами, образованными внутри одного познавательного контура. Парадокс реминисценции понимания

Мышление: парадокс "реминисценции" понимания. Рефлексивный контур. включает в себе противоречие, составляющими которого являются все прежние положения. Итак, одновременно понять в пределах одного познавательного контура невозможно. Понимание того понимания, к которому стремится мышление как к адекватному решению проблемной ситуации, не может ни предшествовать по времени позитивному (искомому) пониманию, ни следовать за ним. Следовательно, одновременные психические эффекты понимания и понимания этого понимания имеют место только в различных познавательных контурах. Помимо мышления, вторым таким контуром, по понятным причинам, не может быть сенсорно - перцептивный или контур представления, так как презентация смыслов в этих контурах имеет образную форму. И, мало того, что процесс формирования образа развернут во времени, сам образ не может не быть обнаружен субъектом. На этом основании необходимо допустить существование еще одного, четвертого познавательного контура, а именно - рефлексивного контура. Его работа строго синхронизирована по времени с актуально работающим познавательным контуром, независимо от того, какой характер имеет презентация смысла в этих контурах. Работа рефлексивного контура не прекращается ни в одном из состояний сознания, начиная от состояния сна со сновидениями, и заканчивая состоянием ясного сознания. Возникает вопрос: какие функции выполняет рефлексивный контур в процессе познавательной деятельности? Здесь лишь можно высказать предположение, которое, без сомнений, является только одной из возможных гипотез, позволяющих объяснить такое сложнейшее психическое явление, как рефлексия. Надо признаться, что психологи очень мало знают о природе этого феномена. Все, что существует в психологии относительно роли и механизмов рефлексивных процессов, главным образом сводится к представлениям об обратной связи или мышлении о собственном психическом содержании субъекта, в том числе и мышлении о

Мышление: парадокс "реминисценции" понимания. Рефлексивный контур. содержании мышления в предшествующий период времени. При таком понимании рефлексия становится синонимом мышления, так как формула "Я думаю о том, о чем я думаю", которой традиционно описывается акт рефлексии, есть не что иное, как констатация явления мышления. Понятно, что в контексте данной работы рефлексивные акты трактуются принципиально по иному. Итак, возвращаясь к анализу работы рефлексивного контура, я рискну предложить следующую гипотезу: функция рефлексивного контура заключается в установлении симультанной (мгновенной) обратной связи с тем актуальным познавательным контуром, в котором возникает новое словообразование. Имеется в виду следующее: когда субъект осуществляет когнитивную деятельность, актуальные перцептивные образы, образы представления, мысли наполняются смысловым содержанием благодаря тому, что в памяти существуют определенные области соответствующих смыслов. Любые психические формы наполнены смысловым содержанием, в противном случае, видя многократно перед собой стол, мы каждый раз бы удивлялись этому "нечто" или не понимали обращенной к нам речи. Смысловое мнемическое пространство служит основой нашего понимания. С тем лишь добавлением, что это - понимание уже известного нам из опыта. Такой вид понимания можно назвать "репродуктивным пониманием". Продуктивное понимание, или, как было выше обозначено, понимание позитивное, всегда связано с моментом открытия новых смыслов, открытием которое совершается по типу "эврика", то есть, представляет собой симультантный эффект. Но чтобы понимание нового словообразования стало возможным, как уже было отмечено, его нужно идентифицировать. Роль такого механизма дефиниции понимания, как понимания искомого, выполняет рефлексивный контур. В нем в момент позитивного понимания, то есть в момент словопорождения, возникает тот же смысл, с теми же актуализированными областями,

Мышление: парадокс реминисценции понимания. Рефлексивный контур. который представлен в этот же момент времени в другом познавательном контуре. Это делает возможным осуществлять сознанию симультанное сличение нового смыслообразования с этим же смыслообразованием, но порожденным в параллельном познавательном контуре. Только это позволяет одновременно и понимать, и узнавать свое понимание в качестве понимания. А, как уже отмечалось, это неперемное условие для позитивного понимания. Психологи по поводу рассматриваемой проблемы хранят гробовое молчание. Единственное косвенное подтверждение выраженной позиции я нахожу в трудах М.К. Мамардашвили, который в "Лекциях о Прусте" неоднократно обращался к анализу феномена "воспоминания новой мысли". Этот парадокс Мамардашвили пытается разрешить, вводя представления о резонансном эффекте понимающих структур сознания. Он писал, что этот эффект (эффект "сбывания мысли") возникает "как бы многократным отражением от сильно сцепленных стенок структур (как будто мячик катается от стенки к стенке и индуцирует в нас состояние)¹. Конечно, философский язык является недостаточно строгим (хотя, конечно, не менее выразительным) для того, чтобы описать механизмы работы рефлексивного контура. Однако, как мне кажется, в мысли Мамардашвили заключено то понимание, которое я вкладываю в понятие "симультанное сличение смысла". Если образы, мысли, равно как и любые другие конечные продукты познавательной активности человека, рассматривать как психические формы, имеющие смысловое содержание, то естественным образом встает вопрос - что является такой формой для рефлексивного контура? Ведь возникающий в нем смысл должен чем-то "держаться"; форма, собственно, и есть то, что содержит. Однако, надо признать, что в отношении рефлексивного контура поставленный вопрос является некорректным. Как

¹Мамардашвили М.К. Лекции о Прусте (психологическая топология пути). М., 1995. С. 324.

мышление: парадокс реминисценции понимания. Рефлексивный контур. мы помним, допущение необходимости существования этого контура было продиктовано требованием идентификации новых смыслообразований, то есть требованием их опознания в психике, как если бы они имели представительство в памяти. И, как было показано, память есть совокупность смыслов, конституирующих все мнемическое пространство. Именно смыслов, имеющих множество своих областей. Соответствующие смыслам психические формы в памяти не хранятся, и сличение возможно только вследствие соотнесения между собой смысловых образований. Рефлексивный контур также требуется для того, чтобы установить такое соответствие, но с той лишь разницей, что симультанно порожденный смысл в данном случае сличается с самим собой, а при этом необходимо, чтобы он имел свой дубль в независимом познавательном контуре. Надо подчеркнуть, что в момент свершения позитивного понимания обнаруженный смысл сличается не со смыслами памяти, а именно с самим собой (то есть, происходит как бы самосличение), поскольку осознанию проблемной ситуации уже предшествовал поиск известных, готовых способов понимания. Осознание проблемной ситуации как раз обнаруживает ту неопределенность, которую позитивное понимание и призвано снять. Таким образом, до момента оформления мысли психике уже известно, что смысловое содержание мысли в памяти не находится. Поэтому сам процесс сличения обнаруженного смысла со смыслами памяти становится абсолютно нецелесообразным. Новое можно узнать как новое не в сравнении со старым, а в самопризнании новизны нового. Исходя из сказанного выше, такое явление, как инсайт, можно объяснить, исходя из представлений о том, что в момент возникновения качественно нового понимания (а позитивное понимание всегда качественно новое) происходит мгновенное, синхронное порождение одного и того же смысла в двух независимых познавательных контурах, один из которых - рефлексив-

Мышление: парадокс "реминисценции понимания. Рефлексивный контур ный. И в этот же момент происходит мгновенное (в некотором смысле вневременное) опознание этого смысла путем сличения с самим собой, но находящимся в рефлексивном познавательном контуре. Таким образом, рефлексивный контур позволяет "вспомнить о настоящем", и тем самым, "узнать" новый опыт понимания. Сказанное попробую показать на следующем примере, который, конечно же, лишь в грубом виде отражает действительную работу рефлексивного контура. Допустим, что человек до неузнаваемости изменил свою внешность, и с этого момента ни разу не видел себя в зеркале. До момента изменения внешности, разглядывая себя в зеркальном отражении он всякий раз видел хорошо знакомый образ. В последнем случае зеркало аналогично памяти, которая позволяет узнавать то, что встречалось в опыте. Когда человек, уже изменивший внешность впервые наблюдает свое изображение, он узнает его как изображение себя не потому, что оно знакомо ему (ведь оно ему совершенно незнакомо), а только потому, что он помнит о том, что внешность, отражение которой он видит в зеркале - это его внешность. Аналогично тому, как "знает" субъект, что мысль, возникающая в сознании - это его мысль в его сознании. Но, чтобы "увидеть" ее, опознать как таковую, сознанию требуется произвести зеркальный эффект. Точно так же, человек никогда не узнал бы о своей новой внешности, если бы не посмотрел на себя в зеркало. Чтобы знать о своей новой внешности ("позитивно понять"), нужно увидеть себя в зеркале ("понять" свое понимание), в противном случае нельзя узнать, какова внешность ("что это именно искомое понимание"). Тот факт, что нарисованная здесь картина визуально или как-то иначе непредставима, конечно же, не лишает ценности само предположение. По всей видимости, описанный процесс куда более сложен. За неимением более логически изящных объяснений, я пока могу удовлетвориться предложенным. И

Мышление: парадокс "реминисценции понимания. Рефлексивный контур. сказанного вполне довольно для того, чтобы понять авторскую позицию.

Конечно, не все так просто. И, скорее всего, все совсем не так просто. Тем не менее, возможно, все немного и так. Ведь, как указывал П. Фейерабенд, "единственным принципом, не препятствующим прогрессу, является принцип допустимо все"¹. Многое остается неясным. Очевидно одно: что развитие человека, и, в глобальном смысле, развитие человечества, связано с совершенствованием форм понимания, что в свою очередь предполагает формирование многовариантных стратегий понимания, децентрацию сознания. Понимание человеком самого себя, взаимопонимание между людьми - это не только проблематика академической науки, а, наверное, в первую очередь, условие выживания человека в мире. И поэтому так важно приблизиться к пониманию того, как мы понимаем, хотя понимание, безусловно, - один из самых таинственных феноменов. "Легче разгадать понимаемое, чем понимание,"² - скупозлезно подметил В.П. Зинченко.

Всякий акт понимания - это акт восстановления мира из хаоса цвета, звука, беспредметной разобщенности. Это акт восстановления пространственно - временного порядка. Это оформление мира в связанную картину мира. И поэтому понимание - есть синоним человеческого присутствия в мире. Не мир открывает себя для понимания, как считал, например, Х.-Г. Гадамер, а только человек открывает мир в своем понимании, конструируя его по собственной прихоти. Неизмеримое количество степеней свободы понимания делает интригующим путешествие человека по жизненному пути. Благодаря пониманию человек способен проникать в

¹Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986. С. 142.

²Зинченко В.П. Психологическая педагогика. Часть I. Живое знание. Самара, 1998. С. 98.

Мышление: парадокс "реминисценции" понимания. Рефлективный контур
 микромир и возвышаться в мысли до космических высот. Единственно, на что неспособен человек - так это не понимать. И очевидно, чем больше размерность понимания, тем выше качество человеческой породы.

*«Его собственная лобная кость преграждает ему путь, он в кровь расшибает себе лоб о собственный лоб. Все, что он делает, кажется ему, правда, необычайно новым, но и, соответственно этой **немыслимой** новизне, чем-то необычайно дилетантским, едва даже выносимым, неспособным войти в историю, порвав цепь поколений, впервые оборвав напроць ту музыку, о которой до сих пор можно было по крайней мере догадываться. Иногда он в своем высокомерии испытывает больше страха за мир, чем за себя.»* Так говорил Кафка.

ЧАСТЬ 3. МЕТОДЫ ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

"...Мы используем веревочную лестницу, чтобы подняться наверх, хотя знаем, что и без нее можем летать. Главное - чтобы из-за привязанности к веревочной лестнице мы не утратили этой способности к полету."

Е.В. Сидоренко

В своем кратком обзоре я сознательно оставляю без внимания лингвистические подходы, используемые при изучении семантики. Интерес, главным образом, представляют методы, позволяющие репрезентировать смысловые отношения индивидуума, а также их связи между собой. Другими словами, здесь рассматриваются подходы, предусматривающие проявленность **СМЫСЛОВ** в **ТОМ ИЛИ ИНОМ** фиксированном виде вследствие применения определенных методов или техник. Методам экспериментальной психосемантики посвящено обильное количество работ¹. Это избавляет меня от необходимости подробно останавливаться на анализе отдельных методов, обсуждении их достоинств и недостатков. Я единственно более детально постараюсь

¹Вот лишь несколько работ, где описаны психосемантические методы и способы их применения: Петренко В.Ф. Психосемантика сознания. М., 1988; Франселла Ф., Баннистер Д. Новый метод исследования личности. М., 1987; Шмелев А.Г. Введение в экспериментальную психосемантику: теоретико - методологические основания и психодиагностические возможности. М., 1983; Kelly G.A. The Psychology of Personal Constructs. N.Y., 1955; Kelly G.A. A Theory of Personality. The Psychology of Personal Constructs. N.Y., 1963; Miller G.A. Empirical Methods of the Study of Semantics. // Semantics. Cambridge, 1971; Osgood Ch., Susi C.J., Tannenbaum P.H. The Measurement of Meaning. Urbana, 1957.

описать психофизиологические методы, применяемые при изучении психосемантических пространств. В частности, метод КГ - реакции, который, на мой взгляд, является не только удобным, но и дает возможность получить достаточно информативные результаты. Кроме этого, я приведу описание проведенного мною эксперимента и полученных результатов.

Глава 1. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ДИФФЕРЕНЦИАЛ Ч. ОСГУДА

Одной из наиболее известных и распространенных психологических техник, применяемых в целях определения оценочных отношений субъекта к объектам действительности можно назвать "семантический дифференциал" Ч. Осгуда. Метод семантического дифференциала (СД) принадлежит к методам экспериментальной семантики и применяется для построения субъективных семантических пространств. Этот метод был разработан в 1952 г. группой психологов во главе с Ч. Осгудом. Его используют в психологии, социологии, лингвистике (см., например, интересную работу А.П. Журавлева¹).

Осгуд считал, что метод СД позволяет измерять так называемое коннотативное значение, то есть тот непосредственный, актуализированный смысл, который возникает вслед за восприятием знака и предшествует осмысленным операциям со знаками. В методе СД измеряемые объекты (понятия, изображения, персонажи и т. п.) оцениваются по ряду биполярных градуальных шкал, полюса которых заданы с помощью вербальных антонимов. Оценки по отдельным шкалам коррелируют друг с другом, и с помощью факторного анализа удается выделить высококоррелирующие шкалы и сгруппировать их в факторы. Психологи-

¹Журавлев А.П. Звук и смысл. М, 1991.

ческим механизмом, обеспечивающим взаимосвязь и группировку шкал в факторы, Ч. Осгуд считал явление синестезии.

В исследованиях Осгуда строилось семантическое пространство на базе шкалирования понятий самых разных понятийных классов (например, "пламя", "мать", "радость" и т.д.) и было выделено три основных фактора, таких как "оценка", "сила", "активность". Дальнейшие исследования показали универсальность выделенных факторов по отношению к разным категориям испытуемых. Осгуд в своих экспериментах использовал шкалы, образованные на базе наиболее частотных прилагательных антонимов. Но в большинстве случаев высокочастотные прилагательные являются оценочными, и большое количество слов, вошедших в фактор "оценка" не позволяет выделить более слабые факторы, кроме факторов "сила" и "активность".

Позже исследователям удавалось расширить семантическое пространство и, наряду с тремя универсальными факторами, выделить такие факторы, как "плотность", "упорядоченность", "реальность" и "обычность"¹.

Осгудом делались попытки использовать в своих исследованиях и вариант невербального семантического дифференциала. Испытуемым предъявлялись пары графических форм, типа: черный круг - белый круг, прямая линия - ломаная линия, одноцветная фигура - многоцветная фигура и т. п. Затем им предлагалось отнести какое-нибудь понятие к одному из пары изображений как наиболее соответствующему по смыслу. Например, для слова "счастливый" испытуемые чаще указывали на изображение цветного, острого, четкого, светлого.

Выгодное преимущество метода СД в том, что он допускает оценивание не формального знания об объекте, а того субъективного знания, которое, по выражению

¹См.: Петренко В.Ф. Лекции по психосемантике. Самара, 1997. С П.

С.Л. Рубинштейна "неразрывно с переживаниями" субъекта. Структуры, построенные на основании выявленных смыслов дают, таким образом, представление о глубинных слоях сознания (см. красивый пример использования метода СД¹).

ТЕХНИКА "РЕПЕРТУАРНЫХ РЕШЕТОК" Дж. КЕЛЛИ

Подход Келли к изучению личности при помощи личностных конструктов является одним из наиболее оригинальных. Сама теория личности Келли по сути не имеет ничего общего с другими подходами. В этой теории нет привычных терминов и понятий, в основном присутствующих в теориях личности. Келли полагал, что все люди могут создавать и придавать определенную форму конструктам, отражающим окружающую действительность, то есть люди интерпретируют все физические и социальные объекты своего мира, формируя модель. На основе этой модели люди делают прогноз относительно объектов и относительно себя и используют свое предсказание в качестве направляющей силы в своих действиях. Таким образом, для того, чтобы понять людей, необходимо понять их модели, то есть те способы, которыми они, каждый индивидуально, конструируют свой мир.

Теория конструктов Келли и то, как личностные конструкты работают, представлено в форме фундаментального постулата и одиннадцати следствий.

Основной постулат: "Личностные процессы психологически направлены теми способами, с помощью которых человек предвосхищает событие". Личность рассматривается Дж. Келли как текущий, динамический процесс. Психологические процессы направляются конструктами, т.е. теми способами, которыми человек объясняет мир. Не-

¹ Артемьева Е.Ю. Психология субъективной семантики. М, 1980.

смотря на то, что всегда есть какие-то изменения, существует все же определенная степень стабильности в поведении человека, потому что он действует через сеть каналов. Конечно, каналы могут изменяться, но они структурированы, и изменения обычно происходят в пределах, навязываемых этими структурами.

Все конструкты являются предвосхищающими, т.к. человек использует их с целью предсказать будущее, чтобы иметь определенные идеи насчет того, что может стать результатом того или иного паттерна собственного поведения.

Все одиннадцать следствий в системе Келли основаны на приведенном выше постулате. Я лишь перечислю их, не давая подробных комментариев.

1) Следствие конструкций. "Человек предвосхищает события посредством толкования их повторений."

2) Следствие индивидуальности. "Люди отличаются друг от друга в конструировании событий."

3) Следствие организации. "Каждый человек характерным образом развивает систему конструктов, охватывающую упорядоченные связи между конструктами для удобства в предвосхищении событий."

4) Следствие дихотомии. "Система конструктов человека состоит из ограниченного количества дихотомических конструктов."

5) Следствие выбора. "Человек выбирает для себя ту альтернативу в дихотомическом конструкте, с помощью которой он получит большую возможность для расширения и упорядочивания своей системы конструктов."

6) Следствие ряда. "Конструкт подходит для предвосхищения только ограниченного ряда событий."

7) Следствие опыта. "Система конструктов человека изменяется по мере того, как он успешно истолковывает повторение событий."

8) Следствие модуляции. "Изменение в системе конструкторов ограничено проницаемостью конструкторов в тот ряд применения, где находятся нужные варианты." Конструктор, который обладает проницаемостью - это такой конструктор, который пропускает совершенно новые элементы для включения их в спектр его применения. Таким образом, этот конструктор открыт влияниям новых впечатлений и событий.

9) Следствие фрагментарности. "Человек может успешно использовать множество подсистем конструкторов, которые несовместимы друг с другом."

10) Следствие общности. "В той степени, в которой один человек использует конструкцию опыта, сходную с используемой другим, его психологические процессы сходны с процессами другого человека."

11) Следствие социальности. "В той степени, в которой один человек понимает процессы, происходящие с системой конструкторов другого, он может играть роль в социальных процессах, включающих этого другого человека."

Практическим приложением к теории Келли явился метод личностной психодиагностики, получивший название "техники репертуарных решеток". В настоящее время известно множество модифицированных вариантов первого репертуарного теста личностных конструкторов (РТЛК), который был предложен Дж. Келли в 1955 г.

В общем виде репертуарная решетка представляет собой матрицу, которая заполняется испытуемым. Столбцам матрицы соответствует группа объектов. Это могут быть любые объекты, принадлежащие какой-то одной области и связанные контекстом, аналогично репертуару ролей в пьесе. В качестве объектов могут вступать люди, предметы, понятия, отношения, цвета и т.д. Объекты, интересующие исследователя, носят название элементов. Строки матрицы представляют собой конструкторы - биполярные признаки, параметры, шкалы. Конструкторы могут быть как заданы

исследователем, так и выявлены у испытуемого с помощью соответствующих процедур. В процессе заполнения репертуарной решетки испытуемый должен оценить каждый объект по каждому конструктору. Анализ репертуарной решетки позволяет оценить силу и направленность связей между конструкторами, заполнившего его человека, выявить наиболее важные и значимые параметры (глубинные конструкторы), лежащие в основании оценок, построить целостную подсистему конструкторов, позволяющую описывать и предсказывать оценки и отношения человека (своеобразную индивидуальную семантическую карту). Надо отметить, что семантические связи между конструкторами, как правило, представляют собой результат обучения (следствие общности), однако каждый из нас, основываясь на уникальном личном опыте, присваивает словам идеосинкретические значения (следствие индивидуальности)

Техника репертуарных решеток позволяет воспроизводить определенные фрагменты картины мира человека, показывая при этом и характер связи между единичными оценками, которые в данной технике играют роль своеобразных смысловых гештальтов, вскрывая индивидуальную семантику, выявляя специфику отношения человека к миру. Метод при этом дает возможность реализации собственных устремлений исследователя путем создания новых типов решеток, отвечающих задачам собственного исследования.

МЕТОД КЛАССИФИКАЦИИ

Этот метод, разработанный Миллером, основан на допущении, что формы классификации материала соответствуют внутренним семантическим связям этого материала, и структура последних может быть выражена в процедуре классификации. Применение методики состоит в следующем: испытуемому предлагается классифицировать материал (обычно слова) в произвольное количество групп, при-

чем в группу может входить произвольное количество объектов (слов). Результаты классификации суммируются в матрицу, где мерой семантического сходства пары объектов выступает количество отнесений их испытуемыми в один класс.

Достоинством метода классификации является то, что его удобно использовать для анализа как вербального, так и невербального материала.

Кроме выше описанных методов используют также метод субъективного шкалирования, метод Q - сортировки, а также техники ассоциативного эксперимента.

Глава 2. ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ

В психофизиологии ведущими методами исследований являются: метод электроэнцефалографии (ЭЭГ) и метод кожно - гальванических реакций. (КГР). В настоящее время оба эти метода используются для изучения психосемантики¹.

Метод КГР используется в течение более длительного времени. Он удобен по причине наглядности результатов и простоты процедуры. Открытие метода принадлежит И.Р. Тарханову, который в 1890 г. показал, что изменения электрических характеристик кожи можно наблюдать и без приложения внешнего тока, как это делал ранее Фере. Кроме этого, Тарханов установил, что кожный потенциал изменяется как при внутренних переживаниях, так и в ответ на сенсорное раздражение. Позднее эта электрическая активность кожи получила название "кожно - гальванической реакции". Одним из первых исследователей КГР был Карл

¹Читайте очень интересную работу, где используется метод ЭЭГ для анализа семантических полей: Смирнов И.В., Безносюк Е.В. Журавлев А.Н. Психотехнологии: Компьютерный психосемантический анализ и психокоррекция на неосознаваемом уровне. М., 1995.

Юнг, который рассматривал КГР как объективное физиологическое "окно" в бессознательные процессы. Именно в работе Юнга было впервые показано, что электрическая активность кожи отражает, по - видимому, степень эмоционального переживания. Ранние исследователи полагали, что КГР служит лучшим индикатором эмоций индивидуума, чем его собственный отчет о своих переживаниях. Позднее было замечено то обстоятельство, что величина сопротивления потовых желез закономерным образом связана с интенсивностью осознаваемых переживаний. Хотя надо полагать, что и бессознательные процессы находят свое отражение в изменениях характера реакции. И вполне вероятно, что все психические проявления имеют свое "представительство" на тактильно - кинестетическом уровне. Недаром еще Б.Г. Ананьев называл кожу "периферической душой" человека. Во всяком случае, КГР часто рассматривается как один из наиболее информативных периферических (вегетативных) показателей изменения во внутреннем мире человека (Мясищев, 1939; Ермолаева - Томина, 1963; **Ольшанникова**, 1969 и др.). КГР легко активируется стимулами, которые обладают новизной и значимостью, что дает основания считать этот параметр компонентом любой ориентировочной реакции. Существуют также экспериментальные данные (Ольшанникова, 1969), показывающие существенные различия динамики КГР при ориентировочном и эмоциональном типе реагирования. Изменение КГР при ориентировочных реакциях выражено значительно меньше по амплитуде, интенсивности, длительности и они имеют большую скорость угасания, чем при эмоциональном ответе испытуемого.

Кроме того, достаточно часто КГР используют в исследованиях вероятных моделей поведения. Экспериментально доказано, что если обследуемым ставится задача правильно реагировать на сигналы, отличающиеся друг от друга на незначительную величину и появляющиеся с раз-

личной вероятностью, то у них возникает **значительное** эмоциональное напряжение, что влияет на выраженность КГР: при правильных ответах, в большинстве случаев, КГР маловариабельная и хорошо выраженная; при неправильных - наблюдалась сильная варьированность КГР (отмечались большие волны, не связанные с появлением сигнала), и ее различная выраженность у обследуемых. **Следовательно**, правильный выбор реакции может сопровождаться либо повышенной напряженностью, либо, наоборот, ее снижением.

Во всяком случае, с помощью метода КГ-реакций изучаются самые разные явления психической жизни человека. Так, метод КГР применялся для изучения страха (Bailey N., 1928), для выявления отношения к рекламным объявлениям (Eckstrand, Gilliland, 1948), для определения способностей по тестам IQ (Kilpatrick, 1972), при просмотре кинофильма (Goleman, Schwartz, 1976). В настоящее время КГР используют как способ диагностики состояний человека. Л.Б. Ермолаева - Томина исследовала взаимосвязь показателей КГР с индивидуальными различиями человека. Были проведены эксперименты, показывающие **изменение** КГР у детей во время игры. Н.Д. Сорокина предложила методику коррекции состояния больных с эмоциональным расстройством, на основе обучения их управлять своим состоянием с помощью БОС (биологической обратной связи) и в качестве сигнала связи она использовала значимые сдвиги КГР.

Рассмотрю подробнее классическое исследование структуры семантических полей с помощью физиологических методов, которое было проведено А.Р. Лурия.

Продолжая линию, берущую начало от Павлова, опираясь на собственные исследования в области психологии речи, патопсихологии, а **также** на базе уже проведенных ранее экспериментальных исследований¹, Лурия использо-

¹Razran G. *Experimental Semantics*. N.Y., 1950; Razran G. Semantic and Phonetographic Generalization of Salivatory Conditkoning with Werbal

вал методы ЭЭГ и КГР для изучения "семантических полей". В проводившихся экспериментах он использовал слова, имеющие как смысловое, так и фонетическое сходство с тем словом, предъявление которого испытуемому сопровождалось подкреплением электрическим током. Так, 18 - 27 сочетаний слова "скрипка" с отставленным по времени ударом тока формировали условно - оборонительную реакцию, которая регистрировалась через параметры КГР. После этого в процедуре опыта на фоне нейтральных слов предъявлялись слова: 1) сходные по звучанию - "скрепка", "стрижка", "скрытность" и т. п.; 2) прямо связанные по **смыслу** с **условным** сигналом - "струна", "смычок", "скрипач"; 3) отдаленно связанные по **смыслу** - "музыка", "оркестр" и др. Результаты эксперимента показали следующее: созвучные слова не вызывают ни оборонительных, ни ориентировочных реакций. Слова, близкие по смыслу, которые составляют внутренний круг семантического поля понятия "скрипка", дают такую же оборонительную реакцию, как и подкрепляемое слово. Слова третьей группы, составляющие семантическую периферию, дают реакцию **ориентировочного** типа. Если процедуру опыта продолжать, то с течением времени угасают как оборонительные, так и ориентировочные реакции и, при подкреплении другого слова из этого же набора стимулов, **оказывается** возможным актуализировать новую иерархию значений на основе смыслового содержания "слова - мишени". А.Р. Лурия отмечает, что **при** слишком интенсивной переделке семантических полей путем частой смены подкрепляемого слова, происходит полная дезорганизация сосудистых и кожно - гальванических реакций. Лурия показал, что в норме на организацию семантического поля влияют содержательные характеристики стимула, а при различных формах патологии, а также дисфункциональных состояни-

Stimuli. - "J. Exper. Psychol.", 1949; Riess B.F. Semantic Conditioning Involving the Galvanic Skin Reflex. // Psychol. Bull., 1949.

ях актуальным становится фонетическое сходство слов со словом - "мишенью"¹. Однако, Лурия не указывает параметры КГР, которые кодируют разные **информационные** характеристики стимула. К тому же его исследование было статистически ненадежным, потому что проводилось на единичных испытуемых, без математической обработки.

С целью выяснения роли различных характеристик КГР в кодировании характеристик вербального стимула, мною было проведено экспериментальное исследование на базе психофизиологической лаборатории факультета психологии Санкт - Петербургского Госуниверситета. В качестве испытуемых выступили 27 человек, перед которыми ставилась задача воспринимать слова, которые предъявлялись на экране, расположенном в нескольких метрах от кресла испытуемого. Набор слов был составлен таким образом, что в нем можно было выделить три относительно независимые группы. Первую группу образовывали слова, которые имели тесное семантическое сходство со словом "роза", например: "цветок", "лепесток", "клумба", "ваза", "фиалка" и т.д. Во вторую группу вошли слова, имеющие знаковое сходство со словом "роза". Это: "рота", "рога", "доза", "коза" и т.д. Третья группа состояла из так называемых индифферентных слов относительно слова "роза", например, "шарф", "вилка", "стул", "сумка" и т.д. Эксперимент состоял из трех этапов. На первом этапе в псевдослучайном порядке экспонировался весь набор стимулов, с целью адаптации испытуемого к экспериментальной ситуации и угасания ориентировочных реакций на предъявляемые слова². На втором этапе эксперимента производилась

¹Лурия А.Р., Виноградова О.С. Объективные исследования динамики семантических систем. / Семантическая структура слова. М., 1974.

²Хорошо известно, что КГР является компонентом любой ориентировочной реакции. (О.В. Лаврова, В.Ф. Пятин, В.И. Адайкин, А.Ю. Агафонов, Е.Н. Пашкина. Руководство к практическим занятиям по психофизиологии. Самара, 1999. С. 144.)

запись фоновых показателей КГР, для того, чтобы получить исходные данные на каждого испытуемого. Следующий, третий этап заключался в проведении основной экспериментальной процедуры, а именно: в последовательном предъявлении слов и регистрации КГР. Причем, предъявление слова "роза" сопровождалось подачей через наушники звукового сигнала на грани болевого ощущения. Этот прием предполагал актуализацию смысла соответствующего значению слова "роза". Интересно было обнаружить отличие в характере реагирования на слова, входящие в разные группы, после подкрепления "слова - мишени". И, кроме этого, второй важной задачей исследования являлось установление смыслового **расстояния** в семантическом пространстве, активированном эмоционально негативным подкреплением слова "роза". Результаты показали следующее:

- 1 Самый информативный показатель КГ - реакции - амплитуда КГР.
2. Чем ближе в семантическом отношении воспринимаемое слово к слову, получившему подкрепление, тем выше амплитуда КГР (Слова "цветок", "клумба", "лепесток", "букет", "запах" имели самые высокие значения при анализе амплитудных характеристик **КГР.**)
3. Слова, имеющие знаковое сходство с **подкрепляемым** стимулом, по сравнению с семантически родственными словами, вызывали КГ - реакции, специфика которых заключалась в значительно меньшем времени угасания.

Надо сказать, что на сегодняшний день применение психофизиологических методов для изучения семантики не получило широкого распространения. Практически после исследования Лурии не было получено качественно новых результатов в этой области. Хотя, анализ психофизиологических реакций, понимаемых как индикаторы, "знаки" то-

го, что происходит в смысловой сфере субъекта, на мой взгляд, позволяет иметь более ясное представление о характере смысловой динамики, по сравнению с анализом, **применяемым** при использовании собственно психологических методов. , .

Как бы то ни было, никакой психосемантический метод не дает возможности исследовать **смысловую** реальность в том виде, в каком она существует в человеческой психике. Надо понимать, что не существует и не будет существовать такого метода, с помощью которого была бы описана смысловая архитектура психики. **Результаты** ни эксперимента, ни наблюдения и частного случая последнего - интроспекции, - основных методов психологического исследования, не отражают в непосредственном виде изучаемое явление во всех его взаимосвязях. Валидность метода повышается путем тщательного контроля над **побочными** переменными. **И** чем меньше будет факторов, которые опосредуют ответ испытуемого, **тем** выше будет качество применяемого метода. Хотя, естественно, устранить все "промежуточные" переменные **невозможно**. Кроме того, их количество нельзя точно знать. Все, с чем мы имеем дело в психологическом **исследовании**, - это те или иные реакции испытуемого. По этим результирующим мы пытаемся судить об основаниях сделанных выборов, которые проявляются в ответах испытуемых. Любая информация, которая тем или иным способом вводится в **память** испытуемого (ведь для того, чтобы выполнить экспериментальное задание испытуемому, как минимум, во время выполнения задания требуется помнить, в чем оно состоит), а также информация, которая является результатом **выполнения** задания и которая становится материалом анализа исследователя, в любом случае опосредована сознанием испытуемого на основании его актуального состояния, на основании его намерений и отношения к своему участию в исследовании. У испытуемого всегда существует возможность создать

фиктивное представление у экспериментатора относительно исследуемых **явлений**. В литературе можно встретить мнение, что применяемые в настоящее время "средства психосемантического анализа ... опосредуются сознанием субъекта и весьма подвержены влияниям его случайных **прихотей**."! Это неизбежно приводит к произвольности при толковании результатов исследования. Всякий раз полагая, что испытуемый отвечает определенным образом, поскольку его ответ соответствует его же чувству, представлению, мнению, мы сознательно вынуждены отвергать альтернативные основания его выбора. Иначе говоря, мы всегда имеем дело только с реакциями, а не с тем, что пытаемся исследовать, что находится по ту сторону реакций. И в этом смысле исследователь и испытуемый находятся в отношении "дополнительности" друг к другу. (В терминологии Н. Бора.) Таким образом, не только совершенствование методов психосемантического исследования, но и улучшение качества анализа, который предлагается исследователем, поможет экспериментальной психосемантике успешно развиваться в будущем.

«В последний раз психология!» Так говорил Кафка.

Смирнов И.В., **Безносюк Е.В.**, **Журавлев А.Н.** Психотехнологии: Компьютерный психосемантический анализ и психокоррекция на неосознаваемом уровне. **М.**, 1995. С. 95.

ЧАСТЬ 4. БЕССМЫСЛЕННОСТЬ СМЕРТИ В ЗАЗЕРКАЛЬЕ ПОНИМАНИЯ (поэтические медитации)

"Смерть - это то, что бывает с другими."

И. Бродский "Памяти Т.Б."

"...Я человек, мне бессмертия не надо:
Страшна неземная судьба..."

Арс. Тарковский. "Земное"

"Нет человека - нет смерти."

С. Беллоу. "Герцог".

"Смерть достаточно близка, чтобы
можно было не страшиться жизни."

Ф. Ницше. "Злая мудрость".

Существуют разные, весьма не схожие друг с другом, жанры познания. Акт постижения сущностных сил человека может быть выполнен с помощью качественно различного инструментария. Философские и научные исследования далеко не единственные способы вопрошания о человеческом в человеке. Возможно, даже для этой цели едва ли не наиболее пригодными являются художественные средства. Надо думать, Леонардо и Достоевский, Антониони и Кафка, Борхес и Тарковский не меньше обогатили психологическую мысль, чем Джемс, Фрейд или Выготский. Но на мой взгляд самые глубокие, самые тонкие, самые верные идеи о человеческой природе принадлежат поэтам. Шекспир, Матерлинк, Пушкин, Бродский, Высоцкий - не только столпы мировой поэзии, но и гениальные Психологи. Поэзия - кратчайший, хотя, конечно же, и бесконечный;

увлекательнейший, хотя и мучительный, путь к Истине. Тот, кто выбирает этот путь, уже не имеет ни малейшей, даже самой призрачной надежды, получить какое-либо алиби в мире. Поэтическое творчество всегда связано с немислимым риском, так как оно не может быть ангажировано, не может быть как-либо защищено. И потому:

*Поэт без труда произносит последнее "да",
Но к тлеющим душам никто не приходит согреться.
Поэт видит жизнь не в длину, а до самого дна.
И прячет не камень за пазухой, - сердце.*

(А. Агафонов)

В стихах фиксирован опыт предельного напряжения обнаженного человеческого духа, опыт одинокого самостояния в потоке живого слова. За желание осуществиться в Слове поэт платит всем, что имеет, имеет, правда, он не так много, - всего лишь одну человеческую жизнь. Талантливейший Александр Башлачев писал, что поэтам, "этим ангелам-чернорабочим", невероятно трудно "быть иконой в размере оклада" и поэтому, наверное, так часто у них "горлом идет любовь". Зная "из какого сора растут стихи не ведая стыда", поэт не умеет фальшивить. Поэт не ошибается по определению. Он всегда находится там, где совершается наиболее значительная для человека работа, где пребывает сама суть. Выныривая из глубин сакрального поэтического таинства, поэт выносит наружу нечто важнейшее, невыразимое, убийственное и остается с этим, храня в тяжелом молчании неразделенное знание. Неразделенность... При всем почитании. **Неразделенность...** На вершинах людского признания. Неразделенность... "О, одиночество, как твой характер крут..."

Граница умопостигаемого поэтом проходит через проблему смерти. И он, как никто другой, понимает, что конечность человеческой жизни есть основание смысла по-

следней. Смерть парадоксальным образом не отрицает, а, напротив, утверждает жизнь. Над этой загадкой ломали себе головы далеко не худшие умы человечества¹. Но факт того, что со смертью невозможно смириться, показывает, что загадка эта представляет собой вызов человеческому разуму. Смерть сама по себе - чудовищно бессмысленна и поэтому абсолютно непонятна. Это одинаково касается как завершения чьей-то жизненной истории, так и отживших чувств, отношений, идеалов, желаний, собственного "Я"... Смерть не выбирает на чем ставить свою печать. И это нельзя предугадать. Однако, есть рецепт, дающий возможность выглядеть достойно при встрече со смертью, которая, порой, не раз посещает нас в течение всей жизни: жить полноценно - осмысленно².

Если трагедия и "рождается из духа музыки", то поэзия, во всяком случае, рождается из трагического духа смерти. Поэтому, стихи, в определенном роде, это всегда напоминание и призыв к экспансии жизни. И в силу этого, поэт, в некотором не тривиальном смысле, является предупреждающим знаком на многосудебном пути. Он рекрутирован, чтобы проделать работу, которая заведомо не может быть совершена в одиночку. И тем не менее...

Поэт неуязвим только в своем инобытие. В мире унылых почтальонов и самоуверенных продавцов, денежных и дорожных знаков, телефонных гудков и казенно - дежурных, брошенных на бегу: "Как дела?"; в мире неутомимой

¹Вопрос о смысле смерти В. Франкл называл "самым человеческим из всех вопросов." (Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990. С. 191.)

²Примером тому является жизнь Антуана де Сент - Экзюпери, который сказал простые и емкие слова: "Когда мы осмыслим свою роль на земле, пусть самую скромную и незаметную, тогда лишь мы будем счастливы. Тогда лишь мы сможем жить и умирать спокойно, ибо то, что дает смысл жизни, дает смысл и смерти." (А. де Сент - Экзюпери. Планета людей./Сочинения в 3-х томах. Т. 1.Рига, 1997. С. 304.)

борьбы за хотя бы крошечную, но свою жизненную территорию, поэт не просто сирота, он - изгой, инородец, вечный странник в перенаселенной пустыне. Он избран и проклят в своей избранности. Так нам ли мерить своими убогими социальными линейками то, что нельзя оценить ни в каких единицах измерения?

*Не будем поэта судить за неправильный быт,
За блажь держать страх вместо фиги в кармане,
За тихую грусть и привязанной тени испуганный вид,
За верность строке, что, по слову стекая из раны,
Становится Зовом, становится Гимном, Признаньем
Важнейших, последних начал мирозданья.
Не смейте поэта судить за незнание
Обыденных истин в удобных одеждах желаний.*

(А. Агафонов)

Смысл жизни поэт умеет разглядеть в зияющих глазах смерти. Возможно в этом кроется разгадка той редкостной манеры поэтического мирозерцания, которая позволяет допускать существование особой, опять таки, поэтической чувствительности к тому, что для иных остается под порогом обнаружения. Поэт очень чутко реагирует на мертвые отходы жизни: взгляд, могущий "заморозить воду", безжизненный поцелуй, невозможность себя... Поэтому, кровь и слезы вместо чернил. Поэтому, всегдашнее memento morae... Вспомним хотя бы трагическую судьбу М. Цветаевой и ее, исполненные высоким дарованием, строки:

*Поэтов путь: жжа, а не согретья,
Рвя, а не взращивая - взрыв и взлом -
Твоя стезя, гривастая кривая,
Не предугадана календарем!*

Когда наступает час уходить, человек уже никому ничего не должен. Поэт же всегда ждет стука в дверь. А когда

приходит пора - нет ни страха, ни обид, ни слов, ибо не был "пылью на ветру" и выполнил то, ради чего призван. Только самую малость тронет сердце печаль, ведь Мир остается сиротой, лишаясь своей необходимости... Уходя, поэт оставляет за собой только черные дыры.

На смерть А. Башлачева

"...от нас остались только черные дыры.
Холодный свет. Черные дыры.
Нас больше нет.
Есть только черные дыры."

А. Башлачев

*Грядущее... Перспектива взгляда.
Страх - в беспорядке вещей. **Надо**
Только вернуться к себе, ада
Искушение преодолев,
Быть, смев.*

*Нерезкость картинки. Пространство значений
Проступит сквозь призму слезы. Сомнений
Избегнешь и бессмысленно ждать. Тени
Определяют предмет
В зависимости, где свет.*

*Крепкий союз змеи и орла -
Интеграл в сновиденческой схеме. Молва?
Зеркало мнений на предмет осуждения зла.
Скукой больное стадо
Как разновидность **пато**.*

*Тяжелые. Долгие. Вечные роды.
Еще один день. Вам хотелось свободы ?
Оставьте... Ведь глупо желать моды
Ради: тревоги, заботы.
Ан нет, до крови, до рвоты.*

*Не надо советов. Для некрологов
Сбережем красноречье свое. Ищем предлога,
Чтоб оправдать преимущество грубого слога
Пред музыкой языка.
Криком, отточенностью клыка.*

*Удвоение бытия - результат демонизма снов,
Где тоска, возрастая, доходит до уровня слов,
Исчезаемых в немоте, заполняющей ртов
Черные дыры...
Черные дыры...*

Нам приснилось, что нас больше нет.
А, быть может, и не было вовсе?
На напрасный вопрос безнадежно разумен ответ
Если знаешь, что "до ", начинаясь, непременно закончится "после".

Но я слышу звучанье несказанных слов.
Узнаю в немоте их живое дыханье.
Полна неги пьянящей, владычица снов,
Предо мной обретешь ты свое очертанье.

То, что было, что есть и когда - то свершится, -
Все сольется, сойдясь, в появленье твоём.
Все поймется, простится, навеки решится,
Если только мы снова с тобой не умрем.

Ничего не понять, никуда не уйти.
Дни, как стынущий воск догоревшей свечи.
Я смотрю вам в глаза, дети грешной Земли,
В них - убитое небо в горящей крови.
Омертвели душой, оскудели умом,

Превратив дивный мир в обворованный дом.

Ты радостью жива, жива игрою
Всех темных сил в святилище Богов.
Твой нежный взгляд, то вдруг окутан тьмою,
То с новой силой вспыхивает вновь.

Начал двух монолитное слиянье,
Враждующих стихий - согласие и борьба.
И в этом сне, сменяя одеянья,
Из господина превращаюсь я в раба.

Пройдет и сон, как растворится дымка
В холодной безымянной пустоте.
Лишь в памяти, неуловимо зыбкой,
Ты тенью жить останешься во мне.

Как вода на огонь - воровато, натужно,
Словно стадо послушное - единодушно.
В суете, отдаляясь все дальше, забвеньем,

На живое, на Имя, легли черной тенью,
Погоняя кнутами своих языков,
Время пущенных вскачь быстроногих часов.
Беспольные люди. Тленных дней пасынки
Затирают следы и сжигают мосты,
Чтобы сгнуло Имя в потоках речей
Крпотью времени. "Резвее, бойчей!",
Чтоб бессилье свое на дешевую брошь променять,
Схорониться в углу, если в дрожь вдруг опять
Бросит Имени глас. А святая вода из распахнутых глаз
Все бежит ручейком звонких нот, будто нас
Вопрошает сам Бог светлым Именем. Рой
Комариный не выпьет всю кровь.
Ни хвалою афишной, ни смердящей хулой
Не **сдурманишь**, не сглазишь,
В могильную яму не стащишь,
Не набросишь петлю, ухмыляясь:
"Старуху, - мол, - бывает и то, не минует проруха."
Гордое Имя. Сиянье небесных вершин.
В каждом из нас, пока помним и с ним
Наше "вчера", что с грехом пополам
Стыд разделил в назидание нам,
Чтобы хранили свечой негасимой
Святое Великое Имя - РОССИЯ.

"Герр Хайдеггер, заброшенность в повседневное, когда она началась?"

Сол Беллоу.

Время смердит. И, как жаждой измученный путник,
Черствый пряник сменивши на ласковый кнут,
Всюду ищет алтарь, но находит лишь нужник,
Жертвенной срасти исполненный люд.

А в сказочном граде давно не стихают бои.
В огненной пасти войны разыгралось пламя.
И уже не понять, кто чужие средь нас, кто свои.
Бремя глупой борьбы под одно всех поставило знамя.

В повседневность заброшенных водит по кругу Завота.
В ритме старого танца: раз.., два.., три... Раз.., два.., три.
Это вечно как мир и уже не подвержено моде:
Только делай как все, и тогда все пребудет сполна.

Только верь одурело в иллюзию правильной жизни
И получишь в награду желанный уют.
Впереди поводырь со спасительной мыслью -

Твой всегдашний слуга... и карающий суд.

*И хоть общий наш дом как сиротский приют,
Возвращаться сюда всем когда - то придется.
Слышишь ? Сердце могильную песню поет -
Это кто - то опять попытался вернуться.*

*Но дороги домой мы не знаем иной.
За долги расплатились бесценной свободой.
Эх, сквитался бы разом с дурехой - судьбой.
"Раз.., два.., три... Раз.., два.., три", - погоняет Забота.*

К. КА СТАНЕДА : В ГОСТИ к СМЕРТИ

*Войди в мое робкое сердце и стань мне исходом!
Ты слышишь, ты слышишь?
Я знаю, я знаю, поверь,
Все уйдут на восходе
Туда, где под куполом неба
Нас встретят Они -
Скитальцы в краю вечно юной зари.
Так короток срок. Не оставь нас в ночи.
Молю: долети, дозовись, докричись.*

*Раскрой нам сердца и значенье яви.
О, голос судьбы, осени нас в пути.
Пусть в смерти нам будет сопутствовать радость.
В решающий час мы забудем усталость,
Сомненья, тревоги, желаний тщету.
Наш дух на свободном и свежем ветру,
Влекомый сиянием вечного сна,
Чарующим таинством встречного дня.
Держу в руке взгляд. Это сила призыва.
Она ходит рядом, покуда мы живы.
Ведет, указуя дорогу к заре.
"Вставай и иди ", - было сказано мне.*

*Ни сон, ни явь, а где-то между,
Где тишина, созвучьем став,
Как пряным ароматом трав
Наполнит мир своей надеждой -
Там утренней звездой сойду
В твои светящиеся руки.
Беспечно счастье смертной муки
В стремленье к скорому концу.
О, славный миг! Потеря? Обретенье?*

*Не стоит доверять значенью слов.
В безмолвии ведет любовь
К отчаянью и пробужденью.
Зову: "Приди ". Я напоен желаньем
Исполнить все до наступленья дня,
Чтоб после, не хваля и не браня
Свою судьбу за вечное скитанье,
Сорвать последний лист календаря.*

"Бог в кости не играет."

А. Эйнштейн

*В груди ревет ветра, а в глазах пожар.
Хотел сойти с ума - да не хватило сил.
Но никто дальше смерти еще не ходил.
Зато всякий раз - до сумы и нар.*

*На дворе воют псы, да снует голытьба.
В окно лезет круглая дура - луна.
И пока все одно - что крыло, что метла,
Но, все-таки, где мы с тобою и для?*

*Пусть бесстыжие звезды гибнут без нас.
Нам ли в кости играть с прихотливой судьбою?
Ты верни мне любовь -ия стану собой,
Положи мою душу в постель своих глаз.*

*По - над небом легко уходить от погонь,
Даже если рассвет перед нами стеной.
Отчего же, скажи, тот тревожный покой,
Что лежит пустотой между мной и тобой?*

*Ты прости, и поймешь, как невысказанно сложно
Сохранить нам все то, что сомненья крысиные гложут.
Обними меня в зеркале. Мы еще сможем
Видеть вечное небо, глядя в грязную лужу.*

*Когда мы одни, что не взгляд - то в упор.
Когда мы одни - ни к чему разговор.
Нет слов, чтобы лгать, и бессмысленно ждать
И некуда, некуда больше бежать.
Но мы не умеем с тобой умирать*

Пока мы вдвоем. Пока мы вдвоем.

*Когда мы одни меж бедой и виной,
Когда мы одни только знаем с тобой:
Любовь - это сказка с печальным концом,
Любовь - это птица с подбитым крылом.
Любовь - испытание долгим постом,
Любовь - это смерть, что нас ждет за углом.
Пока мы вдвоем. Пока мы вдвоем.*

*Когда мы одни, у разбитых зеркал,
Когда мы одни, предрекая провал,
Улыбку заставив дрожать на устах,
Сорвемся в знакомый проверенный страх.
Пусть время стучит метрономом в висках,
Все будет как прежде, на старых местах.
Пока мы вдвоем. Пока мы вдвоем.*

— *Так кто же ты ? Зачем? Коль испокон веков
По ветру направление движенья?
Ты - лишь один из мириады мотыльков,*

Носящихся в слепом повиновенье?

— *Я - музыка, закованная в ноты,
Я - тайна по ту сторону холста.
Я - слов бурлящие потоки,
Бегущие из завтра во вчера.
Я - "Мертвых душ" сожженная глава,
Я - рай, потерянный навеки.
Я - первая весенняя листва
И остановка в сумасшедшем беге.
Я-...*

П . . .

*Ты начинаешь видеть меня,
Лишь когда закрываешь глаза.
Мир становится тенью тебя
В мой полдень жизни. Слеза*

*Серебром слезится и язычет язык.
А воля волит свою волю,
Но определяющее определит сдвиг
В содержании главной роли.*

*И тогда станет нужным мое вопрошанье
Бесконечно проклятых вечных тем.
Я снова ищу продолженья желанья
В дурном повторенья вопроса "Зачем?"*

*Зачем свет твоих солнечных глаз ?
Зачем ожидание радости встреч ?
Все, что упраздняюще смотрит на нас
Так подозрительно простосердечно.*

*Между "рано" и "поздно" будто в тисках
Сжалась моя душа. Кто же она ?
Боль ? Судьба ? Вечность ? Страх ?
В твоём театре теней Игра ?*

*Что оставило нас для самих себя,
Лишив права вернуться назад ?
Я устаю быть усталым, вина
В этом свою усталость. Взгляд*

*Теряет опору в предметах, стесняясь
Присутствия света. Ты открыла глаза
И учишься видеть, не удивляясь
Тому, что больше не видишь меня.*

Тому, что больше не видишь . . .

Тому, что больше . . .

Тому . . .

«Поэты протягивают руки навстречу людям. Но люди видят не дружественные руки, а судорожно сжатые кулаки, нацеленные в глаза и сердце.» Так говорил Кафка.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Спасибо всем тем, кто этими строчками завершил, а не начал знакомство с этой книгой. Абсолютно неважно, насколько истинны или ложны те идеи, которые, я надеюсь, мне удалось сформулировать. Главное - насколько они стали эвристичными для тебя, уважаемый Читатель. Если хоть что-то из прочитанного стимулировало новые движения мысли, открыло новый ракурс понимания, заставив иначе взглянуть на хорошо известное, если возникли вопросы, сомнения, непонимание, значит свершилось самое важное, что может случиться в жизни думающего человека - событие мысли состоялось. Все остальное не входило в задачи, которые я перед собой ставил. Я сказал слишком много, но, сказав, понял, что не сказал ничего. Воистину: "Говорящий - не знает, знающий - не говорит".

Я надеюсь, что мой Читатель окажется снисходительным к капризному желанию автора (впрочем, достаточно безобидному) соединить в едином концептуальном построении два существенно различных жанра познания. Но я полагаю, что, устав от сухого академического стиля, Читатель заслужил право отдохнуть, погрузившись в терапевтический мир поэзии, пусть даже этот мир, по моей прихоти, помещен в столь пугающее своей метафизической туманностью пространство смерти. Я убежден, что смерть нельзя ни отрицать, ни признавать. Единственный способ постижения существа смерти - это ее вопрошание, которое, понятно, возможно только при жизни. Только так можно трансцендировать свое бытие, только так можно узнать нечто, что находится по ту сторону жизни. Это совершенно необходимо для того, чтобы обрести тот устойчивый смысл жизни, который не будет совпадать с изменчивыми, суетными, порой иллюзорными, а, зачастую, унижительно несо-

образными человеку целями и задачами, с которыми каждодневно сталкивается каждый из нас.

У меня нет ни малейшего сомнения в том, что я могу в чем-то или даже во всем ошибаться, но я думаю *так*, а не иначе. И поэтому я прав. Хотя я и отдаю себе отчет, что претендовать на право обладания истинным знанием, когда предмет твоих размышлений - человеческая душа, "границ которой не отыскать", было бы, по меньшей мере, нелепо. На мой взгляд, признание за собой права на ошибку при утверждении собственной правоты, сомнение относительно того, во что более всего ты веришь, является показателем здорового состояния сознания думающего человека. Только внутри этого состояния заложена гарантия развития. Только этим ты застрахован как от скотского серьеза по отношению к себе, так и от опасности потерять в жизни свою собственную точку опоры. Вера - явление исключительно персонального свойства. Во что верю лично я? Я верю в то, что без меня мир лишился бы одной из необходимых своих опор. Верю в собственную способность осмыслить абсолютно все, что может быть подвластно человеческому разуму. Верю, что моя жизнь имеет глубочайший смысл, и я рожден на свет человеком, а не дождевым червем далеко не проста. Верю в чудодейственные свойства Любви. И поэтому я сомневаюсь, сомневаюсь, сомневаюсь... Как человек приходит к тем или иным убеждениям, как он открывает для себя источники веры и почему человеку свойственно испытывать во всем сомнения - для меня остается загадкой. Существующие теории социального опосредования меня принципиально не устраивают, но в данном случае речь не об этом. Я хочу сказать, что вера и сомнение - есть две стороны одной медали. Между верой и сомнением каждый, в том числе и каждый, считающий себя ученым, движется к желаемому знанию. Для меня вера и сомнение - две чаши весов, на которых я взвешиваю крупицы бесценного знания (поэтому мне бесконечно близок

Ницше, как олицетворение радикальной веры, и поэтому я бесконечно люблю Кафку, который есть полнота сомнения). И я не без удивления и, вместе с тем, с удовольствием отмечаю, что быть весовщиком - не самый худший выбор судьбы.

И последнее. Важно не то, что творится в Мире, важно то, что происходит в мире, который ты построил внутри себя. И если в этом, каждый раз заново выстраиваемом мире налажено производство смысла, восполняется понимание, значит ты находишься в потоке жизни, где еще все может случиться, а, значит, рано подводить итоги. Ведь, как мы помним, будущее, также как и прошлое, принадлежит настоящему.

Спасибо и всего Вам доброго.

«Он знает об этом мире в десять тысяч раз больше, чем все люди мира.» Так говорили о Кафке.

С уважением, А. Агафонов.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Бом Д. • 276
 Бор Н. • **92, 309**
 Боринг Э.Г. • **33, 92, 201**
 Бородай Ю.М. • **107, 190**
 Борхес Х.Л. • 310
 Бродский И. А. • 310
 Бродский И.А. • 310
 Брудный А.А. • 113
 Брунер Дж. • **103, 245, 256**
 Брушлинский А.В. • 95, 96, 233
 Быстрицкий Е.К. • 259
- В**
- Васильев И.А. • **55**
 Веккер Л.М. • **10, 12, 23, 34, 37, 42, 48, 98, 100, 118, 153, 169, 170, 202, 264, 278, 279, 283**
 Вертгеймер М. • 78
 Виноградова О.С. • 306
 Витгенштейн Л. - 56, 81, 200, 227
 Волков Н.Н. • **259**
 Вундт В. • **25, 26, 27, 28, 30, 31, 32, 162, 163, 168, 221, 257**
 Выготский Л.С. • 22, 45, 46, 47, 48, 54, 64, 65, 66, **77, 107, 110, 112, 170, 201, 209, 246, 247, 310**
 Высоцкий В.С. • **310**
- Г**
- Гадамер Х.-Г. • 293
 Гайденок П.П. • **148**
 Ганзен В.А. • **10, 12, 57, 128, 163, 214, 215, 216, 217, 260, 276**
 Гегель Г.В.Ф. • 116, 225, 226
- Абульханова - Славская К.А. • 95, 96, 233
 Августин А. • **173, 174**
 Агафонов А.Ю. • **7, 16, 22, 51, 147, 263, 306**
 Адлер А. • 9
 Айдакин В.И. • 263, 306
Аллахвердов В.М. • 12, 21, 52, 87, 94, **106, 176, 177, 189, 199, 200, 202, 236, 237, 238, 241, 244, 245**
 Амосов Н.М. • 9
 Ананьев Б.Г. • 58, **91, 146, 147, 202, 303**
 Антониони • 310
 Аристотель • **153, 154, 190, 206**
 Аронсон Э. • **114, 247**
 Артемьева Е.Ю. • 89, 90, 298
- Баннистер Д. • 295
 Бассин Ф.В. • **55, 93, 257**
 Бахтин М.М. • 57, 58, **66, 112, 274, 280**
 Башлачев А. • 311, 314
 Безносюк Е.В. • **141, 143, 168, 263, 267, 302, 309**
 Беллоу С. • 310, 319
 Бергсон А. • **156, 165, 166**
 Бернштейн Н.А. • **209, 212**
 Беттельхейм Б. • **123, 124**
 Бехтерев В.М. • 116
 Бинсвангер Л. • 63, 64

Гельмгольц Г. • **148, 256, 257, 258**
 Гераклит • **7, 10, 70, 78, 153**
 Гете И.В. • **204**
 Гиппенрейтер Ю.Б. • **10**
 Годфруа Ж. • **273**
 Голенков С.И. • **57, 61, 62**
 Голосовкер Я.Э. • **208**
 Голосовкер Я.Э. • **208**
 Гордеева Н.Д. • **18, 20, 42, 43, 44, 47, 50, 52**
 Грановская Р.М. • **243**
 Грегори Р.Л. • **257**
 Грязнов Б.С. • **199**
 Гундерсон Э. • **144**
 Гуссерль Э. • **62, 63, 190, 219, 222**
 Гюйо Ж. • **156**

Д

Давыдов В.В. • **42**
 Даль В.И. • **61**
 Дармашев Ю.Б. • **211, 224, 244**
 Декарт Р. • **226, 228**
 Джемс В. • **31, 32, 33, 34, 78, 188, 203, 204, 205, 310**
 Дильтей В. • **148, 258**
 Достоевский Ф.М. • **14, 310**
 Дубровский Д.И. • **229, 230**
 Дункер К. • **78, 276**
 Дьюи Д. • **31, 34**

Е

Еникеев М.И. • **175**
 Ермолаева - Томина Л.Б. • **303, 304**

Ж

Журавлев А.Н. • **141, 143, 168, 263, 267, 302, 309**
 Журавлев А.Л. • **296**

Зинченко В.П. • **18, 20, 39, 42, 43, 44, 50, 52, 67, 85, 98, 99, 209, 210, 211, 212, 213, 233, 277, 281, 293**
 Зинченко П.И. • **140, 141**

К

Каздин • **273**
 Кант И. • **9, 12, 15, 72, 96, 154, 155, 156, 239**
 Каптерев П.Ф. • **223, 224**
Кастанеда К. • **320**
 Кафка Ф. • **11, 12, 13, 17, 59, 294, 309, 310, 327, 330**
 Кашин П. • **252**
 Келер В. • **107**
 Келли Дж. - **298, 299, 300**
 Крачфилд Р. • **162**
 Креч Д. • **162**
 Кришнамурти • **14**
 Крылов А.А. • **242**
 Куайн В. • **68**
 Кучеренко В.В. • **80, 269**
 Кэрр Г.А. • **31**

Л

Лаврова О.В. • **12, 263, 306**
 Лакан Ж. • **53, 87**
 Ланка - аватара - сутра • **60**
 Лаплас П. • **156**
 Лебедев М.В. • **68**
 Лебедев М.В.. • **68**
 Левин К. • **92**
 Леонардо • **310**
 Леонтьев А.А. • **55, 132**
 Леонтьев А.Н. • **42, 55, 64, 65, 66, 77, 191, 192, 202, 209, 213**
 Леонтьев Д.А. • **55, НО**

Лессинг • **16**
 Либин А.В. • **23**
 Ливсон Н. • **162**
 Линдсей П. • **135, 242**
 Ломов Б.Ф. • **234, 235, 252**
 Лоренс К. • **38**
 Лоскутов В.В. • **10**
 Лурия А.Р. • **64, 65, 66, 137, 138, 139, 304, 305, 306, 307**

М

Майерс Т. • **145**
Мамардашвили М.К. • **12, 56, 74, 92, 94, 119, 165, 197, 200, 201, 219, 226, 227, 228, 230, 231, 250, 286, 290**
 Манделъштам О. • **224**
 Маничев С.А. • **116**
 Маркс К. • **113, 192, 193**
 Матерлинк • **310**
 Менчинская Н.А. • **259**
 Мерло - Понти М. • **14, 223**
 Микешина Л.А. • **275**
 Миллер Дж. • **301**
 Милль Дж. Ст. • **204**
 Моисеев Н.Н. • **170, 171**
 Моисеева Н. • **156**
 Музиль Р. • **7**
 Мясисhev В.Н. • **303**

Н

Найссер У. • **104, 105**
 Налимов В.В. • **66, 150, 206, 207, 208**
 Нельсон П.Д. • **144**
Ницше Ф. • **12, 122, 310, 330**
 Норман Д. • **135, 136, 137, 242**

О

Обуховский К. • **126**
 Огден Ч. • **67**
 Ольшанникова А.Е. • **303**
 Опенков М.Ю. • **275**
 Осгуд Ч. • **296, 297**
 Осипов Л.Е. • **244**

П

Павлов И.П. • **180, 304**
 Паивлио А. • **133**
 Патнем Х. • **73**
 Пашкина Е.Н. • **263, 306**
 Петренко В.Ф. • **80, 109, 201, 269, 270, 272, 295, 297**
 Петровский А.В. • **44**
Петровский В.А. • **12, 108, 110, 111, 112**
 Пиаже Ж. • **103**
 Платон • **285**
 Плеснер Х • **220**
 Плотин • **154**
 Полан Ф. • **64, 66**
 Поплужный В.Л. • **55**
 Поршнев Б.Ф. • **195**
 Протагор • **15**
 Пушкин А.С. • **310**
 Пушин И. • **113**
 Пятигорский А.М. • **92, 94, 197, 201**
 Пятин В.Ф. • **263, 306**

Райт • **261**
 Рассел Б. • **94, 157, 158, 159**
 Ричардс А. • **67**
 Розин В.М. • **21, 22, 46, 199, 230**
 Рок И. • **257**
 Романов В.Я. • **211, 224, 244**

Рубинштейн С.Л. • 19, 50, 51, 64, 66,
95, **96, 109, 212, 232, 233, 298**
Руткевич А.М. • 64

Сасюр Ф. • 87
Сепир Э. • 68
Сидоренко Е.В. • **295**
Скиннер Б. • 37
Скиннер Б. • 37
Смирнов А.А. • 43
Смирнов И.В. • **141, 143, 168, 263,**
267, 302, 309
Солсо Р.Л. • **140, 202, 236, 261**
Сорокина Н.Д. • **304**
Сперлинг Дж. • **262**
Спиркин А.Г. • 74, **78, 202**
Столин • 203
Струп Дж. -241

Тай Р. • 75
Тарковский А. • **310**
Тарковский Арс. • 310
Тарханов И.Р. • **302**
Титченер Э. • **25, 28, 29, 30, 32**
Тихомиров О.К. • 55
Толстой Л.Н. **13**
Тофлер А. • **144, 145, 150**
Трейсман А. • 261
Тулмин Ст. • 69

Узнадзе Д.Н. • **38, 39**
Уилкоксон • 273
Уитроу Дж. • **160, 161**
Уорф Б.Л. • 68
Уотсон Дж.Б. • 35

Успенский П.Д. • **127**

Ф

Фейерабенд П. • 293
Фейербах Л. • 192
Фере • **302**
Франк С.Л. • **120, 121**
Франкл В. • **124, 125, 126, 247, 248,**
249, 312
Франклин Ф. • **199**
Франс А. • 164
Франселла Ф. • 295
Фрейд З. • 9, 40, **87, 93, 96, 202, 310**
Фромм Э. • **150, 151, 188, 189**
Фуко М. • 209

Хайдеггер М. • 63, **68, 75, 91, 229,**
319
Хебб Д.О. • 145
Холл С. • 31
Хофман И. • **133, 134**

Ц

Цветаева М. • 313

Чанышев А.Н. • 130
Челпанов Г. • 168
Черри К. • **262, 263**

Ш

Швырев В.С. • 282

Шекспир У. • 310
Шерозия А.Е. • **38, 39, 202, 229**
Шехтер М.С. • 235
Шмелев А.Г. • 295
Шпет Г.Г. • **282**
Штумпф К. • 31
Шульц Д.П. • **29, 30, 33**
Шульц П.Д. • 33
Шульц С.Э. • **29, 30, 33**

Эббингауз Г. • **175, 176, 182, 183**
Эддингтона С. • 160
Эйдельман Н. • 113
Эйнштейн А. • **16, 122, 153, 160, 219,**
250, 322
Экзюпери А. де Сент • **122, 312**
Эллер Л. • **200**
Энгельс Ф. • **192, 193**
Энджелл Д.Р. • **31, 33**
Эриксон Э. • 121

Ю

Юнг К.Г. • **9, 10, 14, 40, 41, 58, 93,**
94, 224, 303

Я

Ярошевский М.Г. • 31, 37, 44

Bayley N. • 304
Dilthey W. • 258
Eckstrand • 304
Gilliland • 304
Goleman • 304
Kelly G.A. • 295
Kilpatrick • 304
Lashley K.S. • 104
Miller G.A. • 295
Osgood Ch. • 295
Pena, de la, AM. • 151
Razran G. • 304
Riess B.F. • **305**
Schwartz • 304
Susi C.J. • 295
Tannenbaum P.H. • 295
Tinbergen N. • 104

**Агафонов
Андрей Юрьевич**

**ЧЕЛОВЕК КАК СМЫСЛОВАЯ МОДЕЛЬ
МИРА.**

Прологомены к психологической теории смысла.

**Художник *Е.В. Швецов*
Компьютерный набор и верстка *Е.О. Бусарова***

Подписано к печати с готовых диапозитивов. Формат 60 x 84 ^{1/16}
Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная.
Уч. печ. л. 35,28. Тираж 3000 экз. Зак. № 375

Издательский Дом "БАХРАХ - М"
443029. г. Самара, а/я 14077

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии Издательского Дома "АГНИ"

443110, г. Самара, ул. Мичурина, 23

А.Ю. АГАФОНОВ

ЧЕЛОВЕК

КАК СМЫСЛОВАЯ

МОДЕЛЬ МИРА

